

Ю. В. Ганковский

ИМПЕРИЯ
ДУРРАНИ

ОЧЕРКИ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ
И ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Издательство
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1958

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
A. M. ДЬЯКОВ

В В Е Д Е Н И Е

В истории афганского народа эпоха шахов Дуррани (1747—1819) занимает особое место: под властью этой династии впервые произошло объединение всех земель, населенных афганцами, в единое независимое государство.

Образованию империи Дуррани предшествовал длительный процесс разложения первобытнообщинного строя и складывания феодальных отношений в недрах афганского племенного общества. Процесс этот, протекавший в обстановке острой социальной борьбы, шел неравномерно и имел свои особенности у различных племен; к середине XVIII в. афганское общество уже раскололось на антиагонистические классы: выделилась эксплуататорская верхушка, состоявшая из ханов племен и духовенства, и образовалась зависимая, неполноправная прослойка эксплуатируемых хамсая, или факиров. Так была подготовлена почва для создания афганского государства.

Афганцы жили в соседстве с народами Индии, Ирана и Средней Азии, у которых феодальные отношения сложились на много веков раньше. Это было одной из причин того, что афганское общество в развитии к феодализму миновало рабовладельческую стадию.

Важным фактором, ускорившим государственное объединение земель, населенных афганцами, была необходимость борьбы с внешними врагами — иранскими и монгольскими феодалами, несколько столетий угнетавшими и грабившими афганский народ. В результате распада империи Великих Моголов, развала единого иранского государства и феодальных усобиц в Средней Азии в середине XVIII в. создалась благоприятная внешнеполитиче-

ская обстановка для собирания Ахмад-шахом Дуррани (1747—1773) афганских земель и для распространения власти афганских феодалов на обширные территории соседних с Афганистаном государств.

В трудах советских востоковедов Б. Н. Заходера, И. П. Петрушевского, И. М. Рейснера, С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского и некоторых других исследованы важнейшие вопросы истории стран Востока в эпоху феодализма и дана теоретическая разработка основных общих проблем.

Для изучения истории Афганистана, в частности эпохи шахов Дуррани, особенно много сделано советским афганистом И. М. Рейснером, который дал капитальное марксистское исследование важнейшей проблемы разложения первобытнообщинного строя, развития феодализма и образования государства у афганцев, показал причины возникновения и распада державы Дуррани, проанализировал социально-экономический строй этого государства и присущие ему классовые противоречия¹.

Советским афганистам М. Г. Асланову, Л. Р. Гордон-Полонской, Н. Д. Миклухо-Маклаю и В. А. Ромодину (хотя они и не занимались непосредственно эпохой шахов Дуррани) принадлежит важное место в разработке проблем разложения первобытнообщинного строя и возникновения у афганцев феодального государства². Военной истории Афганистана в середине XVIII в. и афгано-индий-

¹ Основными работами проф. И. М. Рейснера по истории Афганистана в эпоху шахов Дуррани являются: «Роль афганцев в Индии в XVIII веке» («Ученые записки Тихоокеанского института», т. II, М.—Л., 1949); «Возникновение и распад Дурранийской державы» («Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951); «Развитие феодализма и образование государства у афганцев» (М., 1954).

² М. Г. Асланов. *Афганский фольклор* (диссертация), М., 1945; М. Г. Асланов, *Народное движение рошани и его отражение в афганской литературе XVI—XVII вв.* («Советское востоковедение», 1955, № 5); Л. Р. Гордон, *Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии (XIX в.)* («Вопросы истории», 1950, № 3); «Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.)», М., 1953; Н. Д. Миклухо-Маклай, *Завоевание Ирана афганцами* (диссертация), Ташкент, 1945; «Из истории афганского владычества в Иране» («Ученые записки ЛГУ», 1954, № 179); В. А. Ромодин, *Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX века* («Очерки по новой истории стран Среднего Востока»).

ским отношениям того времени посвятила одну из работ Н. И. Семенова³.

Однако государственный строй и военная система державы Дуррани еще не были предметом специального изучения у наших востоковедов.

Проблемы внутреннего устройства державы Дуррани не затронуты и современными западными учеными, не исключая английских историков Дж. Макмена и П. Сайкса, выпустивших специальные работы по истории Афганистана⁴.

Не заполняют этого пробела также работы современных афганских историков об Афганистане при первых шахах Дуррани, несмотря на достаточно обильный и интересный фактический материал, который там содержится.

Вместе с тем изучение административной и военной системы Афганистана эпохи шахов Дуррани является весьма интересным в научном отношении, так как с этой эпохой связан важнейший переломный период истории афганцев.

Изучение государственной надстройки афганского общества, несомненно, поможет более глубокому анализу социально-экономических отношений, на развитие которых эта надстройка оказывала весьма большое влияние. Этот анализ в свою очередь будет способствовать дальнейшему выяснению тех процессов, которые привели к возникновению обширной империи Дурраки, способствовали ее пышному, но кратковременному расцвету и послужили причиной ее гибели. В то же время можно надеяться, что изучение государственного строя державы Дуррани, давая нам конкретный и сравнительно обильный фактический материал для характеристики процессов перерождения и приспособления к нуждам возникшего у афганцев молодого феодального государства, сохранившихся у них институтов первобытнообщинного строя, поможет в некоторой степени в разработке общих проблем генезиса феодализма.

³ Н. И. Семенова, *Афгано-махратская борьба за преобладание в Индии и Панипатская битва 1761 года* («Очерки по новой истории стран Среднего Востока»).

⁴ George Macmann, *Afghanistan from Darius to Amanullah*, London, 1929; Percy Sykes. *A history of Afghanistan*. vol. I—II, London, 1940.— На работу П. Сайкса есть рецензия А. Губера в «Историческом журнале» (1942, № 9, стр. 80—82).

Целью этой работы является изучение государственного строя и военной системы империи Дуррани.

Автор опирается на марксистско-ленинское учение о государстве, о причинах его возникновения и основных типах; о роли государства в подавлении эксплуататорским меньшинством эксплуатируемого большинства; о характере взаимоотношений базиса и государственной надстройки; об аграрных отношениях при феодализме и о многообразии политических форм феодального господства соответственно различным этапам развития феодального общества⁵.

Что касается основных источников, то ими были сочинения восточных (афганских, иранских, среднеазиатских и индийских) историков-хронистов, современников шахов Дуррани, а также записки европейских путешественников, посещавших Афганистан во второй половине XVIII и в начале XIX в., материалы Архива внешней политики России и некоторые английские официальные издания.

Кратко остановимся на основных источниках, использованных в этой работе.

Большой интерес представляет хроника Хусейна Али «Зинет-и тарихха», описывающая события афганской истории второй половины XVIII в., от воцарения Ахмад-шаха Дуррани (1747—1773) до конца правления шаха Замана (1793—1801). Сочинение это дошло до нас в единственной рукописи, хранящейся в библиотеке Института востоковедения Академии наук УзбССР⁶, и является автографа-

⁵ Основные труды классиков марксизма-ленинизма, использованные в этой работе: К. Маркс, *Британское владычество в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. 9, изд. 2); К. Маркс, *Будущие результаты британского господства в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. 9, изд. 2); К. Маркс, *Капитал*, М., 1955; К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии*, М., 1947; К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940; Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1957; Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1953; В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4), В. И. Ленин, *О государстве* (Сочинения, т. 29, изд. 4).

⁶ حسین علی—زینت تاریخنا (далее — Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*). Институт востоковедения АН УзбССР, рукопись № 285/1626. Озаглавив хронику Хусейна Али «Зинет-и тарихха», мы следуем за проф. А. А. Семеновым (см.: «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». Под ред. и при участии... профессора А. А. Семенова, т. I, Ташкент, 1952, стр. 117).

фом, переписанным в месяце сафар 1218 г. хиджры (23 мая — 20 июня 1803 г.). Кем был автор хроники, нам неизвестно; но, судя по многочисленным славословиям в адрес старшего сына Тимур-шаха — шах-заде Хумаюна, Хусейн Али был близок к этому принцу и являлся его сторонником в той борьбе за трон, которая началась между сыновьями Тимур-шаха после его смерти (1793).

«Зинет-и тарихха», как отмечал Е. Каль, очень напоминает содержанием «Хусейн-шахи» — историю шахов Дуррани, составленную незадолго до свержения шаха Замана Имамуддином Чишти⁷.

Другим весьма важным источником является сочинение Мухаммед Амина Абул Хасана Гулистани «Муджмил ат-таварих ба'д Надирийе», написанное в 1195 г. хиджры (1782 г.). Труд Мухаммед Амина состоит из двух частей: в первой излагается история Ирана в 1747—1750 гг., во второй рассказывается о правлении Ахмад-шаха Дуррани. Обе части изданы в конце прошлого века немецким ориенталистом О. Манном⁸. Мухаммед Амин провел юность в Керманшахе, правителем которого во времена Надир-шаха Афшара был его дядя. После убийства Надира Мухаммед Амину пришлось пережить много злоключений; спасая свою жизнь, он бежал из Керманшаха в Багдад, а затем в Индию в 1169 г. хиджры (1756 г.).

хотя правильнее было бы назвать ее «Зиб-и тарихха»⁹, т. е. так, как назвал ее сам автор на л. 2 в стихотворном предисловии.

⁷ Е. Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки*. Ташкент, 1889, стр. 29—30; О хронике Имамуддина Чишти см.: Charles Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British museum*, vol. III, London, 1883, p. 904—905, Or. 1662.

⁸ Ibn Muhammed Emin Abu'l-Hasan aus Gulistane, *Das Mujmil et-tarikh-i ba'dnadirije. Nach der berliner Handschrift herausgegeben von Oskar Mann* (Fasc. I. Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750, Leiden, 1891; Fasc. II. Geschichte des Ahmed Sah Durran, Leiden, 1896) (далее — Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*). Описание рукописи см.: Wilhelm Pertsch, *Die Handschriften Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin*, Bd. 4, Berlin, 1888, S. 428—429. № 437.— Имеется также тегерансское издание хроники Мухаммеда Амина: گلستانه ابوالحسن بن محمد امین — محمل التواریخ پس از نادر طهران — ۱۳۲۰.

Несмотря на то что Мухаммед Амин был современником описанных им событий, в его хронике много неточностей. Причина, по всей вероятности, в том, что часть событий, о которых он писал через 25—30 лет после того, как они произошли, недостаточно хорошо сохранилась в его памяти.

Очень интересна анонимная хроника «Хакикат-и бина ва урудж-и фирках-и сикхан», составленная в 1783 г.⁹. Индийский историк Индубхасан Банерджи, издавший ее перевод, считает, что автором хроники является Тимуршах Дуррани (1773—1793). Возможно, что это верно, так как о Тимур-шахе известно, что он имел склонность к занятиям литературой. Во всяком случае несомненно, что автор «Хакикат» был очевидцем многих событий, которые он описывает в хронике; это увеличивает ее ценность, хотя там отсутствуют даты, а в части, посвященной ранней истории сикхов, имеются неточности.

Для характеристики военной системы державы Дуррани много интересного дает сочинение уроженца Декана Каширадж Пандита, который в качестве секретаря наваба Ауда принимал участие в военной кампании 1760—1761 гг. и в знаменитой битве при Панипате. Как представитель вождей мусульманской коалиции Каширадж бывал в лагере маратхов, где имел возможность собрать интересный материал. «Бхао-нама» (так Каширадж Пандит назвал свою книгу) была написана через девятнадцать лет после Панипатской битвы. Сведения в ней отличаются полнотой и точностью. Объясняется это тем, что Каширадж, почти сорок лет прослуживший при Аудском дворе, имел свободный доступ к официальным документам. Сочинение Каширадж Пандита было переведено с персидского языка на английский подполковником Дж. Брауном, английским резидентом в Дели в 1782—1785 гг., и издано в 1792 г.¹⁰.

⁹ «Hakikat-i Bina wa Uruj-i Firkah-i Sikhan. A short history of the origin and rise of the sikhs», Calcutta, 1942.—Рукопись описана в каталоге Морлея (William H. Morley. *A descriptive catalogue of the historical manuscripts in the Arabic and Persian languages, preserved in the library of the Royal Asiatic society of Great Britain and Ireland*, London, 1854, p. 89, № 83).

¹⁰ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput, and of the events leading to it* [«Asiatic researches»], vol. III (Calcutta),

Много интересного о боевых действиях афганской армии и об ее организации сообщает нам также шейх Гулам Хасан Самин, приближенный наваба Фаррухабада, описавший события 1756—1757 гг., связанные с одним из походов Ахмад-шаха в Индию¹¹.

Некоторые важные подробности об Афганистане можно почерпнуть из хроники бухарского сеида Абдул Карима Бухари, в которой описываются события от 1153 до 1233 г. хиджры (1740—1818 гг.)¹². Известно, что Абдул Карим неоднократно исполнял дипломатические поручения бухарского эмира и много путешествовал: бывал в России (в Москве и Петербурге), в Турции и во владениях шахов Дуррани (в частности, дважды посетил Кашмир). Умер он в Стамбуле в 1830 г. Возможно, что часть материалов для афганского раздела своей хроники Абдул Карим получил от шаха Махмуда Дуррани, к которому был приставлен во время пребывания этого неудачливого монарха в Бухаре.

Авторы всех перечисленных хроник и исторических сочинений излагают преимущественно события политической истории; они очень мало говорят о социально-экономическом строе державы Дуррани и ее государственном устройстве. Их внимание сосредоточено на жизни и деятельности верхов феодального общества, шахов и эмиров, вазиров и наместников провинций. Ни один из восточных источников, имеющихся в нашем распоряжении, не содержит такого подробного описания государственного строя Афганистана эпохи шахов Дуррани, какое, например,

1792], р. 91—140. — Позднее перепечатано в Лондоне в 1799 и 1801 гг. Новое издание (Oxford, 1926) было подготовлено Дж. Саркаром.

¹¹ [Samin] «Ahmad Shah Abdali and the Indian wazir Imad-ul-Mulk (1756—1757). Contributed by William Irvine» («Indian antiquary», vol. 36, 1907). — К сожалению, хронику Самина, как и отчет Каширадж Пандита, мы имели только в английском переводе.

¹² Mir Abdoul Kerim Boukhary, *Histoire de l'Asie centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, Paris, 1876 (далее — Абдул Карим Бухари, Афганска Кабул). — Хроника Абдул Карима автором не озаглавлена. В первых турецких изданиях дается формальный заголовок: «Afgan ve Kabul ve Buhara ve Hiva ve Hokand Hanlareniñ ahvali».

дает «Тазкират аль-мулук», изданный В. Минорским¹³, для изучения Ирана эпохи последних Сефевидов. Чтобы восполнить этот пробел, приходится обращаться к запискам немногочисленных дипломатических представителей европейских государств и путешественников, посещавших Афганистан во второй половине XVIII и в начале XIX в.

Самым ранним из имеющихся в нашем распоряжении источников такого рода является записка капитана Богдана Асланова¹⁴, побывавшего в Афганистане в 1764 г. в связи с попыткой русского правительства установить дипломатические отношения с Афганистаном. Б. Асланов должен был предложить Ахмад-шаху Дуррани дружбу России и просить его прислать в Петербург посольство для заключения соглашений. К сожалению, русский представитель не выполнил своей миссии, так как Ахмад-шах находился в Индии, и Б. Асланов не смог установить с ним связи. В записке Б. Асланова для нас особенно интересны сведения о взаимоотношениях Ахмад-шаха с его хорасанскими вассалами, а также рассказ о некоторых дипломатических акциях главы афганского государства¹⁵.

Спустя десять лет в государстве Дуррани побывал Ф. С. Ефремов, уроженец Вятки,unter-офицер русской армии. Близ Оренбурга он был захвачен казахами и продан в Бухару. Пробыв там некоторое время, Ефремов бежал в Коканд, оттуда через Кашгар и Яркенд прибыл в восточные вилайеты державы Дуррани а затем во владения английской Ост-Индской компании и через Англию вернулся в Россию. Рассказ о странствованиях Ефремова выдержал еще при жизни автора три издания — в 1786, 1794 и 1811 гг.¹⁶; для нас в его книге наибольший интерес представляет описание Кашмира, находившегося тогда под властью афганских шахов.

¹³ «Tadhkirat al-muluk. A manual of Safavid administration (circa 1137/1725)». Persian text in facsimile (B. M. Or. 9496). Translated and explained by V. Minorsky, London, 1943.

¹⁴ Архив внешней политики России, ф. «Афганские дела», 1763—1766 гг., д. 1, л. 29—45 (далее — АВПР).

¹⁵ Подробнее о поездке Б. Асланова в Афганистан см.: Ю. В. Ганковский, *Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 г.* («Советское востоковедение», 1958, № 2, стр. 82—87).

¹⁶ Нами использовано второе издание записок Ф. С. Ефремова: «Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию», СПб., 1794. — Первое издание (1786) было воспроизведено в 1950 г.

В 1783 г. афганские владения посетил чиновник английской Ост-Индской компании Джордж Форстер¹⁷, путешествовавший под видом грузинского купца. Свое путешествие Форстер начал из Калькутты. Он побывал в Кашмире, где прожил три месяца, в Пешаваре, Кабуле, Кандагаре и Герате. Книга Форстера, написанная в виде писем с дороги, содержит сведения о городах Афганистана, о торговле, ремесле, налогах и таможенных сборах, о взаимоотношениях наместников провинций с центральной властью и об армии Тимур-шаха Дуррани.

Некоторые сведения аналогичного характера можно почерпнуть также из записок уроженца Венеции митрополита Новопатрасского Хрисанфа¹⁸ (до принятия православия — Контарини) и Рафаила Данибекова¹⁹, посетивших Афганистан в 90-х годах XVIII в.

Наиболее полным и обстоятельным описанием Афганистана в начале XIX в., накануне падения династии шахов Дуррани, является «Отчет о Кабульском королевстве», составленный видным английским политическим деятелем и историком Маунтстюартом Эльфинстоном²⁰,

(Филипп Ефремов, *Девятилетнее странствование*, М., 1950). Подлинная рукопись Ф. Ефремова, написанная в 1784 г., была опубликована в «Русской старине» (т. 79, вып. 7, 1893, стр. 125—149).

¹⁷ G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea*, vol. I—II, London, 1798.— Имеется также издание 1808 г. и переводы на немецкий (Zürich, 1796) и французский (Paris, 1802) языки.

¹⁸ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских», кн. 1, 1861); Дм. Кобеко, *Поездка митрополита Хрисанфа к Далай-ламе в 1792 году* («Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, стр. 385—398).

¹⁹ Рафаил Данибеков, *Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибекова*, М., 1815.

²⁰ M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary and India; comprising a view of the Afghan nation and a history of the Dooraunee Monarchy*, London, 1815.— Имеются более поздние издания (London, 1819 и 1842), а также немецкий (Weimar, 1817) и французский (Paris, 1817 и 1842) переводы. В 1839—1840 гг. были изданы записки члена миссии М. Эльфинстона — Ирвина: Irwin, *Memoir on the climate, soil, produce, and husbandry of Afghanistan and neighbouring countries [Journal of the Asiatic society of Bengal]*, vol. VIII—IX (Calcutta), 1839, 1840].

посетившим Афганистан в 1809 г. во главе дипломатической миссии английской Ост-Индской компании. Отчет Эльфинстона содержит обширный материал о государственных учреждениях, административной и военной системе державы Дуррани и социально-экономическом строев афганских племен.

Книгу Эльфинстона в тех ее разделах, которые посвящены Белуджистану и Синду — вассальным владениям шахов Дуррани, дополняют записки Г. Потtingера²¹, английского офицера, который в 1810 г. под видом выходца из Средней Азии посетил эти области, и капитана Кристи, в том же году побывавшего в Герате²².

Серьезным источником являются английские официальные издания справочного типа, составленные чиновниками англо-индийской службы по указанию британских колониальных властей в Индии. Авторы этих справочников, помимо собственных наблюдений, расспросных и агентурных сведений, использовали афганские исторические хроники и материалы государственных и частных архивов — английских, индийских и афганских, которые до сих пор не опубликованы и недоступны исследователям. Особый интерес представляют «Отчет о племенах дуррани от 19 апреля 1841 г.», составленный английским офицером и историком Г. Роулинсоном²³, и «Хаят-и афгани»²⁴ — обширный труд чиновника английской колониальной администрации, афганца по происхождению, Му-

²¹ Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan, and Sind; accompanied by a geographical and historical account of those countries*, London, 1816.

²² «Abstract of captain Christie's journal». — Напечатан в приложении к книге Г. Потtingера (Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan and Sind...*, Appendix, p. 403—423). — Некоторые сведения по интересующим нас вопросам можно найти также в записках английских путешественников 20 — 40-х годов XIX в.

²³ Henry C. Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes dated 19th April 1841 [«Central Asia. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology resources and history of Afghanistan compiled (for political and military reference) by lieutenant-colonel C. M. Mac Gregor, assistant quarter-master-general»*, pt. II, Calcutta, 1871, Appendix III].

²⁴ محمد حیات خان — حیات افغانی — لاہور — ۱۸۸۳ (далее — Мухаммед Хаят-хан, Хаят-и афгани).

хаммед Хаят-хана, посвященный истории, социально-экономическим отношениям и обычному праву афганских племен.

Много сведений (в частности, об англо-афганских и афгано-индийских отношениях во второй половине XVIII в.) — в сборниках архивных документов английской Ост-Индской компании, публикация которых была начата в 1911 г.; до 1953 г. выпущено девять томов, охватывающих 1759—1791 гг.²⁵. Некоторые из этих документов являются донесениями английских разведчиков в Афганистане; они дают сведения о численности афганской армии, о восстаниях и заговорах против шахов Дуррани и другие ценные материалы.

Некоторые подробности о государственно-административном устройстве и военной системе Афганистана в интересующий нас период можно найти также у восточных и отчасти европейских авторов, посетивших территории державы шахов Дуррани в более позднее время; при составлении своих трудов они имели возможность обращаться к недоступным нам официальным документам и другим письменным источникам эпохи шахов Дуррани, а также использовать показания очевидцев и участников событий той эпохи. К таким более поздним авторам следует отнести афганских историков Султан Мухаммед-хана Дуррани, который составил историческую хронику «Тарих-и Султани»²⁶, доведенную до 1279 г. хиджры (1863 г.), Фаиз Мухаммеда, благодаря трудолюбию которого появилась обширная трехтомная история Афганистана «Сирадж ат-таварих»²⁷, а также известного иранского историка второй половины прошлого века Мухаммед Ха-

²⁵ «Calendar of Persian correspondence. Being letters which passed between some of the Company's servants and Indian rulers and notables», vol. I—IX, Calcutta — Delhi, 1911—1953.

سلطان محمد خان درانی — تاریخ سلطانی — بمعنی — ۱۲۹۸ (далее — Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*).

²⁷ فیض محمد — سراج التواریخ — کابل — ۱۳۲۱ (далее — Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*). — Подробнее о книге Фаиз Мухаммеда см.: А. А. Семенов, *Светильник историй. История Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы Хана* («Изв. Турк. отд. Русск. географического общества», т. XVII, Ташкент, 1925).

сан-хана, автора «Матла аш-шамс»²⁸. Второй том своей книги Мухаммед Хасан-хан посвятил городу Мешхеду и его истории от 428 до 1302 г. хиджры (1036—1885 гг.); он подробно рассказывает о походах Ахмад-шаха Дуррани в Хорасан и приводит полный текст двух его фирмансов.

Из работ европейских исследователей мы использовали книги французского путешественника и историка Феррие²⁹ и видного английского востоковеда-афганиста Раверти³⁰, содержащие обширный фактический материал, большей частью собранный самими авторами при посещении Афганистана.

Однако названные выше труды историков второй половины XIX—начала XX в. не могут быть отнесены к источникам и занимают промежуточное место между источниками и пособиями по интересующему нас вопросу.

Из пособий следует прежде всего назвать книги современных афганских историков Мир Гулам Мухаммед Губара «Ахмад-шах Баба-и Афган»³¹ и Азизуддина Попользая «Тимур-шах Дуррани»³², освещающие историю Афганистана в эпоху первых шахов Дуррани, а также книгу Сеид Касема Риштия «Афганистан в XIX в.»³³,

صنيع الدولة — محمد حسن خان — كتاب مطلع الشمس — طهران²⁸

١٣٠٣ — ١٣٠١ (далее — Мухаммед Хасан-хан, *Матла аш-шамс*).

²⁹ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858.

³⁰ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical, ethnographical and historical Extracted from the writings of little known Afghan and Tajik historians, geographers and genealogists*, London, 1880.

مير غلام محمد غبار — احمدشاد باباى افغان — کابل — ۱۳۲۲ (далее — Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*). — Некоторые разделы книги Губара подробно разобраны проф. И. М. Рейнером в его статье «К вопросу о складывании афганской нации» («Вопросы истории», 1949, № 7).

³² وفلازی عزیز الدین — تیمور شاه درانی — کابل — ۱۳۲۲ (далее — Азизуддин Попользай, *تیمور-شاخ دیرانی*). — О книге Азизуддина Попользая см.: Ю. В. Ганковский, *Новая афганская работа по истории шахов Дуррани* (сб. «Индия и Афганистан», М., 1958).

³³ سید قاسم رشتیا — افغانستان در قرن نزدہم — ۹۲۳۱ (далее — С. К. Риштия, *Афганистан*).

К сожалению, мы не могли использовать последнюю работу С. К. Риштия «Афганистан в XVIII в.» («Ариана», Кабул, 1335/1957 г., № 1, 2, 3), так как она появилась в наших библиотеках уже после того как эта книга была сдана в печать.

значительная часть которой посвящена междуусобным войнам в Афганистане на рубеже XVIII и XIX вв.

Из других пособий надо указать исследования индийских историков Дж. Саркара³⁴ и Х. Р. Гупта³⁵ по истории Индии XVIII в., основанные на многих восточных источниках, архивных материалах и официальных документах и содержащие в высшей степени интересный фактический материал об афгано-индийских отношениях того времени.

При уточнении дат многих событий афганской истории второй половины XVIII и начала XIX в., которые до сих пор спорны, нам помогли данные нумизматики, обобщенные в работах английских историков Ч. Роджерса³⁶ и Л. Деймса³⁷, а при критическом сопоставлении некоторых источников — исследование О. Манна³⁸.

³⁴ Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, second edition, revised and corrected, vol. I—IV, Calcutta, 1949—1950.

³⁵ H. R. Gupta, *History of the Sikhs*, vol. I—III, Lahore, 1944; H. R. Gupta, *Studies in the later Mughal history of the Panjab (1707—1793)*, Lahore, 1944.

³⁶ Ch. J. Rodgers, *The coins of Ahmad Shah Abdali or Ahmad Shah Durrani* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. LIV, pt. I (Calcutta), 1885).

³⁷ Longworth Dames, *The coins of the Durrani* («The numismatic chronicle and journal of the Numismatic society», third series, vol. VIII, London, 1888).

³⁸ Oskar Mann, *Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed sah Durrani (1747—1773)* («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 52, Leipzig, 1898).

Г л а в а I

ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ ИМПЕРИИ ДУРРАНИ

До настоящего времени границы империи, созданной Ахмад-шахом, все еще не очерчены с точностью. Несомненно одно, что наибольшую территорию она занимала весной 1761 г., когда Ахмад-шах находился в зените своего могущества. В то время его держава включала, помимо земель, населенных афганцами, многие области Индостана, Ирана и южного Туркестана. Эта держава, территория которой превышала 2 млн. кв. км, превосходила почти в 2 раза империю Карла Великого.

Захватив после смерти Надир-шаха (1747) Кандагар и изгнав оттуда правителя, назначенного иранским шахом, Ахмад-шах Дуррани, укрепив свою власть в этой провинции, которая стала центром его державы, во второй половине того же года подчинил Газни, Кабул и Пешавар, а в 1748 г. — Дераджат (на правом берегу Инда). Все эти земли вместе с Гератом, завоевание которого заняло почти весь 1750 г., составили основное территориальное ядро империи Дуррани, отсюда Ахмад-шах распространил затем свою власть и влияние на близлежащие провинции Индии, Ирана и Туркестана.

На северо-западе Ахмад-шахом был завоеван Хорасан, где после убийства Надир-шаха возникло несколько мелких феодальных владений. В Мешхеде, главном городе Хорасана, в результате длительной междуусобной борьбы утвердился внук Надира — Шахрух. Городами Тебес и Тун овладел могущественный вождь племени Бану-Шейбан Али Мардан-хан. Нишапур был захвачен Аббас Кули-

ханом Бейятом. Самостоятельными феодальными княжествами стали Кайен, Сабзевар, Турбете-Хайдери, Туршиз. Северную часть Хорасана поделили между собой вожди курдов; здесь возникли два небольших княжества — Чинаран и Кабушан.

Первая попытка Ахмад-шаха овладеть Мешхедом, предпринятая в 1750 г., окончилась неудачей; лишь после долгой осады (в 1754 г.) город был покорен афганцами, и 19 сафара 1168 г. хиджры (в декабре 1754 г.) состоялась торжественная передача его Ахмад-шаху: была прочитана «хутба» с упоминанием афганского шаха и выбита монета с его именем¹. Правителем Мешхеда был оставлен Шахрух «в знак дружбы», которая была между Ахмад-шахом и дедом Шахруха². Затем Ахмад-шах подчинил Тебес, Калат, Ширван, Кучан и другие города Хорасана³. Некоторые правители (например, города Сабзевара) добровольно признали власть афганского шаха. В большинстве завоеванных городов, как и в Мешхеде, у власти были оставлены местные ханы; даже в Нишапуре, покорение которого стоило Ахмад-шаху огромных жертв, был оставлен правивший там Аббас Кули-хан⁴. Часть восточных районов Хорасана была включена в Гератскую провинцию Афганистана. При преемнике Ахмад-

¹ Хронология установлена О. Манном [Oskar Mann, *Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Sah Durrani (1747—1773)* («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 52, Leipzig, 1898), S. 163, 325—326; см. также: Мухаммед Хасан-хан, *Матла аш-шамс*, т. II, стр. 347, 350; Архив внешней политики России, ф. «Сношения России с Персией», 1755 г., д. 5, л. 78, 148; д. 7, л. 16 (далее — АВПР).

² Из донесения епископа Корнелия Исфаганского в Рим (см.: «Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal Mission of the 17 and 18 centuries», vol. I, London, 1939, p. 670—671).— Любопытная легенда об этом записана К. Боде со слов Субхан Верди-мирзы, внука Шахруха [К. Боде, *Очерки туркменской земли и юго-восточного прибрежья Каспийского моря* («Отечественные записки», 1856, сентябрь), стр. 127].

³ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 9; АВПР, ф. «Афганские дела», 1763—1766 гг., д. 1, л. 29, 39—40.

⁴ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 15; Султан Мухаммед-хан Дурраи, *Тарих-и Султани*, стр. 119; Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*, стр. 82, 92 и сл.— Как указывает акад. В. В. Бартольд, Нишапур был полностью разрушен войсками Ахмад-шаха (В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*. СПб., 1903, стр. 68).

шаха, его сыне Тимур-шахе (1773—1793), граница между непосредственными владениями афганского шаха и землями его хорасанских вассалов проходила возле местечка Дошабад к востоку от Туршиза⁵.

Ахмад-шах заставил хорасанских ханов признать Шахруха правителем Хорасана (под своим верховным сузеренитетом), но реальная власть Шахруха далее ближайших окрестностей Мешхеда не простиралась⁶. Шахрух сохранял верность Ахмад-шаху, но другие хорасанские ханы и даже сыновья Шахруха не раз поднимали восстания⁷. Мятежи продолжались и после смерти Ахмад-шаха. Поэтому Тимур-шах вынужден был неоднократно посыпать в Хорасан свои армии⁸. Тем не менее даже в 1793—1794 гг. хутба и «сикке» в Хорасане были на имя афганского шаха.

Конец власти Дуррани в Хорасане был положен Ага Мухаммед-шахом Каджаром, завоевавшим Мешхед в 1796 г.⁹.

На западе, помимо Хорасана, Ахмад-шах летом 1754 г. подчинил Сеистан, большая часть которого являлась владением ханов из рода Кейани. В течение всей второй половины XVIII и в начале XIX в. Сеистан находился в

⁵ G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea*, vol. II, London, 1798, p. 165; James Rennell, *Memoir of a map of Hindooostan, or the Mogul empire: with introduction*, second edition, London, 1792, p. 152; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 16.

⁶ J. Malcolm, *The history of Persia from the most early period to the present time*, vol. II, London, 1815, p. 113—114.

⁷ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 6.

⁸ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 87, 148, 150—151; J. Malcolm, *The history of Persia...*, vol. II, p. 217—218; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 101—102. — О восстаниях Насруллы-мирзы, сына Шахруха, см. также: АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1770 г., д. 111, л. 59.

⁹ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 24. — После убийства Аги Мухаммед-шаха в 1799 г. сын Шахруха — Надир-мирза вернулся было в Мешхед, но вскоре Каджары разбили его, пленяли вместе с братьями и сыновьями и вновь овладели Мешхедом (1802 г.) (См.: «The dynasty of the Kajars, translated from the original Persian manuscript, presented by H. M. Faty Aly Shah to sir Harford Jones Bridges», London, 1833, p. 76, 157—158, 166—168).

вассальной зависимости от афганских шахов¹⁰. Правители его платили дань и поставляли воинские контингенты в армию шаха. Столицей Кейани был город Джелалабад (или Душак); в эпоху Ахмад-шаха здесь властвовал Сулейман Кейани. После свержения преемника Тимур-шаха, шаха Замана (1801), ханы Кейани приняли деятельное участие в феодальных смутах, начавшихся в Афганистане, поддерживая одного из внуков Ахмад-шаха, шаха Махмуда, а затем его сына Камрана против их соперников и врагов¹¹.

Остальная часть Сеистана вместе с районом Хабис находилась под властью правителя города Бама (из племени гильзаев). Около 1775 г., после смерти Ахмад-шаха, эта область была завоевана полководцами Карим-хана Зенда, но вскоре здесь вновь утвердились афганцы¹². Однако около 1802 г. Фатх Али-шах Каджар, шах Ирана, покорил Бам и присоединил его к провинции Керман.

На юге в 1750 г. вассалом Ахмад-шаха стал правитель («беглербек») Белуджистана, хан Калата Насирхан, власть которого простиралась до побережья Аравийского моря. Насир-хану принадлежал город Карачи; ему платили дань ханы Лас-Бели и Кеджа. На западе его владения включали в свои границы Бампур, Касрканд и

¹⁰ James Rennell, *Memoir of the map of Hindooostan...*, p. 152; Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских», кн. 1, 1861), стр. 5; M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation and a history of the Dooranee monarchy*, London, 1815, p. 493—494. О походе афганской армии в Сеистан летом 1754 г., когда войска Ахмад-шаха «всю тою провинциею овладели», см. также: АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1754 г., д. 4, л. 251.

¹¹ R. Leech, *A description of the country of Seistan* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XIII, pt. I, 1844), p. 117; St. John, Lovett, Smith and Goldsmid, *Eastern Persia, and account of the journeys of the Persian boundary commission 1870—71—72*, vol. I, London, 1876, p. 402.

¹² E. S. Waring, *Tour to Sheeraz, by the route of Kazroon and Feerorzabad, with various remarks on the manners, customs, laws, language and literature...*, London, 1807, p. 260.—Абдул Карим-Бухари («Афган ва Кабул», стр. 4) включает эти районы в состав афганских владений.

Дизек, на севере — Шол (Кветту); на востоке его земли граничили с Синдом¹³.

В 1758 г. Насир-хан поднял восстание против своего сюзерена, подавленное лично Ахмад-шахом. Затем был заключен договор, определивший условия вассальной зависимости Белуджистана¹⁴. После смерти Насир-хана, в 1795 г., в Белуджистане началась феодальная анархия. Сын и преемник Насир-хана — Махмуд потерял большую часть владений своего отца и, хотя продолжал именоваться беглербеком Белуджистана, фактически сохранил за собой только город Калат с прилежащим районом. Карабчи был захвачен мирами Синда, правители других городов и областей перестали платить дань, в результате чего доходы Махмуда по сравнению с доходами его отца упали в 10 раз. Поэтому Махмуд продолжал признавать себя вассалом афганских шахов, несмотря на упадок, который переживала в то время держава Дуррани: он неоднократно лично являлся к афганскому двору, оказывал шахам Дуррани все внешние знаки почтения и даже поставлял им свои войска. Так, в 1805 г. отряды Махмуда участвовали в походе шаха Шуджи против Синда¹⁵.

В начале XIX в. граница между непосредственными владениями афганских шахов и Белуджистаном проходила несколько севернее Кветты (которой владел хан Калата) и южнее Шеравака, лежащего в пределах Афганистана¹⁶.

¹³ Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan, and Sinde; accompanied by a geographical and historical account of those countries*, London, 1816, p. 294, 299, 304; Irwin, *Memoir on the climate, soil, produce, and husbandry of Afghanistan and neighbouring countries* [«Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. VIII—IX (Calcutta), 1839, 1840], p. 764; M. Elphinstone, *An account...*, p. 449; R. Leech, *Brief history of Kelat, brought down to the deposition and death of Mehrab Khan, Brahoee* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XII, 1843), p. 475.

¹⁴ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 17; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 85; Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan...*, p. 282—283; R. Leech, *Brief history of Kelat...*, p. 448, 489.

¹⁵ С. К. Риштия допускает очевидную ошибку, когда пишет, что в 1805 г. (1220 г. х.) Насир-хан послал на службу к афганскому шаху своего сына с армией белуджей (С. К. Риштия, *Афганистан*, стр. 16), Насир-хана в это время давно уже не было в живых.

¹⁶ Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan...*, p. 317.

В низовьях Инда Ахмад-шахом была завоевана богатая провинция Синд. В 1748 г. войска Дуррани заняли на севере Синда город Шикарпур, где был посажен афганский наместник, а в 1750 г. — нижний Синд (после присоединения к афганским владениям северо-западного Пенджаба). Правитель Синда стал вассалом Ахмад-шаха.

В начале 1757 г. падишах Дели — Великий Могол Аламгир II отказался от всяких прав на Синд, которым некогда владели его предки, передав эту область Ахмад-шаху в виде приданого могольской принцессы.

После изгнания маратхами Тимур-шаха из Лахора (1758) эмир Синда отказался платить дань афганцам, чья власть была восстановлена здесь только в 1761 г.

В 1778 г. в Синде между правившим там эмиром Гулам Наби-ханом Кальхором и мирами Тальпуря началась междоусобная борьба, в которой победа осталась на стороне последних, несмотря на поддержку, оказанную Кальхору афганским шахом. Тальпурь, захватившие власть в Синде против воли Тимур-шаха (войска которого вторглись в Синд в 1779, 1781, 1783 и 1786 гг.), в дальнейшем мало считались с шахами Дуррани и выплачивали наложенную на них дань только под угрозой военного вторжения. Что же касается Шикарпуря, то этот город находился под властью афганцев до 1824 г., когда им овладели синдские миры.

На юго-востоке власть Ахмад-шаха признал наваб Бахавалпуря Мухаммед Мубарак Бахавал-хан, правитель обширного княжества, лежавшего на восток от реки Сатледж, с главными городами Бахавалпур, Ахмадпур, Джампур и Ситпур. После смерти Мухаммед Мубарак Бахавал-хана в 1772 г. правителем стал его племянник Рукнуддаула Бахавал-хан (1772—1809). В начале правления Тимур-шаха он отказался было платить ему дань, но в 1780 г. афганский шах двинулся в поход на Бахавалпур; наваб бежал, и его столица была захвачена афганской армией¹⁷. Бахавал-хану пришлось выплатить все «недоимки», отдать своего сына в заложники и обязаться помогать Тимур-шаху в войне против сикхов. Однако спустя несколько лет, в 1789 г., Тимур-шаху пришлось

¹⁷ Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 155—156.

вновь послать в Бахавалпур свою армию, чтобы обеспечить выплату причитавшейся ему дани¹⁸.

В 1794 г. шах Заман, незадолго до этого вступивший на афганский трон, принял при своем дворе Бахавал-хана, изъявившего свою верность афганскому сузерену. Вплоть до падения династии Дуррани наваб Бахавалпуря продолжал оставаться вассалом афганских шахов, являясь формально наследственным губернатором своих владений, а фактически — «платящим дань князем»¹⁹. Конец афганской власти над Бахавалпуром был положен махараджей Пенджаба Ранджит Сингхом; навабу Бахавалпуря пришлось признать его власть и выплачивать дань, равную половине доходов²⁰.

Сирхинд был включен во владения Ахмад-шаха в начале 1757 г. как «приданое» дочери Великого Могола Аламгира — Мухаммади-бегум, ставшей женой Тимур-шаха²¹. Правителем Сирхинда был назначен Абдуссамад-хан Мухаммедзай, но в 1171 г. хиджры (1757—1758 гг.) он был разбит и взят в плен маратхским военачальником Рагунат Рао²². После того как Ахмад-шах разгромил маратхов, Сирхинд снова оказался в его руках, но в 1178 г. хиджры (в декабре 1763 или январе 1764 г.) сикхи убили афганского наместника Зеин-хана и захватили провинцию; Ахмад-шах, вернувшись в Индию, разбил сикхов, а правителем Сирхинда, не надеясь иначе удержать эту провинцию в своих руках, назначил в начале 1765 г. по совету своего вазира Шах Вали-хана могущественного раджу Патиала Ала Сингха. Преемником Ала Сингха стал его внук Амар Сингх (1767), ко-

¹⁸ «Calendar of Persian correspondence. Being letters which passed between some of the Company's servants and Indian rulers and notables», vol. VII, Calcutta—Delhi, 1953, p. 637—638.

¹⁹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 502—503.

²⁰ Charles Masson, *Narrative of various journeys in Baloochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838*, vol. I, London, 1842, p. 26, 428.

²¹ Об этом брачном союзе, который должен был укрепить влияние Ахмад-шаха при делийском дворе, рассказывает Хусейн Али («Зинет-и тарихха», л. 3). Мухаммади-бегум известна также под именем Зухра-бегум и Гоухер Афroz (см.: Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, second edition, revised and corrected, vol. Calcutta, 1950, p. 47, 73).

²² Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 19—20; J. Grant Duff, *History of the Mahrattas*, vol. II, London, 1826, p. 132.

торого Ахмад-шах пожаловал почетным платьем, знаменем, литаврами и титулом «раджа-и раджаган»²³.

Однако Ахмад-шаху не удалось удержать за собой Сирхинд, и в результате усиления в Пенджабе власти сикхов, захвативших к концу правления Ахмад-шаха большую часть Лахорской субы, сузеренитет шахов Дуррани над Сирхином стал фикцией.

Северо-западная часть Пенджаба — махалы Гуджерат, Пасур, Ауренгабад и Сиалкот — была передана под власть Ахмад-шаха по договору, который он заключил в начале 1750 г. с могольским наместником Лахора Мир-Мену (Муин-аль-Мульком). Спустя два года, в марте 1752 г., шах Дуррани занял столицу Пенджаба Лахор, и хотя Мир-Мену был оставлен здесь субадаром, но правил 'он уже от имени Ахмад-шаха, а не Моголов²⁴.

В конце 1753 г., после смерти Мир-Мену (погибшего в результате несчастного случая, а быть может, от яда)²⁵, Ахмад-шах передал субадарство Лахора его малолетнему сыну Мухаммед Амин-хану, который вскоре умер, также, по-видимому, насильственной смертью (в мае 1754 г.); в последовавших затем смутах Лахор «уплыл» из рук Ахмад-шаха, но был им вновь завоеван в декабре 1756 г.

Весной 1757 г. Ахмад-шах вернулся из Индии в Афганистан, оставив «низамом» Лахора своего малолетнего сына Тимур-шаха (фактически же правителем был командующий афганской армией в Пенджабе Джехан-хан). Спустя год в Пенджаб вторглись маратхи; Джехан-хан потерпел поражение в битве с ними и вместе с Тимур-шахом бежал из Лахора²⁶. Не желая мириться с потерей

²³ Oskar Mann, *Quellenstudien...*, S. 162; H. R. Gupta, *Studies in the later Mughal history of the Panjab (1707—1793)*, Lahor, 1944, p. 221; Joseph Davey Cunningham, *History of the Sikhs from the origin of the nation to the battles of the Sutlej*, Calcutta, 1903, p. 130—131; J. Heras, *Durrani influence in Northern India («Islamic culture»*, vol. XI, 1937, № 4), p. 507.

²⁴ «Hakikat...», p. 16.

²⁵ О смерти Мир-Мену от несчастного случая пишут: Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-тааварих*, т. I, стр. 17; A. Dow, *The history of Hindostan*, vol. II, London, 1770, p. 362. О том, что Мир-Мену был отправлен, см.: Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, 1949, p. 249.

²⁶ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-тааварих*, т. I, стр. 20. См. также: «Tariikh-i Ibrahim Khan» и Muhammad Aslam, *Farhatu-n Nazirin*

Пенджаба, осенью 1759 г. Ахмад-шах вновь вторгся в Индию, занял Лахор и поставил здесь правителем племянника своего вазира Шах Вали-хана — Хаджи Каримдад-хана. Но когда в мае 1761 г. Ахмад-шах, после Панипата, вернулся в Афганистан, Лахор захватили сикхи.

В дальнейшем Ахмад-шах несколько раз отбивал столицу Пенджаба у сикхов²⁷. Однако прочно удержать ее в своих руках не смог. Вскоре Лахор и почти весь остальной Пенджаб были потеряны афганским шахом. Непрерывно усиливаясь, сикхи занимали один район за другим и к 1781 г. овладели всей субой Лахора, заняли три четверти субы Мультана и часть субы Шахджеханабада. От всего Пенджаба Тимур-шах удержал только Мультан и Атток²⁸. В 1780 г. в Мультан был назначен правителем энергичный и мужественный воин Музффар-хан, который оставался на этом посту вплоть до 1818 г.²⁹.

Шах Заман, сделавший попытку вернуть захваченные сикхами территории к западу от Инда, во время походов в Пенджаб занял было Лахор, но оказался вынужденным покинуть его из-за вспыхнувшего в Афганистане восстания. На управление Лахором он дал инвеституру молодому, но влиятельному сардару Ранджит Сингху (1799), надеясь противопоставить его могущественным сикхским сардарам Бханги и Рамнагари, ранее владевшим Лахором. Однако расчет шаха Замана не оправдался: как известно, Ранджит, подчинив вскоре большую часть Пен-

в кн. H. M. Elliot-John Dowson, *The history of India, as told by its own historians*, vol. VIII, London, 1877, p. 169, 267.

²⁷ Хронологию этого бурного периода помогают установить данные нумизматики; Ахмад-шах чеканил свою монету в Лахоре в 1161, 1164, 1165, 1170, 1171, 1172, 1174, 1175, 1176, 1177, 1178 и 1180 г. хиджры [Ch. J. Rodgers, *The coins of Ahmad Shah Abdali or Ahmad Shah Durrani* («Journal of the Asiatic society of Bengal»), vol. LIV, pt. I (Calcutta), 1885, p. 68—75].

²⁸ «Hakikat...», p. 24; G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. I, p. 277—278, 282; vol. II, p. 83.

²⁹ «Hakikat...», p. 24; Charles Masson, *Narrative...*, vol. I, p. 397; Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 154—155; Joseph Davey Cunningham, *History of the Sikhs...*, p. 194; R. Maclagan, *Fragments of the history of Mooltan, the Derajat and Buhawulpoor, from Persian MSS* («Journal of the Asiatic society of Bengal»), vol. XVII, pt. II, 1848), p. 567; W. Moorcroft — G. Trebeck, *Travels in the Himalayan provinces of Hindostan, and the Panjab... from 1819 to 1825*, vol. I, London, 1841, p. 101—102.

жаба, начал наступление на остатки афганских владений в Индии, которые и перешли в его руки.

Кашмир—жемчужина афганских владений в Индии, был завоеван полководцем Ахмад-шаха Абдуллох-ханом в 1752 г. Правителем здесь был назначен Хаджи Кучек Абдулла, а «диваном» при нем индус Секеджиун³⁰. Вскоре Секеджиун выгнал афганского наместника из Кашмира и стал править самостоятельно, признав своим номинальным сюзереном делийского падишаха Аламгира II³¹. Летом 1762 г. Ахмад-шах поручил радже Джамму Ранджит Деву (1750—1781) покарать Секеджиуна. Экспедиция Ранджита Дева окончилась неудачей. Тогда осенью 1762 г. в Кашмир была послана новая экспедиция, возглавляемая афганцем Нуруддином (родственник вазира Шах Вали-хана), которому деятельно помогал Ранджит Дев³². Секеджиун был разбит, пленен и казнен. Многие кашмирцы бежали в Гилgit и даже в Читрал³³. Правителем провинции стал Нуруддин.

Хотя преемники Нуруддина неоднократно поднимали восстания (как писал Абдул Карим Бухари: «Каждый, кто становится наместником Кашмира, через три года непременно поднимает восстание против шаха Кабула»³⁴), Кашмир вплоть до 1819 г., когда его завоевали полководцы Ранджит Сингха, находился под властью афганских шахов.

Войсками Ахмад-шаха были покорены также мелкие горные княжества в примыкающих к Кашмиру районах. Правители этих княжеств превратились в «губернаторов» шаха; они платили небольшую дань афганскому наместнику Кашмира и выставляли по его требованию отряды воинов. Самым крупным из княжеств был лежащий к востоку от Кашмира Ладак. Бедный и редко населенный, он играл, однако, важную роль в торговле, так как через

³⁰ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 17.

³¹ См. анонимную: «Ahmed Shah Durani's Feldzuge in Hindostan» [«Asiatische Magazin», Bd. I (Weimar), 1802], S. 363, а также: Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 17.

³² «Hakikat...», р. 18.

³³ См.: J. Biddulph, *Tribes of the Hindooocoosh*, Calcutta, 1881, p. 39—40.

³⁴ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 105—106; Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 157—159, 167; Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 21—22.

него проходили пути из Кашмира в Китай и Тибет и из Индии в Яркенд и Кашгар³⁵. До афганского завоевания правитель Ладака был вассалом Великих Моголов³⁶.

Под властью Ахмад-шаха некоторое время находились горные районы на юго-востоке от Кашмира, между реками Рави и Сатледж, с административным центром в городе Кангра. Раджа Кангры от имени афганского шаха управлял всей этой областью. С занятием Пенджаба сикхами мелкие князьки области Кангра вновь обрели самостоятельность³⁷.

Ахмад-шах и его преемники претендовали также на суверенитет над княжеством Джамму, где правил упоминавшийся выше раджа Ранджит Дев, но фактически последний был независим³⁸. Независимыми были на деле также мелкие феодальные княжества, лежащие в горных районах между Кашмиром и Аттоком и к северу от Кашмира, в стране дардов³⁹.

Севернее Гиндукуша войсками Ахмад-шаха в 1750—1752 гг. было покорено несколько небольших узбекских ханств по левому берегу реки Аму-Дарьи: Балх, Шибирган, Андхой, Кундуз, Меймене⁴⁰. Балх стал резиденцией афганского наместника, а в остальных ханствах почти

³⁵ A. Cunningham, *Ladak, physical, statistical and historical*, London, 1854, p. 241; И. П. Минаев, *Очерки Цейлона и Индии*, т. II, СПб., 1878, стр. 68.

³⁶ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical, ethnographical, and historical. Extracted from the writings of little known Afghan and Sikh historians, geographers, and genealogists*, London, 1880, p. 308.— После завоевания Кашмира сикхами Ладак в течение ряда лет был независим, пока в 1834 г. его не захватили войска Гулаб Сингха, махараджи Джамму (см.: A. H. Franke, *History of Western Tibet*, London, 1907, p. 139—140).

³⁷ A. H. Bingley, *Dogras*, Simla, 1899, p. 13.

³⁸ Дж. Форстер указывает, что в конце жизни Ранджит Деву пришлось выплачивать небольшую дань сикхам (G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. I, p. 286—287).— Как пишет Х. Р. Гупта, сын Ранджит Дева — Брадж Радж Дев платил сикхам всего 30 тыс. рупий в год (H. R. Gupta, *History of the Sikhs*, vol. III, Lahore, 1944, p. 32).

³⁹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 153; Irwin, *Memoir...*, p. 766.

⁴⁰ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Қабул*, стр. 4; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 16; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 81.

везде были оставлены местные правители. Однако власть завоевателей была очень непрочной, и уже в 1755 г. (после возвращения из Хорасана) Ахмад-шаху пришлось посыпать сюда новое сильное войско⁴¹. В дальнейшем в Балхе всегда стоял значительный афганский гарнизон, что не помешало, однако, узбекскому правителю Кундуза сразу после смерти Ахмад-шаха сбросить афганское иго. Три военные экспедиции, предпринятые против Кундуза полководцами Тимур-шаха, успеха не имели, и до 1789 г., когда в южном Туркестане появился с большой армией лично Тимур-шах, Кундуз был совершенно независимым. Тимур-шах заставил правившего здесь хана уплатить дань, но полностью покорить это ханство не смог⁴². Балх и Акча, правда, остались под властью афганского шаха, но оттуда в его казну не поступало ни одной рупии, и положение было таково, что Тимур-шах не мог найти человека, который согласился бы быть там правителем. Это стало предметом насмешек противников шаха; как рассказывает Феррье, «лоти⁴³, бродящие из одного города в другой с обезьянами и другими животными, выучили их бросать землю на свои головы, когда их спрашивали, хотят ли они быть правителями Балха или Акча»⁴⁴. Постоянные набеги бухарских войск разоряли страну⁴⁵. Война 1789—1790 гг. между Бухарой и Афганистаном, вспыхнувшая из-за стремления Шах Мурада Бухарского вернуть Балх под власть Бухары, довершила опустошение края. По миру, заключенному после долгой войны, Балх остался за Тимур-шахом⁴⁶. Но реальную власть над узбекскими ханствами южного Туркестана афганские шахи все более теряли: к началу XIX в. Кундуз, Меймене, Анд-

⁴¹ Oskar Mann, *Quellenstudien...*, S. 164.

⁴² О том, какое значение Тимур-шах придавал своей победе над ханом Кундуза, видно из того, что он специальным письмом известил об этом английского генерал-губернатора в Калькутте (см.: «*Calendar of Persian correspondence*», vol. IX, p. 249, № 1156; p. 330, № 1633).

⁴³ «Лоти», или «лутзи» (перс.) — оборванец, мошенник, плут, скоморох.

⁴⁴ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 101.

⁴⁵ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах*, стр. 8, 9.

⁴⁶ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 24; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 41.

хой и Шибирган были полностью независимыми⁴⁷. Кроме известного количества скота, который правители посыпали в Кабул, ничто их с афганскими шахами не связывало. Власть афганского наместника над Балхом и Акча стала фактической, и фактическим правителем провинции был могущественный хан Хульма, Клыч Али-хан⁴⁸.

Некоторые историки включают в состав владений Ахмад-шаха также Бадахшан, однако в действительности можно говорить только о слабом и кратковременном влиянии шаха Дуррани в этом районе.

Экспедиция афганского полководца Шах Вали-хана в Бадахшан (около 1765 г.⁴⁹) привела к свержению правившего там мира Султан-шаха, который был взят в плен и казнен; правителем Бадахшана стал Мухаммед Эмин-ходжа, сын одного из кашгарских ходжей, изгнанных из Восточного Туркестана войсками цинского императора Цян-Луна. М. Губар связывает поход Шах Вали-хана с афгано-бухарским соперничеством за Бадахшан⁵⁰, но это неверно. Действительной причиной похода было желание Ахмад-шаха иметь в соседнем Бадахшане правителя, дружески расположенного к Афганистану, так как свергнутый Шах Вали-ханом мир Султан-шах в назревавшем тогда конфликте между Ахмад-шахом и Цян-Луном явно принял сторону последнего⁵¹.

⁴⁷ Абдул Карим Бухари («Афган ва Кабул», стр. 109—110) пишет, что во времена Тимур-шаха Андхоем от имени последнего управлял Раҳметулла-хан Афшар; в Андхое на имя Тимур-шаха читалась хутба. После смерти Раҳметуллы правителем стал его сын Юлдуз-хан, который уже никому не платил дани («бадж ва хардак») и был совершенно независим.

⁴⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 463, 467, 475.—О Балхе как части владений кабульского шаха пишет Г. Друвиль («Путешествие в Персию в 1812—1813 годах», ч. II, М., 1824, Географические прибавления, стр. 3).

⁴⁹ Этот год дает Г. Юль [(«Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи». С дополнениями и примечаниями А. Н. Федченко, Н. В. Ханыкова и Г. Юля, СПб., 1873, стр. 6). По Фаиз Мухаммеду, поход Шах Вали-хана произошел в 1182 г. хиджры (1768—1769 гг.) («Сирадж ат-таварих», т. I, стр. 27)].

⁵⁰ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, раздел 35-й.

⁵¹ «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари». Изд. в тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, Казань, 1861 («Ученые записки Казанского университета», кн. 1, 1861), стр. 34, 35. См. также: АВПР, «Афганские дела», 1763—1766 гг., д. 1, л. 41; Н. Я. Бичурин (Иа-

Власть Ахмад-шаха в Бадахшане даже при Мухаммед Эмине была номинальной⁵², а после смерти Мухаммед Эмина к власти в Бадахшане пришел сын казенного мира Султан-шаха, и влияние афганских шахов вообще свелось к нулю. Ирвин (член миссии М. Эльфинстона) говорит, что северо-восточный участок границы Афганистана идет по горам, «отделяющим Афганистан от Кашмира и Бадахшана», т. е. оставляет Бадахшан вне Афганистана⁵³.

Из указания Хусейна Али на то, что Ахмад-шах включал в состав своей армии воинские отряды из Кишма, можно сделать вывод, что этот пункт находился вне владений бадахшанского мира и что северо-восточный участок афганской границы проходил в то время по линии, совпадающей примерно с нынешней восточной границей Каттагана⁵⁴.

Очертания границ империи Дуррани были неразрывно связаны с завоевательной политикой Ахмад-шаха и его преемников и менялись в зависимости от военных успехов или неудач. Так, летом 1761 г. юго-восточный рубеж империи Дуррани проходил менее чем в 100 км от Дели. Но уже через несколько лет из-за восстаний сикхов почти весь Пенджаб был потерян Ахмад-шахом. Однако афганский шах еще владел Кашмиром, а правители Синда, Бахавалпуря, Калата и даже далекого Мекрана⁵⁵ являлись его вассалами. В дальнейшем, вплоть до распада в XIX в. империи Дуррани, ее границы в Индии не претерпели значительных изменений. Западная граница Афганистана между 1755—1796 гг. также оставалась в общем неизменной. На севере, в узбекских землях южного Туркестана, преемники Ахмад-шаха сохранили под своей властью (в значительной мере номинальной) только Балх и Акча; остальные ханства этого района стали фактически независимыми уже к концу жизни Ахмад-шаха.

кинф), *Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана*, СПб., 1829, стр. 142—143.

⁵² И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи*, СПб., 1879, стр. 190.

⁵³ Irwin, *Memoir...*, p. 739; M. Elphinstone, *An account...*, p. 309, 629.

⁵⁴ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 6.

⁵⁵ James Rennell, *Memoir of the map of Hindooostan...*, p. 183.

С распадом империи Дуррани одни из ее провинций были захвачены усилившимися соседями, другие — стали самостоятельными. Собственно афганские области, распавшись на части, становятся объектом британской колониальной экспансии. Объединение некоторых афганских земель в единое государство происходит только в середине XIX в. уже в новых исторических условиях.

Глава II

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ И ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

В образовавшемся в середине XVIII в. афганском государстве господствующее положение заняла знать племени дуррани (абдали). Это объясняется прежде всего тем, что ко времени распада державы Надир-шаха дуррани в социально-экономическом отношении стояли выше многих других афганских племен. Процесс развития феодализма в афганском обществе протекал неравномерно и имел свои особенности у различных племен. Исследуя этот вопрос, проф. И. М. Рейснер выделил следующие основные моменты, которые ускорили развитие феодальных отношений у дуррани и способствовали тому, что раннефеодальное афганское государство возникло под их эгидой:

оседание дуррани на землю происходило в таких формах, которые подрывали родо-племенные связи;

земледельческая община дуррани не знала внутреннего разделения труда между земледелием и ремеслом (что является характерным для ряда других афганских племен, например марватов и племен Банну);

развитие обмена и товарного хозяйства у дуррани было ускорено тем, что их поселения лежали на оживленной караванной дороге между северной Индией и Хорасаном и имели тесные экономические связи с городами Кандагарского вилайета, населенными преимущественно таджиками;

наделение ханов племени дуррани административными функциями в тех районах, где проживало их племя, и

пожалование им джагиров (что практиковали как Сефевиды, так и Надир-шах); это способствовало захвату ими земель местного крестьянства и ускорило переход дуррани к оседлости.

Все это укрепляло экономическое и политическое господство дурранийской знати не только над зависимым крестьянством, но и над собственными соплеменниками¹.

Установление военно-политического преобладания ханов дуррани во вновь возникшем афганском государстве было в значительной мере облегчено тем, что в войнах с Надир-шахом было сломлено могущество гильзаев — основного соперника дуррани в западном Афганистане.

Шах. Главой афганского государства был шах, носивший титул «дурр-и дурран» — «жемчужина жемчужин»². Первым обладателем этого титула был Ахмад-хан Абдали, происходивший из рода Садозаев, который являлся «ханхелем» — «ханским родом» племени дуррани³. Род Садозаев занимал как ханский род особое положение, пользуясь целым рядом преимуществ и привилегий: представителей его нельзя было предать смертной казни за совершенные ими проступки и преступления; на них не распространялись законы кровной мести; своих женщин садозаи не выдавали замуж вне рода⁴. О живучести и силе этих привилегий говорят многие дошедшие до нас факты. Например, когда внук Ахмад-шаха — шах Махмуд приказал своему наставнику Азим-хану казнить нескольких садозаев «вопреки обычаяю, который является почти священным среди дуррани», последний отказался повиноваться этому приказу; Азим-хана не сломило даже то, что взбешенный шах приказал гвардейцам-гуламам избить его прикладами мушкетов и пригрозил казнить⁵. Известно

¹ И. М. Рейнер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 332—333; см. также стр. 323—324 и 335—336.

² См., например: Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 7.

³ Основателем рода Садозаев был, по преданию, некий Садо, живший во времена шаха Тахмаспа I Сефеви (1524—1576). По данным Раверти, Садо родился в 965 г. хиджры (1558 г.) [см.: H. C. Raverdy, *Some remarks on the origin of the Afghan people* (*Journal of the Asiatic society of Bengal*, vol. 23, 1854), p. 569; Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 119].

⁴ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 7.

⁵ M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and*

также, что бухарскому эмиру Хайдеру, посвавшемуся за дочь шаха Шуджи, было отказано по той причине, что садозаи не отдают своих женщин замуж вне родного хеля⁶.

Избранию Ахмад-шаха главой афганского государства, помимо происхождения его из рода Садозаев, способствовали и другие обстоятельства. Одним из них было, как пишет современный афганский историк М. Губар, то, что собравшиеся на «джиргу» для избрания шаха ханы племени абдали (дуррани) учитывали малочисленность рода Садозаев, а потому полагали, что Ахмад-шах «не сможет располагать сколько-нибудь мощной опорой для подавления самовластия крупных племенных вождей»⁷. В этой джирге участвовали наиболее влиятельные и могущественные афганские ханы: Нур Мухаммед-хан, Мухабат-хан Попользай, Муса-хан Исхакзай, Насрулла-хан Нурзай, Хаджи Джемал-хан Баракзай и некоторые другие. Таким образом, сардари, возведшие молодого Ахмад-хана (ему было в то время не более 25 лет) на шахский престол, за исключением Нур Мухаммед-хана (в отношении которого источники расходятся — являлся

its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation and a history of the Dooraunee monarchy., London, 1815, p. 282—283.— Как пишет Феррье, одной из причин, по которой Нур Мухаммед-хан не был избран шахом, являлось его незнатное происхождение (J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 68).

⁶ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 69.— Впрочем, шах Заман не был так щепетилен в этом вопросе, как его брат Шуджа, и около 1810 г. Хайдер получил все же в жены садозайскую принцессу, дочь Замана, Тадж-Джекан. Нужно помнить, однако, что в это время Заман не был уже шахом Афганистана [см.: Ша-Задэ Мохаммед Мустафа, *История Афганистана, рассказанная потомком шахов афганских* («Литературная газета», 1843, № 50), стр. 881].— Ахмад-шах, став главой государства, жестоко наказывал тех, кто осмеливался проявить неуважение к кому-либо из садозаев. Так, в 1181 г. хиджры (1768 г.), когда правитель Мултана Али Мухаммед-хан нанес оскорбление Шуджа-хану Садозаю, Ахмад-шах приказал казнить Али Мухаммед-хана вместе с его сыном, чтобы впредь никто не посмел невежливо обойтись с садозаев [R. MacIagan, *Fragments of the history of Mooltan, the Derajat and Buhaishi poor, from Persian MSS* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XVII, pt. II (Calcutta), 1848), p. 569, 571].

⁷ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, раздел 16; Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 112, 122—123.

ли он гильзаем или происходил из клана ализаев племени дуррани), были вождями основных кланов племени абдали (дуррани). То, что у колыбели афганского государства стояли главным образом ханы-дуррани, обеспечило им в будущем руководящее положение в афганской державе; это нашло свое выражение в переименовании племени абдали в «дуррани» («жемчужные»).

Немалую роль сыграла поддержка, оказанная Ахмад-шаху представителем высшего мусульманского духовенства — видным суфи Сабир-шахом, который предложил кандидатуру Ахмад-шаха и собственноручно короновал его⁸. Наконец, имел значение и личный авторитет молодого шаха, выдвинувшегося на службе у Надира благодаря участию в ряде военных кампаний, где он командовал отрядами афганской кавалерии, включенными в иранскую армию⁹.

Вручая Ахмад-шаху верховную власть в государстве, ханы дуррани стремились обеспечить за собой постоянное решающее влияние на государственные дела и участие в управлении государством. Поэтому за ханами крупнейших родов и кланов дуррани были наследственно закреплены важнейшие посты в административном аппарате, армии и при дворе. Несомненно, что обязательство счи-таться с этим закреплением было одним из условий, предъявленных Ахмад-шаху ханами и принятых им перед вступлением на престол. Были, вероятно, и другие условия, о которых мы не знаем.

⁸ Дж. Саркар указывает на давние связи рода, к которому принадлежал Ахмад-шах, с руководителями видного суфийского ордена Чинштие [Jadunath Sarkar, *Ahmad Shah Abdali in India, 1748* («*Islamic culture*» vol. VI, 1932), p. 216], см. также: Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*, стр. 74; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 10; Махмуд аль-Хусейни, *Тарих-и Ахмад-шахи*. — Частичный перевод этой хроники см. у Оскара Манна [Oskar Mann, *Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Sah Dur-rani (1747—1773)* («*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*», Bd. 52, Leipzig, 1898), S. 175]. — Роль этого видного дервиша в избрании Ахмад-шаха отмечают: современный афганский историк А. А. Kohzad, *Two coronations...* («*Afghanistan*», 1950, №3), p. 38; J. Sarkar, *A lesson of Indian history* [«*Modern Review*», vol. 45 (Calcutta), 1929, № 6], p. 656—657.

⁹ См., например: Архив внешней политики России, «Афганские дела», 1763—1766 гг., д. 1, л. 84 (далее — АВПР).

После избрания Ахмад-шаха власть его укрепило, во-первых, то, что в его распоряжении было хоть и небольшое, но испытанное и закаленное во многих походах войско из афганцев, служивших вместе с ним Надир-шаху. К ним вскоре примкнули отдельные отряды армии Надира, рассеянные по восточным окраинам его лоскутной империи (часть отрядов привел к Ахмад-шаху видный иранский военачальник Таги-хан Ширази). Во-вторых, в руки Ахмад-шаха попали значительные суммы денег как во время грабежа лагеря Надира после его убийства¹⁰, так и позже, когда им был захвачен караван, в котором везли в Хорасан дань из северо-западных махалов Пенджаба, Синда и Кабула¹¹.

Упрочив свою власть в Кандагаре, Ахмад-шах подчинил себе Газни, Кабул и Пешавар, после чего он был признан шахом также ханами восточноафганских племен¹².

В ходе успешных завоеваний Ахмад-шаха были захвачены обширные территории, результатом чего было создание значительного фонда государственных земель, доходы с которых шли на содержание сильной гвардии из гуламов. Образование фонда государственных земель ослабило зависимость шаха от ханов афганских племен как в военном, так и в экономическом отношении. Английский агент в северной Индии доносил в 1767 г., что Ахмад-шах «поддерживает свой авторитет с не меньшей суворостью, чем Надир-шах, хотя он не так свиреп и жесток»¹³. Однако Ахмад-шах запрашивал мнение ханов племен по всем

¹⁰ Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*, стр. 20—21.

¹¹ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 9. — Фаиз Мухаммед («Сирадж ат-таварих», т. I, стр. 10) называет совершившую невероятную сумму — 13 млн. рупий, якобы попавших Ахмад-шаху. Несомненно, ближе к истине Фэррие (J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 70) и Мухаммед Амин («Муджмил ат-таварих», стр. 10), говорящие об одном миллионе Дору пишет, что в руки Ахмад-шаху попало 300 верблюдов, груженных ценностями, собранными как «алог Надиру (A. Dow, *The history of Hindostan*, vol. II, London, 1770, p. 341). X. Р. Гупта и Дж. Саркар считают, что Ахмад-шаху досталось 3 млн. рупий. Несомненно одно, что эти деньги, сколько бы их ни было, попали к Ахмад-шаху как нельзя более кстати и укрепили его положение.

¹² Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 11.

¹³ A. Dow, *The history of Hindostan*, vol. II, p. 383.

важнейшим вопросам, советовался с ними перед совершением любого, более или менее крупного, дела. Как утверждает М. Губар, Ахмад-шах «образовал из вождей афганских племен постоянную джиргу в столице; он совещался с джиргой о важнейших государственных делах»¹⁴. Феррье пишет (по рукописи Абдуллы-хана), что десять сардаров, служивших вместе с Ахмад-шахом у Надира, образовали совет. Ахмад-шах «не принимал ни одного важного решения без одобрения этого совета и никогда не оставил не исполненным ни одного обещания, ему данного»¹⁵.

Одним из средств, с помощью которых Ахмад-шах и его преемники старались заручиться поддержкой знати афганских племен, были брачные союзы; поэтому, например, Ахмад-шах женил своего сына Сулеймана на дочери Шах Вали-хана Бамизая. Другой его сын, Тимур-шах, имел жен из всех основных кланов дуррани (баракзаев, исхакзаев, нурзаев, садозаев и ачакзаев), а также из юсуфзаев, крупнейшего из восточноафганских племён; шах Заман, сын Тимур-шаха, породнился с хотаками¹⁶. Этот список может быть продолжен.

В позднейших междоусобных схватках сыновья Тимур-шаха опирались на поддержку того племени, к которому принадлежала их мать. Несомненно, что помощь могущественного клана баракзаев определила конечную победу шаха Махмуда в борьбе с Заманом. Таким образом, ханы племен решали фактически вопрос о престолонаследии¹⁷.

В качестве верховного сюзерена над всеми землями, вошедшими в состав его владений, афганский шах имел привилегию на «сикке» и «хутба»; только от имени шаха чеканились монеты и только его имя упоминалось во время официальных богослужений в мечетях. Как глава госу-

¹⁴ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, раздел 18-й.

¹⁵ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 94—95.

¹⁶ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 35, 57; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 106; Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 19—20, 48.

¹⁷ См.: Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*, стр. 148—157; Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 9, 19; Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 14; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 35; С. К. Риштия, *Афганистан*, стр. 4.

дарства шах принимал и отправлял послов — «илчи»¹⁸ осуществлял верховное руководство всеми вооруженными силами страны, назначал и смешал хакимов — правителей провинций, награждал своих приближенных почетными титулами и знаками отличия, назначал на важнейшие военные, административные и придворные должности как в центре, так и на местах. От имени шаха издавались государственные указы и отправлялось правосудие. Шах выдавал также инвеституры своим вассалам и назначал ханов — вождей племен.

Однако он был вынужден считаться с тем, что важнейшие посты в государстве, как сказано выше, были наследственно закреплены за ханами, главами родов и кланов племени дуррани, т. е. его выбор был ограничен в сущности очень узким кругом лиц. Нарушение шахом привилегий этих ханских родов и передача закрепленных за ними должностей лицам, к ним не принадлежащим, вызывали всегда большое недовольство и осложнения¹⁹. Точно так же при назначении ханов племен выбор шаха был ограничен представителями хан-хеля племени.

Правда, благодаря успехам своей политики, огромному личному авторитету и другим причинам, названным выше, Ахмад-шах приобрел большую самостоятельность и независимость, но военные неудачи в борьбе с сикхами, пришедшиеся на конец его царствования, значительно подорвали финансовую и военную основы власти шаха.

В период правления Тимур-шаха начали также проявляться процессы феодальной децентрализации. Историки говорят о зависимости Тимур-шаха от могущественных ханов племен²⁰. Предпринятые Тимур-шахом попытки

¹⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 47; «Calendar of Persian correspondence. Being letters which passed between some of the Company's servants and Indian rulers and notables», vol. VIII, p. 132, № 321; p. 372, № 919.

¹⁹ Когда шах Заман назначил своим вазиром Раҳметуллу Вафадар-хана, который был не бамизаем, а садозаем, то афганские сардари были недовольны и скрыто противодействовали этому назначению (Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 14). Своим назначением Вафадар-хан был отчасти обязан тому, что его сестра была женой Шуджи, родного брата шаха Замана.

²⁰ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 36; Хрисанф митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских», кн. I, 1861), стр. 10. G. Forster, *A journey from Bengal*

укрепить свою личную власть и править, опираясь на служилую бюрократию, гвардию, верхушку мусульманских богословов и богатое купечество, не привлекая ханов племен к решению государственных вопросов, встречали постоянное противодействие; происходили восстания ханов племен и наместников провинций против центральной власти; на жизнь Тимур-шаха неоднократно совершались покушения (по некоторым данным, он погиб от яда) ²¹.

В правление шаха Замана недовольные им сардари организовали в 1799 г. заговор, строя планы ограничения власти шаха. Они намеревались добиться, в частности, выборности шаха и закрепления за сардарами права избирать и смешать главу государства ²². Таким образом, ханы племен стремились в максимальной степени обеспечить как свою независимость от власти шаха, так и свое влияние на государственные дела. Недалек от истины английский историк прошлого века, сказавший, что афганский шах был в сущности «пожизненным диктатором военной аристократии». Уже то, что Ахмад-шах отказался от титула «дуrr-и дауран» — «жемчужина эпохи», который предлагал ему дервиш Сабир-шах, и выбрал титул «дуrr-и дурран» — «жемчужина жемчужин», а также переименование племени абдали в дуррани говорит об этом достаточно ясно и недвусмысленно ²³. Но если для дуррани шах был прежде всего вождем племени (этим, в частности, объясняется невиданная в других странах Востока простота и демократизм в обращении дуррани, а также афганцев других племен к своему шаху, о чем пишут все путешественники), то для населения областей, завоеванных афганцами, он был неограниченным феодальным владыкой и деспотом. Эта двойственность положения шаха являлась выражением двойственного характера его власти: хотя для афганцев, как сказано, шах был верховным вождем племен, первым среди равных ему ханов и его авторитет и власть в значительной мере осно-

to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea, vol. II, London, 1798, p. 88—89, 153.

²¹ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 104.

²² Ibid., p. 121—123; С. К. Риштия, *Афганистан*, стр. 6—7.

²³ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 69, 129.

вывались на том, что он являлся главой «хан-хеля» дуррани, т. е. эту власть освещали и поддерживали (одновременно во многом ограничивая и урезывая ее) неизжитые пережитки родо-племенного строя, то в покоренных афганцами землях эта власть была результатом завоевания.

При наличии благоприятных условий шах мог в том или ином конкретном случае проводить свою политику, не считаясь с волей ханов племен, используя их взаимную зависть и вражду. Но, чтобы стать неограниченным владельцем, шах должен был сломить самовластие афганской племенной знати; ни Ахмад-шаху, ни его преемникам это не удалось. В этом причина относительной слабости власти афганских шахов.

Вазир и другие высшие чины гражданской администрации

Важнейшей должностью в государстве была должность вазира — главы правительства и ближайшего помощника шаха в делах управления.

Установить обязанности и права как вазира, так и других крупных государственных чиновников, чьи должности передавались по наследству, несколько затруднительно. Желая ослабить их власть и влияние, шахи иногда прибегали к своеобразной уловке: в отдельных случаях они назначали чиновников из своих доверенных лиц, которым вручалась большая часть полномочий, связанных с наследственно закрепленной должностью, благодаря чему обладатель последней сохранял лишь долю власти, положенную ему по чину. Все же на основании имеющихся в нашем распоряжении источников можно сделать вывод, что в функции вазира обычно входило: осуществлять в соответствии с указаниями шаха непосредственное руководство внешней политикой государства (в частности, от имени главы государства он вел дипломатическую переписку)²⁴; следить за охраной внутренней безопасности

²⁴ Вазир Шах Вали-хан от имени Ахмад-шаха вел переписку с английскими вице-губернаторами в Индии [см.: «Bengal and Madras papers» (1757—1795), Military consultations volume, vol. III, № 14. Calcutta, p. 40—41]. — Иногда в особо важных случаях письма посыпались за подписью самого шаха; так, 2 марта 1202 г. хидж.

порядка (включая безопасность дорог и горных проходов); осуществлять официальный контроль над всеми центральными правительственные ведомствами, правителями провинций и высшими чиновниками; подбирать кандидатов на высшие государственные посты, которых затем шах утверждал в должности.

В правление Ахмад-шаха вазир был вторым после шаха лицом в государстве, что, между прочим, подчеркивалось многочисленными высокоторжественными титулами, ему присвоенными: «высокопоставленный», «возвеличенный», «великолепие и могущество власти», «амир-аль-умара», «высочайший», «копора опор власти», «могущественный» и т. д.²⁵. Должность вазира была наследственно закреплена за ханами рода бамизай клана попользаев племени дуррани. Первым вазиром был влиятельный афганский сардар — Беги-хан Бамизай, получивший локаб Шах Вали-хана и Ашраф-аль-Возара²⁶. Поскольку вазир происходил из попользаев, то большая часть высших чиновников назначалась из того же клана.

После смерти Ахмад-шаха Тимур-шах, казнив Шах Вали-хана, не стал назначать другого вазира, так как ему пришлось бы вручать эту должность либо одному из родственников казненного, либо в нарушение установленной традиции, по которой должность вазира была закреплена за бамизаями, передать ее хану другого клана; ни того, ни другого Тимур-шах не желал. Поэтому во все время его царствования эту должность никто официально не занимал. Помощниками Тимур-шаха в делах управления государством стали люди, не принадлежавшие к афганской племенной знати: «вакилем», т. е. «помощником» (или «заместителем»), шаха был шейх Абдул Латиф Джা-

ры (12 января 1788 г.) было отправлено письмо генерал-губернатору лорду Корнваллису за подписью Тимур-шаха о том, что последним получено донесение (арзи) Корнваллиса о назначении его генерал-губернатором и прибытии в Калькутту. Тимур-шах заверял Корнваллиса в своем «члкровительстве и милости» («Calendar of Persian correspondence...», vol. VIII, p. 578, № 1353).

²⁵ Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 165.

²⁶ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 9. — Впоследствии по приказу Тимур-шаха казнен Ислам-ханом Каландарзай (см.: Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 10; Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 70; Абдул Крам Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 12; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 10, 35—36).

ми, возглавлявший финансовое ведомство, а ближайшим советником по государственным вопросам — кази Файзулла Даулетшахи²⁷. Хотя шейх Абдул Латиф Джами и не именовался вазиром, фактически он исполнял почти все обязанности, связанные с этой должностью, в частности первым скреплял своей печатью — «мухр» — фирманы шаха²⁸.

Важнейшим ведомством в государстве Дуррани было ведомство финансов — «высочайший диван» — «диван-и ала» — или, выражаясь словами К. Маркса, «ведомство по ограблению своего собственного народа»²⁹. Глава этого ведомства при Ахмад-шахе именовался «диван-беги», а при преемниках Ахмад-шаха его называли «мустауфи».

В компетенцию «высочайшего дивана» обычно входило: сбор прямых и косвенных налогов и контроль над всеми источниками государственных доходов; управление государственными землями («халисе»); производство платежей по всем государственным расходам.

В ведении «высочайшего дивана» находились монетные дворы, казна наличных денег («хазана-и нагди») и склады продовольствия и натуральных запасов («джинси»).

Кроме того, «высочайший диван» предоставлял денежные ссуды частным лицам.

Поскольку в Афганистане в эпоху шахов Дуррани не имелось специального ведомства общественных работ, то «высочайший диван», как правило, ведал также ирригационными работами, ремонтом и строительством административных зданий и военных сооружений и другими общественными работами. Пост «диван-беги» при Ахмад-шахе занимал Абдулла-хан Бамизай³⁰.

²⁷ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 13; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 98; Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 74, 111, 125, 152.

²⁸ См. фирманы Тимур-шаха от 1189 и 1191 гг. хиджры, приведенные у Азизуддина Попользая (*Тимур-шах Дуррани*, стр. 73—75 и 76—77).

²⁹ К. Маркс, *Британское владычество в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. 9, изд. 2), стр. 132.

³⁰ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 9; Мухаммед Амин, *Муджил ат-таварих*, стр. 155; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 36; Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 117.

Казначейством (т. е. казной наличных денег и натуральных запасов) ведал специальный чиновник «хазанадар». Выплата денег и расходование запасов производились на основании фирманов шаха и бератов военного или финансового ведомств. Главными казначеями шахов часто были евнухи (например, Юсуф Али Илтифат-хан, родственник наваба Ауда, во времена Ахмад-шаха и Тимур-шаха). Важную роль в финансовом ведомстве (о чем подробнее будет рассказано ниже) играли индусские купцы и ростовщики.

Монетные дворы были расположены во всех крупнейших городах государства: Кабуле, Пешаваре, Кандагаре, Герате, Аттоке, Мультане, Лахоре, Дера-Исмаил-хане, Дера-Гази-хане, Амбала (Сирхинд), Татта, Дера-Фатх-хане, Кашмире и некоторых других³¹. Стандарт, которому следовали золотые и серебряные монеты шахов Дуррани, был близок к могольскому³². Так как государственная казна не была отделена от личной казны шаха, то всеми доходами, из какого бы источника они не поступали, шах распоряжался единолично и бесконтрольно. По традиции, отмеченной еще Низам-аль-Мульком³³, большую часть текущих поступлений шахи старались откладывать в не-

³¹ Монету с именем шахов Дуррани чеканили также в Бхаккаре, Мурадабаде, Маджидабаде, Бахавалпуре и Мешхеде. Известно также, что монету с именем Ахмад-шаха в 1170 г. хиджры (1757 г.) чеканили наваб Рохиикханда и раджа Патиалы, а сам Ахмад-шах, заняв столицу Великих Моголов Дели, по примеру Надира выбил там монету со своим именем. Любопытно, что в 1198 г. хиджры (1784 г.) монету с именем Тимур-шаха чеканили в городе Хой в Иранском Азербайджане [см.: Longworth Dames, *The coins of the Durrani* («The numismatic chronicle, and journal of the numismatic society», third series, vol. VIII, London, 1888), p. 329].

³² Золотые монеты шахов Дуррани весили 170 гранов, вес серебряных приближался к 180 гранам. Самыми полновесными были монеты Тимур-шаха, выпущенные в Кабуле. Рупии Тимур-шаха и шахов Замана, Шуджи и Махмуда, чеканившиеся в других городах Афганистана, весили в среднем 177 гранов. Более низкий стандарт имели монеты из Дераджата (165 гранов). По примеру монархов Индостана и Ирана афганские шахи украшали свои монеты персидскими бейтами (см.: Longworth Dames, *The coins of the Durrani*, p. 332, 335).

³³ «Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам-ал-Мулька». Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера, изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 230.

прикосновенные фонды, которые расходовались только в случае самой крайней необходимости³⁴.

Важную роль в государственном управлении играло «ведомство шахской канцелярии» — «дар-аль-инша», или «диван-и инша», которое занималось оформлением шахских указов («фирман» и «ярлыг») и ведением корреспонденции шаха («ракам»). Во главе этого ведомства стояли личные секретари шаха «мунши-бashi» или «мунши-и шахи»; обычно их было два (у Ахмад-шаха — Садат-хан Садозай и Мирза Шади-хан; у шаха Замана — Мухаммед Шариф-хан и Мирза Мухаммед Али-хан)³⁵. В подчинении мунши-бashi находилось несколько мунши низшего ранга и штат писцов. В диван-и инша происходило оформление жалованных грамот, служебных запросов и поручений, указов об утверждении в должностях, чинах и званиях.

Фирман или ярлыг, посыпавшийся от имени шаха, обязательно скреплялся печатью вазира, а также печатями тех сановников, к сфере деятельности которых относился данный указ.

Известно, что одному из мунши Ахмад-шаха (Махмуд-аль-Хусейни) в 1754 г. было поручено исполнение обязанностей придворного историографа.

Важным общегосударственным учреждением было «ведомство осведомления», возглавлявшееся «харкар-бashi», в ведении которого, помимо сети осведомителей, находилась также почта (так как он распоряжался одновременно конными и пешими посыльными)³⁶. Доставкой указов шаха и писем, исходивших из его канцелярии,

³⁴ См., например: M. Elphinstone, *An account...*, p. 526.— О мирафе Камране, правителе Герата, рассказывали, что по его приказу котвал города ежедневно собирали с жителей Герата 100 рупий, которые вгосились в специальную казну; казну эту Камран никогда не расходовал (Mohan Lal, *Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan to Balk, Bouhara, and Herat*, London, 1846, p. 268).

³⁵ Физ Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 55, 65; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 121—122.

³⁶ Соединение в одном учреждении службы связи и шпионажа было свойственно не только Афганистану, но и другим государствам Востока. Об этом пишут Низам-аль-Мульк («Сиасет-намэ», стр. 65) и другие авторы. В могольской Индии «ведомство осведомлений» и связь также находились в руках одного чиновника (см.: J. Sarkar, *Mughal administration*, Calcutta, 1924, p. 22).

нимались специальные скороходы — «чапары»³⁷. Ведомство осведомления ввиду его особой важности находилось под непосредственным наблюдением шаха. Как отмечают источники, шпионами, особенно в завоеванных провинциях, кишили все классы общества³⁸. По утверждению М. Губара, Ахмад-шах знал о всех тайных делах, в которых были замешаны его вельможи, и этим держал их в постоянном страхе³⁹.

«Харкара-бashi» были подчинены «забт-беги», возглавлявший ведомство конфискаций, и «насакчи-бashi», ведавший приведением в исполнение смертных приговоров и других наказаний, вынесенных шахом. На роли насакчи-бashi и его людей во время походов и битв мы остановимся ниже.

Столичные и провинциальные судьи назначались шахом, обычно по рекомендации придворного имама. Столичный судья именовался «кази-аль-кузат». Известно, что у него было 8 помощников и штат писцов⁴⁰. Во всех крупных городах империи имелись судьи-кази низшего ранга, а в населенных пунктах махалов и вилайетов находились их помощники. Как сообщает Феррье, при избрании Ахмад-шаха на трон было принято решение создать единый свод законов для всего государства⁴¹, который должен был заменить собой обычное право племен. Это не только в высшей степени повысило бы авторитет центральной власти, но, помимо всего, способствовало бы юридическому оформлению и закреплению складывавшихся у афганцев феодальных отношений. Известно, что Ахмад-шахом было уничтожено право господина убить раба; им же был издан закон, по которому только сыновья могли наследовать своему отцу (до того и дочери обладали правом наследования)⁴².

³⁷ [Samin], «Ahmad Shah Abdali, and the Indian wazir Imad-ul-Mulk (1756—1757), contributed by William Irvine» (*«Indian antiquary»*, vol. 36, 1907), p. 13.

³⁸ См., например: M. Elphinstone, *An account...*, p. 507.

³⁹ Губар, Ахмад-шах Баба-и Афган, стр. 128.

⁴⁰ Там же, стр. 118.

⁴¹ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 68.— Как мне любезно сообщил М. Г. Асланов, недавно в Пешаваре был найден список этого судебника Ахмад-шаха, написанный на языке пушту.

⁴² Ibid., p. 93.

Своей законодательной деятельностью шахи Дуррани стремились упрочить авторитет поставленных ими судей. Шахи старались сузить сферу применения норм обычного права и запретить, или хотя бы ограничить, кровную месть, но успеха в этом не имели⁴³.

Хотя шариатский суд и кодифицированные в нем нормы феодального права проникали постепенно в толщу афганского племенного общества, все же не только при шахах Дуррани, но и позже в районах, населенных племенами, господствовало обычное право. Мелкие дела решались джиргой деревни, более серьезные — маликом или ханом племени; там, где власть хана была сильна, он штрафовал виновных или заставлял их платить компенсацию обиженным; существовал обычай платить штраф девушками и определенная такса штрафов за убийство,увечье, воровство или ограбление⁴⁴. Даже у дуррани хан бывал рад опереться на джиргу, особенно если ответчиком был могущественный человек. Знатные люди обычно сами расправлялись с обидчиками. У юсуфзаев, например, традиционный обычай «бадал» — «взмездие» требовал мстить за мельчайшее личное оскорбление или ущерб собственности⁴⁵.

Суд казиев действовал главным образом в городах; правда, у племен района Пешавара (момандов, халилов и др.), где власть шаха была сильнее, дела о важных преступлениях разбирались кази или хакимом вилайета; но это было не правило, а исключение⁴⁶.

В своих решениях кази основывались на шариате и законах, изданных шахом. Право приговаривать к смертной казни было прерогативой шаха и хакимов провинций. При разборе дел, как отмечают источники, имели место произвол и коррупция. Наказания отличались жестокостью: осужденных на смерть бросали под ноги слона или под копыта лошадей, топили, связав по двое,

⁴³ M. Elphinstone, *An account...*, p. 166.

⁴⁴ H. W. Bellew, *Journal of a political mission to Afghanistan in 1857, under major (now colonel) Lumsden; with an account of the country and people*, London, 1862, p. 37; M. Elphinstone, *An account...*, p. 166—170.

⁴⁵ H. W. Bellew, *A general report on the Yusufzais, in six chapters, with a map*, Lahore, 1864, p. 211—212.

⁴⁶ M. Elphinstone, *An account...*, p. 359, 522.

спина к спине; существовали и различные телесные наказания⁴⁷.

Кази занимались также регистрацией купчих крепостей.

Нормы мусульманского права распространялись только на мусульман; индузы вершили свои дела с помощью собственных выборных судей.

Шариатский суд находился в руках мусульманских законоведов и богословов.

Многочисленная и влиятельная прослойка богословов — знатоков мусульманского права (улемов и муфтиев), судей (казиев), служителей при мечетях (мулл и имамов), преподавателей религиозных учебных заведений (мударрисов) и блюстителей порядка и нравственности — была важной опорой власти шаха. К этой же прослойке можно причислить ишанов и шейхов, глав могущественных суфийских орденов, многие из которых имели тысячи последователей и учеников-мюридов. И, наконец, к ней надо отнести верхушку тех многочисленных потомков различных мусульманских «святых», которые в некоторых районах Афганистана составляли значительный процент населения⁴⁸.

В афганском племенном обществе мусульманское духовенство первым оформилось в наследственную замкнутую группу, свободную от выполнения каких-либо повинностей и изъятую из сферы действия обычаем кровной мести⁴⁹. После образования империи Дуррани представители мусульманского духовенства как в афганских областях этой державы, так и на территориях, завоеванных Ахмад-шахом, превратились в привилегированную прослойку феодального класса, свободную от уплаты государственных налогов и сборов, а также от несения военной и других повинностей.

Мусульманское духовенство поставляло кадры судей, ведало государственной благотворительностью, а также

⁴⁷ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 13; G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 27.

⁴⁸ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 194, 445. — По подсчетам Г. Беллью, в стране юсуфзаяев, например, их было около 34 тыс. человек, т. е. почти 6% населения (H. W. Bellew, *A general report on the Yusufzais*, p. 184—185).

⁴⁹ И. М. Рейнер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, стр. 188.

всеми учебными заведениями страны. Многие духовные лица получали от шахов земельные пожалования и денежные пенсии. Ахмад-шах, например, дал в джагир мулле Сеиду Хаджи селение Кунар. Значительные земельные владения получили муллы в период правления Тимур-шаха, чему способствовало то большое влияние, которое имел на государственные дела ближайший советник шаха мулла Кази Файзулла Даулетши. Шахом Заманом, считавшим себя последователем шейха Ахмада Сирхинди, были пожалованы потомкам этого «святого» обширные земли на левом берегу реки Кабул, в районе Иваштах⁵⁰. Бакир-шаху, брату известного дервиша Сабир-шаха, сыгравшего такую важную роль в избрании Ахмад-шаха на трон, ежегодно выплачивалась из государственной казны пенсия в 5 тыс. рупий.

Кроме того, духовенство получало богатые подарки и подношения от частных лиц, не говоря уже о плате за совершение обрядов бракосочетаний, погребений и других церемоний⁵¹. В сельских местностях крестьяне бесплатно обрабатывали земли, принадлежавшие этим «святым людям», следили за исправным состоянием оросительных каналов, которыми те владели, и оказывали им другие услуги и помощь. «Бог лучше ведает,—говорит Мир Гулам Мухаммед Губар,—была ли эта помощь и бесплатный труд жителей добровольными или невольными».

Земли, принадлежащие шейхам суфийских орденов, часто обрабатывались бесплатным трудом их учеников-мюридов.

Росту землевладения мусульманского духовенства способствовало также то, что многие муллы занимались ростовщичеством, «умножая этим свое богатство до невероятных размеров»⁵².

Власть и влияние мусульманского духовенства особенно увеличились к концу эпохи Дуррани. Во времена Ахмад-шаха относительная экономическая слабость мусульманского духовенства, не обладавшего еще значи-

⁵⁰ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical, ethnographical, and historical. Extracted from the writings of little known Afghan and Tajik historians, geographers, and genealogists*, London, 1880, p. 119—120.

⁵¹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 540.

⁵² Ibid., p. 217.

тельными вакфами, ставила его в зависимость от центральной власти, что позволило Ахмад-шаху претендовать на первенство в решении религиозных дел; известно, что этот шах давал фетвы, основанные на велениях шариата, всем муллам Афганистана⁵³. Но в правление Тимур-шаха значение и власть мусульманского духовенства резко выросли, так как духовным лицам были вручены важнейшие должности в государственном аппарате в связи с тем, что Тимур-шах стремился опереться на них и противопоставить их авторитет весу и влиянию афганских племенных ханов.

Могущество и богатство мулл и улемов продолжали расти и при преемниках Тимур-шаха; в начале XIX в. им принадлежала уже значительная часть земельной собственности в стране⁵⁴.

Поддержка представителей высшего мусульманского духовенства помогла шаху Заману вступить на трон Афганистана⁵⁵. Эта же поддержка дала шаху Шудже возможность одержать в начале победу над шахом Махмудом, опорой которого были шииты-кызылбashi. Напомним, что в этой борьбе сторону шаха Шуджи приняли как раз те восточноафганские племена (бар-дуррани), среди которых влияние мулл было особенно сильным⁵⁶.

⁵³ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 30.

⁵⁴ M. Elphinstone, *An account...*, p. 217—218.

⁵⁵ Абдул Керим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 14.

⁵⁶ M. Elphinstone, *An account...*, p. 326.

Глава III

ДВОР, СТОЛИЦА И КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА

Двор афганских шахов — «дарбар» — был выделен в особое ведомство, вернее, в целую группу ведомств и учреждений и занимал важное место в афганском государстве. Все важнейшие должности при дворе, подобно должностям в государственно-административном аппарате, были наследственно закреплены за ханами племени дуррани.

Придворным шахов Дуррани, помимо исполнявшихся ими обязанностей на службе при особе государя, зачастую поручались самые разнообразные должности в гражданской или военной администрации¹. Они имели особую парадную одежду и знаки различия. При дворе имелись певцы, танцоры и музыканты, которые сопровождали шаха даже во время походов. Путешественники, посещавшие Афганистан, отмечают пышность двора шахов Дуррани.

Шах Шуджа в марте 1809 г. принимал М. Эльфинстона, сидя на золотом троне, покрытом мантией, усыпанной жемчугом; меч и булава шаха были украшены алмазами, так же как и его платье и венец. На одном из браслетов шаха, которые он носил выше локтя, среди других бриллиантов сверкал знаменитый Кух-и нур². Пышный

¹ См., например: Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 17, 41, 49.

² M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghan nation and a history of the Dooraunee monarchy*. London, 1815, p. 51.

придворный церемониал и сложный этикет дипломатических приемов должны были подчеркивать могущество и величие афганских шахов. Ахмад-шах в знак своего шахского достоинства носил на головном уборе четыре сultана из перьев, украшенных алмазами. Тимур-шах в торжественных случаях появлялся в бархатном головном уборе с верхом четырехугольной формы³.

Шахи Дуррани стремились показывать не только свою мощь и богатство, но и свое культурное превосходство, демонстрировать любовь к наукам и литературе. Ахмад-шах и Тимур-шах писали стихи. Ахмад-шах регулярно приглашал на свои обеды ученых-улемов и вел с ними беседы на религиозные и ученые темы⁴. При его дворе жили известные поэты: Хафиз Раҳмат-хан, Абдул Ҳамид, Афзаль-хан Ҳаттак, Нурулайн Вакиф. По традиции глава государства должен был покровительствовать литературе. Ахмад-шах в 1762 г. пожаловал поэту Низамуддину Йишрату Сиалкоти, составившему стихотворную хронику его правления, джагир и назначил «амином» — судебным чиновником в Кашмире.

Организация и церемониал двора шахов Дуррани в общем следовали тем образцам, которые Ахмад-шах и его приближенные наблюдали при дворе Надир-шаха Афшара.

Во главе придворного ведомства стоял «ишикагаси», функции которого были аналогичны функциям министра двора и оберцеремониймейстера в европейских странах. Должность эта была наследственно закреплена за ханами клана попользаев.

Во время походов двором ведал «орду-бashi», по своему положению в придворном ведомстве второе лицо после ишикагаси; орду-бashi распоряжался всем персоналом и войсковой прислугой, обслуживавшей лагерь шаха, вербовал стражников и слуг⁵.

Другими важнейшими придворными чинами, о которых мы знаем из доступных нам источников, были:

³ G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea*, vol. II, London, 1798, p. 85.

⁴ Ganda Singh, *Ahmud Shah, the man and his achievements (Afghanistan)*, vol. VIII, 1953, № 1, p. 2.

⁵ Губар, Ахмад-шах Баба-и Афган, стр. 122—123.

«мирахур-бashi» — «великий конюший»;

«арз-беги» — главный докладчик шаха; у Ахмад-шаха им был Бархордар-хан⁶;

«пешхидмат-бashi» — начальник дворцовой прислуги;

«пешханачи» («фарраш-бashi») — начальник шахского обоза;

«джахерчи-бashi» — главный глашатай;

«михмандар-бashi» — начальник протокольной части, отвечавший за прием послов и гостей.

Наиболее ответственной из этих должностей была должность миракур-бashi, которая была закреплена за ханами клана исхакзаев. Миракур-бashi вёдал конюшнями шаха, верховыми и вьючными животными (лошадьми, верблюдами, мулами, слонами), пастбищами для скота и фуражом, конскими заводами, а также закупкой скота и его ремонтом.

В подчинении у миракур-бashi находился большой штат чиновников и слуг и особая канцелярия, называемая «дафтар-и каманд», в своей деятельности он был тесно связан с армией и «высочайшим диваном».

В обязанности главного докладчика — арз-беги входило сообщать шаху о поступавших на его имя жалобах и прошениях и давать на них ответы.

Пешхидмат-бashi был начальником дворцовых слуг, находившихся постоянно при особе шаха. Пешханачи был ответствен за внутреннее убранство дворца и поставку всего необходимого ко двору; во время походов он вёдал обозом шаха.

Джахерчи-бashi — главный глашатай — передавал армии, чиновникам и народу шахские фирманы. Должности арз-беги и джахерчи-бashi были закреплены за поползнями.

Помимо этих важнейших должностей, было немало и других: гардеробом шаха вёдал «сундукдар-бashi», кухней — особый «кназеркар-хана-и таам»; имелись начальники шахской охоты, особый начальник соколиной охоты. Существовали должности придворного врача — «хаким»

⁶ [Samin] «Ahmad Shah Abdali, and the Indian wazir Imad-ul-Mulk (1756—1757), contributed by William Irvine» («Indian antiquary», vol. 36, 1907), p. 45.

бashi» или «табиб-бashi» и даже собеседника шаха — «мусахиба», или «надим-хаса»⁷.

Гарем шаха находился в ведении главного евнуха — «ходжа-сара-бashi», которому подчинялись другие евнухи.

Хотя основную роль при дворе играли ханы племени дуррани и лишь в отдельных случаях ханы других афганских племен (например, мухаммедзаяев)⁸, среди придворных, особенно среднего и низшего ранга, было немало выходцев из Индии и Ирана («кызылбашей»). Иногда кызылбashi достигали высоких постов. Так, некий мир Абул Хасан-хан, начав свою службу простым солдатом, затем стал «сундуқдар-бashi», позднее «куллерағаси» и, наконец, при шахе Шудже был назначен правителем Пешавара.

На службу при дворе афганских шахов шли даже знатные индийские и иранские феодалы. Среди придворных Ахмад-шаха мы находим, например, родственников наваба Ауда и Надир-шаха Афшара⁹.

Столицей империи Дуррани во времена Ахмад-шаха был Кандагар или, как он официально назывался, Ахмад-шахи. История его такова. После того как Надир-шахом старый Кандагар был уничтожен «до подошвы»¹⁰, иранский завоеватель выстроил неподалеку новый город — Надирабад. Однако в Надирабаде была плохая питьевая вода, и из-за близости к зарослям тростника этот район отличался нездоровым климатом. Поэтому Ахмад-шах после победоносного возвращения из Индии в 1761 г. решил построить новую столицу. Участок земли для нее предложили попользай¹¹. О том, каков был построенный Ахмад-шахом Кандагар, мы можем судить по плану, состав-

⁷ Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 146.

⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 402; H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical, ethnographical and historical. Extracted from the writings of little known Afghan and Tajik historians, geographers, and genealogists*, London, 1880, p. 217.

⁹ Архив внешней политики России, ф. «Сношения России с Персией», 1753 г., д. 3, л. 111, 155 (далее — АВПР).

¹⁰ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1782—1798 гг., д. 484, л. 138; تاریخ نظامی ایران — تهران — مقتدر.

¹¹ Ч. ۷ (далее — Гулам Хусейн Моктадер *Tarikh-i nizami-i Iran*).

¹¹ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 26.

ленному в 1174 г. хиджры (1761 г.), который приведен Азизуддином Попользаем¹², а также по описаниям путешесвенников, посещавших этот город в конце XVIII и начале XIX в.

Планируя Кандагар, его строители копировали Герат; строительство продолжалось около шести лет и было завершено к концу жизни Ахмад-шаха. Город имел форму прямоугольника и был обнесен глинобитной стеной длиной около 5,5 км¹³.

Стены Кандагара (по замерам, сделанным в начале XX в.) были в 8 м высотой, толщина их у основания — 6 м, а в верхней части — 4,2 м¹⁴. Каждая стена имела 17 башен, не считая угловых; в город вели шесть ворот. Ров вокруг стен был вырыт уже Баракзаями; известно, что Ахмад-шах отказался окружать свою столицу рвом, гордо заявив, что рвом Кандагара является ров Дели¹⁵.

В центре северной части города находились шахский дворец и цитадель. Ахмад-шах позаботился о снабжении своей столицы водой: два больших канала из реки Аргендаб, от которых ответвлялось множество арыков, подавали воду почти на каждую улицу. Как отмечал Дж. Форстер, посетивший Кандагар в 1783 г., этот город, превосходивший в то время размерами Герат, был густо населен и процветал¹⁶. Мухан Лал говорит, что в Кандагарском арке (цитадели) в эпоху Садозаев возвышалось много великолепных зданий; они уже пришли в упадок

¹² Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. «за». Как указывает М. Эльфинстон, план столицы был составлен самим Ахмад-шахом (M. Elphinstone, *An account...*, p. 423).

¹³ По словам Дж. Форстера и Ч. Мессона, стены Кандагара имели около трех миль в окружности (см.: G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 102; Charles Masson, *Narrative of various journeys in Baloochistan, Afghanistan, and the Panjab: including a residence in those countries from 1826 to 1838*, vol. II, London, 1842, p. 278). — Мухан Лал пишет, что длина стен города была равна 9 тыс. шагов (см.: Mohan Lal, *Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan to Balk, Bouhara and Herat*, London, 1846, p. 302). — Мухан Лал, кашмирец по происхождению, долгие годы находился на английской службе. Неоднократно бывал в Афганистане в 30—40-х годах XIX в.

¹⁴ А. Гамильтон, *Афганистан*, СПб., 1908, стр. 44.

¹⁵ Charles Masson, *Narrative...*, vol. I, London, 1842, p. 278, 356.

¹⁶ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 120.

к тому времени, когда он посетил город¹⁷. Почти все дурранийские сардари имели в Кандагаре дома, из которых многие были «велики и красивы». В центре города, на пересечении двух главных улиц, находился большой крытый базар — Чарсу, было также несколько меньших базаров, караван-сараев и мечетей. При возведении стен и башен применялся труд персидских и индийских ремесленников; руководил работами (по свидетельству Султан Мухаммед-хана Дуррани) «индийский архитектор». На строительных работах использовались также тысячи пленных, захваченных при разгроме маратхов у Панипата¹⁸. Строители Кандагара, собранные сюда из Индостана и восточных провинций империи, были поселены в особом «квартале строителей»; эта часть города сохранила свое название до наших дней¹⁹.

По словам Хрисанфа, побывавшего в Кандагаре в начале правления шаха Замана, хотя этот город уже не был столицей, его население все же насчитывало от 60 до 80 тыс. человек²⁰. Характерно, что при постройке Кандагара каждый клан племени дуррани (нурзай, ачакзай, ализаи, попользай, алкозай, баракзай и др.) строил и заселял отдельный квартал.

Особые кварталы были отведены для отрядов юсуфзаев, момандов, хаттаков, гильзаев, торкланри и других афганских племен. Рядом с дворцом шаха жили его гулямы — отряды гвардии под командой сардаров Мухаммед Ата-хана, Мохсен-хана, Сарафраз-хана и др. В западной части города находились многочисленные мастерские, склады и хозяйственные службы, жили ремесленники, плотники, столяры, кузнецы, оружейники и др. Арсенал, артиллерия, а также отряды «насакчи» и привратников — «гапучи» располагались в южной части Кандагара. Здесь же находились конюшни, коновязи, стойла для мулов. В юго-западной части города помещался слоновник шаха²¹. В центре южной части находилась канцелярия

¹⁷ Mohan Lal, *Travels in the Panjab...*, p. 303.

¹⁸ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 25, 26.

¹⁹ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, раздел 23-й.

²⁰ См.: Дм. Кобеко, *Поеzdka mitropolita Xrisanfa k Dalai-lame v 1792 godu* («Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884), стр. 393.

²¹ Слоновники шаха были также в Кабуле и около Джелалабада (H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 53).

шаха — «дафтар-хана-и хас», а севернее — «высочайший диван».

Из этого описания видно, что Кандагар был прежде всего военной ставкой, огромным лагерем, в котором размещались армия Ахмад-шаха, арсенал, склады оружия, а также обслуживающие армию ремесленники.

Новая столица должна была стать оплотом и символом «единства» империи Дуррани, которое представляли себе как единство афганских племен под властью Ахмад-шаха. Собрав в своей столице ханов крупнейших афганских племен (и прежде всего ханов дуррани) вместе с их дружинами, Ахмад-шах, видимо, надеялся держать их таким образом под постоянным наблюдением, чтобы иметь возможность решительно пресекать попытки неповиновения. Однако этот замысел успехом не увенчался: фактически владыками новой столицы стали ханы дуррани, поскольку в окрестностях Кандагара находились поселения их племени. Поэтому Тимур-шах сразу по вступлении на престол перенес столицу в Кабул. Укрепления Кабула, очень пострадавшие при взятии этого города Надиром²² и отстроенные в 1753 г. по приказу Ахмад-шаха под наблюдением Джехан-хана Попользая, были переделаны Тимур-шахом; Кабул окружили неглубоким рвом. В его цитадели был выстроен новый дворец для Тимур-шаха²³. Дж. Форстер в 1783 г. писал, что окружность стен Кабула равна 1,5 мили; таким образом, этот город размерами значительно уступал Кандагару²⁴. На возвышенности в восточной части Кабула находилась цитадель — Бала-Хисар, которая делилась на две части: верхнюю и нижнюю. Верхний форт в начале XIX в. окружала двойная стена; согласно замерам Вайна, стены Бала-Хисара были высотой в 35 футов (10,5 м)²⁵. Бала-Хисар был резиденцией

²² Гулам Хусейн Моктадер, *Tarikh-i nizami-i Iran*, стр. 209.

²³ Р. Е. Caspani, *Les murs de Kabul* («Afghanistan», 1946, № 2), р. 31. — Прочность этих стен, впрочем, была невелика. А. Бернс, посетивший Кабул спустя 60 лет, отмечал, что стены города почти развалились (Александр Борнс, *Путешествие в Бухару...*, т. III, М. 1849, стр. 434—435).

²⁴ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 69—70.

²⁵ G. T. Vigne, *A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan and of a residence at the court of Dost Mohammed*. London, 1840, p. 164.

шаха и административно-политическим центром столицы. Дворец шаха находился в нижней части цитадели, около парадной площади; здесь же помещался гарем. В Бала-Хисаре были также размещены важнейшие государственные учреждения, дворцовые службы, жилища крупнейших чиновников и приближенных шаха. Верхняя часть цитадели служила государственной тюрьмой, где Тимур-шах и его преемники держали в заточении своих братьев и других родственников²⁶. В Бала-Хисаре жили также телохранители шаха и помещались знаменная, склады оружия и оружейные мастерские, конюшни, стойла мулов и верблюдов. Для Тимур-шаха в Бала-Хисаре разбили сады и построили высокие павильоны. После перевода столицы в Кабул дурранийские сардара и их приближенные также стали строить здесь себе дома.

Кабул был летней резиденцией Тимур-шаха и его преемников; на зиму они обычно со всем двором переезжали в Джелалабад или Пешавар. Кроме дворцов, у шаха и его вельмож были загородные дома и сады; Тимур-шах, например, разбил обширный сад в Шакардара около Кабула и большой сад («баг-и шахи») около Герата²⁷.

Образование империи Дуррани, центром которой стали афганские области, и быстрое развитие в них феодальных отношений²⁸ создали благоприятные условия для роста городов Афганистана. Росту городов в первые десятилетия существования дурранийской державы способ-

²⁶ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 73; H. G. Raverty, *Notes of Afghanistan...*, p. 66; Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 10, 13, 14; Ша-задэ Мухаммед Мустафа, *История Афганистана, рассказанная потомком шахов афганских* («Литературная газета», 1843, № 50), стр. 882.

²⁷ G. T. Vigne, *A personal narrative...*, p. 214; «Abstract of captain Christies Journal» (в кн.: Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan and Sind; accompanied by a geographical and historical account of those countries*, London, 1816, Appendix), p. 145.

²⁸ Эпоха Дуррани была временем «качественного скачка», подготовленного длительным и постепенным ходом разложения родового строя у афганцев. Подробно эти вопросы рассмотрены проф. И. М. Рейнером в его статье «Возникновение и распад Дурранийской державы». Следует, впрочем, отметить, что развитие феодальных отношений протекало и в эпоху дуррани весьма неравномерно у различных афганских племен, охватывая в первую очередь наиболее передовые в социально-экономическом отношении племена (такие, как дуррани, хаттаки и др.).

ствовали также оживление транзитной торговли через Афганистан, приток в страну тысяч пленных ремесленников, пригоняемых из Индии, и то, что именно в городах афганские феодалы расходовали огромные средства, притекавшие из завоеванных провинций в виде налогов, дани и военной добычи.

Общей для всех городов Афганистана (несмотря на глубокие различия между городами восточной, индийской части страны и городами западного Афганистана) была их раздробленность, отсутствие внутренних связей, характерных для средневековых центров Западной Европы. В городах не было никакого общегородского самоуправления, оно существовало только внутри отдельных торгово-ремесленных корпораций, имевших право избирать своих старшин, утверждавшихся в должности правителем города. Разделенные стенами городских кварталов — «маяхалов», каждый из которых был замкнутым в себе мирком, разобщенные племенными, религиозными, а в восточных областях страны и кастовыми различиями, горожане не могли противостоять своим феодальным владыкам как нечто единое, целое. Если же принять во внимание, что значительная часть городского населения экономически зависела от феодальной знати, жившей в городах, поскольку ремесло, торговля и кредит обслуживали преимущественно потребности феодалов, то станет понятным, что именно последние господствовали в городе. Вряд ли будет правильно делить города Афганистана этой эпохи на три четыре типа (города — ставки феодалов, города — коммерческие склады, города — места паломничества и др.), как это делают некоторые исследователи в отношении городов феодальной Индии²⁹. В Афганистане времена шахов Дуррани крупные города, как правило, совмещали в себе черты если не всех, то во всяком случае нескольких из этих типов, хотя, конечно, своим возникновением и ростом одни из этих городов (например, Кандагар) были обязаны тому, что они являлись ставками шаха и фео-

²⁹ См. К. А. Антонова, *Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.)*, М., 1952, стр. 128; А. М. Дьяков, *К вопросу о национальном составе населения Индии* («Ученые записки Тихоокеанского института»), М.—Л., 1947, т. 1), стр. 251—252.

дальной знати, обслуживавшими нужды главы государства, его гвардии и двора (города — «княжеские ста́ны» — «нарост на экономическом строев в собственном смысле», по терминологии К. Маркса³⁰); другие — выросли как центры ремесленного производства, работавшие главным образом на внешний рынок (Кашмир); третьи, — как центры транзитной международной торговли и места хранения и перегрузки товаров (Герат, Газни, Кабул и др.). Помимо того, в Афганистане имелось много небольших городских торгово-ремесленных пунктов, которые обслуживали в основном ограниченный местный рынок и работали для удовлетворения нужд ближайшей сельскохозяйственной округи.

Города Афганистана в эпоху шахов Дуррани носили полуаграрный характер, что определялось уровнем общественного разделения труда; пригороды были заняты садами и огородами, доход от которых составлял основу существования многих жителей города. Дж. Форстер отмечал, что в окрестностях Кандагара имелось много фруктовых садов, хорошо обработанных и орошенных; то же самое он говорит о Кабуле³¹. Двор и приближенные шаха были потребителями значительной части сельскохозяйственной продукции, производившейся в окрестностях столицы или того города, который служил им временной резиденцией. Бернс указывал, например, что фрукты в Пешаваре в 30-х годах XIX в. подешевели в 2 раза по сравнению с 1809 г., так как не было двора, потреблявшего их в большом количестве³². Многие крупные города славились продуктами сельского хозяйства: Кабул был известен абрикосами и тутовыми ягодами, которые даже экспорттировались в Индию, а Газни — своими яблоками; предметом экспорта из Газни была также марена. Сказанное относится и к городам Пенджаба, находившимся под властью афганцев: Мультан, например, был знаменит своим табаком. В Кабуле и Кандагаре значительная часть населения покидала на лето город, так как была

³⁰ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 13.

³¹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 73, 103.

³² Александр Бернс, *Путешествие...*, т. III, стр. 418.

непосредственно связана с сельским хозяйством³³. Жители городка Исталиф (к северу от Кабула), большинство которых занималось ткачеством, почти все имели сады или огороды в окрестностях города, куда и переселялись на время сбора урожая, запирая свои городские жилища; в то же время в городах юго-восточного Афганистана (Джелалабад, Пешавар) наблюдался большой прилив жителей в зимние месяцы³⁴. Полуаграрным характером городов отчасти объясняется изобилие и дешевизна продуктов питания³⁵.

Несмотря на такой характер городов, с понятием «город» в Афганистане (так же как в Средней Азии и в Иране) в ту эпоху связывалось представление прежде всего о центре ремесленного производства. Городом считалось лишь поселение, где имелись представители 32 традиционных отраслей ремесла³⁶. Это не исключало, конечно, того, что те или иные городские пункты специализировались преимущественно на производстве одного или нескольких видов ремесленной продукции.

Ремесленники в городах, особенно в крупных, работали главным образом на феодалов, обслуживая их нужды. В ряде городов (Кандагар, Герат, Кабул, Пешавар) отдельные группы ремесленников были прикреплены ко

³³ О переселении части жителей Кандагара на лето в горную местность Тсба, расположенную в двух-трех днях пути на юго-восток от города, сообщает, например, А. Конолли (*Arthur Conolly, Journey to the north of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan*, vol. II, London, 1834, p. 104—107).

³⁴ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan*..., p. 65; M. Elphinstone, *An account*..., p. 262. Александр Борис («Путешествие...», т. II, стр. 181) пишет, что население Джелалабада увеличивалось зимой до 20 тыс. человек (против 2 тыс. летом).

³⁵ G. Forster, *A journey from Bengal to England*..., vol. II, p. 51, 72, 103. — М. Эльфинстон пишет, что за самую мелкую медную монету (меньше полгроши) в Кабуле можно было купить 25 фунтов овса, а в Пешаваре за 1 рупию — 76 фунтов муки (M. Elphinstone, *An account*..., p. 261, 300).

³⁶ См.: M. Elphinstone, *An account*..., p. 257. — По словам этого автора, в Кабуле, например, имелись ремесленники следующих специальностей: ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, переплетчики, изготовители пеналов для письменных принадлежностей, граверы, оружейники разных специальностей, полировщики, сапожники, шорники, пуговичники, мастера по изготовлению украшений из стекла и другие (булочники, пекаря и т. д.).

двору шаха и были обязаны обслуживать личные потребности главы государства³⁷.

Некоторые ремесленники трудились по заказам купцов-скупщиков; последние, как правило, вели внешнюю торговлю, так как внутренний рынок был узок и рос медленно (расцвет многих городов еще со времен средневековья объясняется именно тем, что они стояли на важнейших торговых путях). Были и такие ремесленники, которые работали на рынке, на мелких заказчиков. Производились также предметы первой необходимости, рассчитанные на массового потребителя.

Ремесленники занимались главным образом обработкой сельскохозяйственного сырья (хлопка, шерсти, кожи); некоторые из них были связаны с «добывающей промышленностью» — трудились над обработкой металлов (железа, бронзы, золота, серебра, меди). Выплавкой железа в примитивных доменных печах занимались преимущественно жители небольших населенных пунктов в некоторых районах Гиндукуша и Сулеймановых гор, а также горцы Кашмира и таджики верховьев Аму-Дарьи³⁸.

Крупнейшие ремесленные центры державы Дуррани находились в восточных, индийских вилайетах империи, отличавшихся более высоким уровнем развития ремесла. Важнейшим из них был Кашмир (или Сринагар), один из многолюднейших городов государства. Хотя производство шалей в Кашмире и упало в рассматриваемую эпоху, причиной чего, по словам одного путешественника, было «тяжелое угнетение правительством», все же в начале 80-х годов XVIII в. здесь работало около 16 тыс. ткацких станков (в то время как в эпоху Моголов их было 40 тыс.). К концу XVIII в. число станков увеличилось до 24 тыс.³⁹. В начале XIX в. производством шалей здесь было занято почти 50 тыс. человек, которые изготавливали около 80 тыс.

³⁷ Ibid., p. 258.

³⁸ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 19; M. Elphinstone, *An account...*, p. 296.

³⁹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 20; Рафаил Данибеков, *Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибекова*, М., 1815, стр. 41—43. — Абдул Карим Бухари («Афган ва Кабул», стр. 105) пишет, что, когда Кашмир находился под властью шахов Дуррани, здесь имелось 40 тыс. ткацких станков, но эта цифра несомненно преувеличена.

шалей в год⁴⁰. Мехти Рафаилов, побывавший здесь в то время, подтверждает, что в городе имелось не менее 20 тыс. ткацких станков⁴¹.

Помимо знаменитых шалей, гордости и славы Кашмира, кашмирские ремесленники изготавливали лучшую в мире писчую бумагу, ножевые и другие металлические изделия, пеналы, а также сахар, производство которого следует отметить, так как сахар-сырец ввозился для этой цели из Пенджаба⁴².

Исследование вопросов общественного разделения труда и экономической организации ремесла в Кашмире выходит за рамки нашей темы. Хотелось бы только отметить, что некоторые имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о глубоком внедрении торгового капитала в ремесленные промыслы этого самого богатого и экономически наиболее развитого города Дурранийской державы. Наряду с первой и наиболее простой формой торгового капитала, т. е. покупкой торговцем изделий, изготовленных мелкими производителями, мы наблюдаем в Кашмире существование и более высоких форм торгового капитала, вплоть до самой высокой, т. е. раздачи скопицом сырья ремесленникам на выработку за определенную плату. Описывая производство знаменитых кашмирских шалей, Эльфинстон говорит: «Исключительно красивая шаль может изготавливаться на станке выше года... обычно за одним станком работают три человека; шали, требующие для своего изготовления большого труда, ткутся отдельными кусками на разных станках. За всеми работами ведет наблюдение мастер-устад, в то время как ремесленники, работающие по найму, трудятся около него под его непосредственным руководством. Заработная плата устада, которого начальник снабжает материалом, равна 6—8 пайса в день, а простых рабочих

⁴⁰ M. Elphinstone, *An account...*, p. 509.

⁴¹ АВПР, Главный Архив, 1819 г., II — 11, оп. 50, д. 4 [а].
Л. Шаститко, *Миссия Мехти Рафаилова к Ранджит Сингху* («Советское востоковедение», 1957, № 4), стр. 129—130].

⁴² G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 19.
W. Moorcroft—G. Trebeck, *Travels in the Himalayan provinces of Hindostan, and the Panjab... from 1819 to 1825*, vol. II, London, 1841, p. 200—217; Азиуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, ст. 178.

от 1 до 4 пайса (1 пайса — около полутора английских пенсов). Купец, занимающийся торговлей шальми, часто собирает в одном месте под своим наблюдением несколько станков. Иногда он снабжает мастеров пряжей, которая сначала была изготовлена женщинами, а затем выкрашена, и мастера ведут работу на дому, предварительно получив от купца указания относительно качества товаров, которые ему требуются, их цветов и рисунков. После того как товар изготовлен, купец несет его в таможню, где на каждую шаль ставится печать»⁴³.

Из этого интересного описания видно, что ремесленник-производитель был оторван и от источников сырья и от рынков сбыта, причем купец-скупщик, как правило, не входил в контакт с отдельными ремесленниками, а имел дело с мастером-посредником, которому он давал указания о качестве и виде товара и который лично руководил работами, получая за это поденную плату, превосходившую в несколько раз плату простого ремесленника. Важно также сообщение Эльфинстона о том, что наиболее трудные и сложные по выделке ткани производились частями на различных станках. Это позволяет предположить существование зачатков мануфактуры в Кашмире на рубеже XVIII—XIX вв.

Значительными центрами ремесленного производства в восточной, наиболее развитой, части империи Дуррани были также Мультан (изготовление шелковых тканей, ковров, вышивок, табачных изделий), Лахор, Бахавалпур, Дера-Гази-хан и некоторые другие города, а на западе — Герат, Кабул, Кандагар. Иногда изготовлением ремесленных изделий занимались не только жители городов, но и население окружавших эти города деревень; так, производством грубых шерстяных тканей, из которых шили одежду, занимались жители деревень, расположенных вокруг Герата. Продукцию их труда скупали купцы, экспортировавшие ее в северный Иран⁴⁴.

На экспорт работали ремесленники не только таких крупных городов, как Кашмир, Мультан, Пешавар, Герат, но и небольших населенных пунктов. Например, ткани

⁴³ См.: M. Elphinstone, *An account...*, p. 508—509, note.

⁴⁴ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 120.

ткачей Исталифа вывозились главным образом в Среднюю Азию. Славились своей искусственной работой ремесленники Канигурама (в Вазиристане) и Чахарбага (в Лагмане), изделия которых имели самый широкий сбыт.

Поскольку афганцами были покорены многочисленные города и селения со значительным торговым и ремесленным населением (состоявшим из индийцев и таджиков), то ремесло повсеместно находилось в руках неафганцев. В стране юсуфзаем, например, ремеслом занимались кашмирцы и хиндки⁴⁵; в стране вазиров — ормуры и таджики.

Ремесленники в городах работали в одиночку или были объединены в особые корпорации — «хамкари» («фирке»), которые европейцы обычно называли «цехами».

Во главе этих торгово-ремесленных объединений стояли старшины, называемые «кедхуда», «уста-бashi» или «сафед-риш». Кедхуда вершили делами цеха, а также являлись посредниками между ремесленниками, входившими в их корпорацию, и администрацией правителя города⁴⁶.

В столице и крупных городах Афганистана отмечено существование рабско-крепостнической формы эксплуатации ремесленников (плеников-рабов, захваченных главным образом в Индии⁴⁷), работавших в особых мастерских — «кар-хана», находившихся в ведении дворцового

⁴⁵ H. W. Bellew, *A general report on the Yusufzais, in six chapters with a map*, Lahore, 1864, p. 182—183.—Общее число этих ремесленников Беллью определяет в 19 тыс. человек (см. также H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 209; Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 470).

⁴⁶ См., например: M. Elphinstone, *An account...*, p. 257.

⁴⁷ Только после Панипата Ахмад-шахом было захвачено в плен несколько десятков тысяч ремесленников и рабочих, обслуживавших армию и лагерь маратхов. Число этих плених Фаиз Мухаммед («Сирадж ат-таварих», т. I, стр. 25) определяется в 22 тыс. человек; наследник Али Ибрахим-хан — в 30 тыс. человек [«Tarikh-i Ibrahim Khan» (в кн.: H. M. Elliot — John Dowson, *The history of India as told by its own historians*, vol. VIII, London, 1877), p. 280].

В анонимной хронике [«Ahmed Shah Durani's Feldzuge in Hindostan» (*Asiatische Magazin*) Bd. I. (Weimar) 1802], S. 361] сказано, что после Панипата в руки воинов Ахмад-шаха попало 20 тыс. рабов и столько же рабынь. Масса индусов была обращена афганским шахом в рабство в 1756 г. после захвата им Матхура (Syad Muhammad Latif, *History of the Panjab from the remotest antiquity to the present time*, London, 1891, p. 228).

ведомства. К сожалению, мы не знаем, как было здесь организовано производство и в каких конкретно формах происходила эксплуатация ремесленников.

Объединение в государстве шахов Дуррани обширных территорий привело на время к некоторому росту торговых связей между отдельными частями этого государства и к заметному оживлению внешней торговли. Оптовая международная торговля, хотя в ней принимали участие отдельные афганские сардара, находилась главным образом в руках индусских купцов.

Купцы занимались преимущественно внешнеторговыми операциями, что и понятно, поскольку предпосылки для внедрения купца создаются в сфере внешней торговли. «Торговый капитал,— пишет Ф. Энгельс,— по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов»⁴⁸.

Росту торговли и товарно-денежных отношений благоприятствовала также специализация отдельных районов на производстве определенных товарных культур или на выработке отдельных видов продукции.

Показателем сравнительно высокого развития торговли и денежных операций является существование широко распространенной системы векселей. При переездах на большие расстояния, как об этом свидетельствуют источники, купцы, путешествовавшие по Афганистану, как правило, брали с собой не наличные деньги, а векселя⁴⁹.

К концу интересующего нас периода из-за феодальных смут в Афганистане и изменения направления торговых путей транзитная и внешняя торговля в стране приходит в упадок. Но на базе развития товарно-денежных отношений и упрочившегося местного обмена складываются областные рынки вокруг таких городов, как Герат, Кабул, Пешавар, Кандагар. Жители окрестных сел и деревень, равно как кочевые и полукочевые племена, жившие на территории вилайетов, столицами которых эти города яв-

⁴⁸ Ф. Энгельс, Дополнения к третьему тому «Капитала» (К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1955), стр. 917.

⁴⁹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 35, 51; «Странствования армян Григория и Данилы Атанасовых по Азии» («Сибирский вестник», издаваемый Григорием Спасским, ч. I, СПб., 1824), стр. 170—171.

лялись, испытывали постоянную потребность в продукции городского ремесленного производства. Со своей стороны население городов нуждалось в некоторых видах сырья, которое производили жители сельскохозяйственной окружности, а также в скоте, принадлежавшем кочевникам-скотоводам.

Наличие высокоразвитого феодального окружения привело к тому, что при разложении первобытно-общинного строя (сопровождавшемся у большинства афганских племен оседанием на землю) у афганцев не возникло собственных городов, и все основные городские центры страны были по своему населению не афганскими. Даже в Кандагаре были целые кварталы, занятые ремесленниками, переселенными из Индии; здесь также жило много таджиков. Как пишет Феррье, «промышленным и производящим классом» в Кандагаре были индийцы и таджики, которых удерживали там против их желания и «строго наказывали за попытки выезда»⁵⁰.

До перенесения Тимур-шахом столицы в Кабул население этого города было таджикским; таджики составляли также основную часть населения Кабулистана и были аборигенами этой области. В Кабуле имелось, кроме того, много выходцев из Индии⁵¹. Даже в начале XIX в. таджики, кизылбashi (потомки иранцев, переселенных в Кабул Надиром и Ахмад-шахом) и отчасти хазарейцы представляли собой основную часть населения столицы Афганистана⁵².

В Герате в начале XIX в. афганцы составляли лишь 10% населения города⁵³. В Пешаваре основная масса жителей была потомками выходцев из Индостана: пенджабцев, кашмирцев и др., а также таджиков⁵⁴. Город Де-

⁵⁰ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 30; M. Elphinstone, *An account...*, p. 254—255.

⁵¹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 73.

⁵² H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 65.

⁵³ «Abstract of captain Christie's journal», p. 415; M. Elphinstone, *An account...*, p. 489. — Таким образом, афганцев в Герате было не больше, чем в Шикарпуре (J. Burnes, *Narrative of a visit to the court of Sind and Hyderabad of the Indus*, Edinburgh — London, 1839, Appendix, p. 29).

⁵⁴ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 50—51. Charles Masson, *Narrative...*, vol. II, p. 131; M. Elphinstone, *An account...*, p. 254—255.

ра-Исмаил-хан населяли в основном белуджи⁵⁵. Таким образом, большая часть городского населения Афганистана состояла не из афганцев, а из таджиков на западе страны и представителей различных народов Индии—на востоке.

Афганцы в городах были представлены главным образом знатью племен и ее приближенными, а также духовенством и военным людом⁵⁶. В города шла и часть обедневших общинников в поисках заработка. Но ремеслами и торговлей афганцы, как правило, почти не занимались, хотя знать афганских племен, живя постоянно в городе (главным образом в столице), постепенно втягивалась в торговлю (особенно в караванную, носившую оптовый характер), в денежные операции, в откуп.

Из указания М. Эльфинстона, что по мере приближения к Кандагару уменьшается число ремесленников в деревнях, расположенных на пути к этому городу⁵⁷, можно сделать вывод, что деревни в окрестностях Кандагара снабжались изделиями ремесла, производимыми в городе, и экономически к нему тяготели⁵⁸.

Власть в городах находилась в руках наместников шаха, с которым ее часто делили представители местных феодалов; сильным было влияние духовенства и шейхов дервишских орденов.

Непосредственно городской жизнью ведал «калантар», назначаемый обычно из афганских сардаров. Калантар отвечал за сбор налогов с города и выполнение его жителями различных повинностей; при взимании налогов и разовых сборов ему помогали старшины цехов—«кедхуда» (называемые также «сафед-риш»), распределявшие между членами своей корпорации сумму налога, которую надо было собрать.

В подчинении у калантара находились три чиновника—«миршаб», «мухтасиб» и «даруга» базара. Миршаба

⁵⁵ M. Elphinstone, *An account...*, p. 29.

⁵⁶ Из представителей духовенства можно назвать, например, мулу Мухаммед Сеид-хана Баракзая, который во времена шаха Махмуда был Кабульским кази (см.: Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 66).

⁵⁷ M. Elphinstone, *An account...*, p. 404.

⁵⁸ И. М. Рейнер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 264.

называли также «мирзебен», «миратеш» и «миршабир»⁶⁰. Он имел в своем распоряжении стражников — «кашикчи», несших службу в различных районах города. Существовала также стража, которую содержали сами жители города (торговцы и ремесленники) для охраны своих кварталов. После 11 часов вечера и до рассвета ворота между кварталами города запирались и жителям было запрещено выходить на улицу; если же кто-либо бывал вынужден в эти запретные часы выйти из дома, то он обязан был иметь с собой фонарь, показывающий, что у него нет никаких тайных намерений. Ночью миршаб совершаил со своими стражниками обходы города и хватал всех подозрительных. Как отмечали путешественники, порядок в городах поддерживался строго и преступлений было мало⁶⁰.

Мухтасибы назначались из представителей мусульманского духовенства; обязанностью их было следить «за малейшим нарушением правил религии и морали»⁶¹, например, за тем, чтобы люди не пили вина и т. д. Ответственность за нарушение этих установлений шариата несли обычно только те, кто не мог откупиться от мухтасиба.

Обязанностью даруги базара был надзор за порядком на базаре, — он следил за правильностью мер и весов, устанавливал цены и т. д. Иногда обязанности даруги базара и мухтасиба исполняло одно и то же лицо. Так как должности миршаба, мухтасиба и даруги базара отдавались на откуп, то купившие эту должность, стремясь с лихвой вернуть затраченное, вымогали взятки, широко используя то обстоятельство, что в их ведении часто находился разбор мелких судебных дел⁶². М. Эльфинстон писал, что городская полиция была источником наибольшего угнетения: «миршабы и мухтасибы — источник многих угнетений; их ненавидят»⁶³.

⁶⁰ Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 130.—
М. Эльфинстон указывает, что должности «миршаба» соответствовали должности котвала в Индии (M. Elphinstone, *An account...*, p. 528).

⁶¹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 120.

⁶² M. Elphinstone, *An account...*, p. 259, 529.

⁶³ С. К. Риштия (*«Афганистан»*, стр. 149) пишет: «Большинство спорных дел решалось котвлом (т. е. начальником полиции). — Ю. Г., который редко отсыпал виновных в шариатский суд».

⁶⁴ M. Elphinstone, *An account...*, p. 258, 259, 528.

Главами отдельных кварталов города были или кедхуда — старосты торговых и ремесленных корпораций, населявших данный квартал, или (в кварталах города, населенных афганцами) — «малики» и «мушкиры» (правильнее «мышр») — главы подразделений племени, каждое из которых занимало отдельный квартал.

* * *

Известное положение Маркса о ведомствах государственного управления в странах Востока⁶⁴ целиком применимо к империи Дуррани. Держава Ахмад-шаха обнимала в своих границах целый ряд территорий, где феодальный строй и феодальная государственность существовали уже на протяжении веков. Сам Ахмад-шах и большинство его сподвижников и приближенных прошли многолетнюю выучку на службе у такого типично восточного владыки, каким был Надир-шах, наблюдали систему управления и принципы организации государственного аппарата в Иране, Индии и Средней Азии. Весь этот опыт был использован, когда ханы афганских племен создали свое собственное государство. Конечно, были и своеобразные моменты, в значительной мере характерные только для Афганистана и в основном связанные с процессом приспособления неизжитых институтов первобытнообщинного строя (свойственных в той или иной степени всем афганским племенам) к интересам возникшего феодального государства.

Сохранение и использование отдельных черт отжижающей родо-племенной организации для нужд феодального государства мы находим, конечно, и в мангытской Бухаре⁶⁵ и в сефевидском Иране. Но нигде так тесно, как в Афганистане, не срослась и не переплелась эта племен-

⁶⁴ «В Азии с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство публичных работ» [К. Маркс, *Британское владычество в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. 9, изд. 2), стр. 132].

⁶⁵ См., например: Н. В. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843, стр. 153; П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования* («Труды Института востоковедения Академии наук», XXVIII, М.—Л., 1937), стр. 23, 41.

ная организация с гражданской и военной администрацией, что является несомненным проявлением отсталости социально-экономического строя Афганистана в ту эпоху. Этой отсталости, проявлявшейся в существовании устойчивых родо-племенных отношений, способствовали: 1) наличие кочевого скотоводства как основы хозяйственной деятельности многих афганских племен; 2) устойчивый характер патриархальной деревенской общины в оседлых земледельческих районах; 3) постоянное соседство оседлой и кочевой части населения (что консервировало исторически сложившееся разделение труда между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами); 4) медленное оседание кочевников на землю; 5) политическое преобладание афганской племенной знати.

Превратившись в высшую, правящую прослойку феодального класса державы Дуррани, ханы афганских племен преобразуют и используют в своих классовых интересах сохранившиеся еще у афганских племен установления и институты первобытнообщинного строя. В сохранении пережитков этого строя, в их консервации, племенная знать видела основу своей экономической и политической власти, залог своего преобладания и решающего влияния на все стороны экономической и политической жизни державы Дуррани. Эти пережитки маскировали эксплуатацию рядовых членов племен ханами и маликами и давали им возможность использовать военную силу племен в захватывающих войнах и грабительских набегах. Вместе с преобразованием и приспособлением старых родо-племенных институтов к новым условиям происходило заимствование феодально-административных установлений Ирана и Индии, причем не только посредством использования внешних государственных форм при создании нового, афганского феодального государства, но и путем прямого «включения» в государственный аппарат молодой афганской державы целых звеньев старой феодально-бюрократической системы, «унаследованной» в тех провинциях Ирана и Индии, которые были завоеваны Ахмад-шахом.

Государственным языком молодой афганской державы стал язык фарси. Вся административная и военная терминология державы Дуррани была заимствована у соседних феодальных государств⁶⁶.

⁶⁶ Нами подсчитано, что из 169 наиболее употребительных тер-

Вследствие того что в городах Афганистана господствовала феодальная знать, шахи Дуррани не могли опереться на города в своей борьбе с феодальной децентрализацией и ханами племен. При экономической отсталости Афганистана, разобщенности отдельных провинций, отсутствии единого рынка и т. д. не было и экономической основы, на которой могло бы произойти объединение и слияние завоеванных Ахмад-шахом территорий в единое централизованное государство. Сильнейшим тормозом и препятствием на пути создания целостной централизованной державы было наличие часто формально зависимых, но в действительности почти полностью самостоятельных районов и областей, населенных племенами. Наконец, Афганистан не мог в ту эпоху стать централизованным государством также и по той причине, что сами афганцы были более отсталыми в социальном отношении, чем таджики и народы северной Индии; следовательно, они не могли стать ведущим объединительным элементом, а гнет афганских феодалов-завоевателей вызывал лишь бесконечные восстания покоренных народов, подавленных под игом захватчиков.

минов 85 по своему происхождению являются арабскими (среди них такие, как «берат», «вакиль», «вали», «вазир», «гулам», «касид», «малик», «наваб», «хаким» и др.), 40 — персидско-таджикскими («даста», «кедхуда», «саргала», «сардар», «саркарда», «сипахсалар» и др.), 11 — тюркскими («байраг», «ишикагаси», «куллераагаси», «союрасат» и др.), 11 — монгольскими («даруга», «илчи», «нукар», «ярлыг» и др.), 3 — хиндустанами; 15 терминов имеют смешанное арабо-персидское или монголо-тюркское происхождение. В четырех случаях происхождение терминов является спорным.

Приведенные данные — наглядное доказательство того большого влияния, которое оказали на молодую афганскую державу соседние феодальные государства.

Глава IV

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ

В административном отношении империя шахов Дуррани делилась на провинции — «вилайеты», как правило, совпадавшие с теми историческими областями, которые вошли в состав молодого афганского государства, или с территориями, занятymi крупнейшими племенами.

По своей площади и численности населения вилайеты весьма разнились друг от друга.

По традиции, восходящей к средним векам, все вилайеты делились на две группы: хорасанские и индостанские, причем к последним относили те, которые лежали к востоку от Сулеймановых гор. Этой традиции придерживался, например, Абдул Карим Бухари, впрочем не всегда последовательно¹, хотя в то время, когда он составлял свою хронику, это деление бытовало в сознании жителей Афганистана².

Общее число вилайетов, из которых состояла держава Дуррани, не было постоянным; во времена Ахмад-шаха

¹ Например, Абдул Карим Бухари относит Кабул к Хорасану, а лежащий к северу от него Чарикар — к Индостану; к Индостану он относит также Логар, лежащий между Кабулом и Газни, хотя Газни включен в состав Хорасана (см.: Абдул Карим Бухари *Афган ва Кабул*, стр. 4). Все земли Афганистана до пределов Индии в средние века включались в понятие Хорасан (см.: G. Le Strange, *The lands of the Eastern caliphate Mesopotamia, Persia and Central Asia from the moslem conquest to the time of Timur*, Cambridge, 1905, p. 382).

² G. T. Vigne, *A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan and of a residence at the court of Dost Mohomed*, London, 1840, p. 104.

их было 30 (не считая крупных махалов, не входивших в состав вилайетов и подчинявшихся непосредственно шаху Дуррани); при его преемниках число это сократилось примерно до 27 за счет потери некоторых окраинных территорий.

Все вилайеты можно разделить на три группы.

1. Области, находившиеся под непосредственным управлением шаха, который осуществлял его через назначаемых им хакимов; к этой группе вилайетов относятся преимущественно населенные неафганцами земли, захваченные Ахмад-шахом.

2. Вассальные княжества, управляемые собственными наследственными правителями, считавшимися «губернаторами» шаха в своих владениях; однако шах не мог их ни сместить, ни заменить, и они, будучи абсолютно самостоятельными в своих внутренних делах, были обязаны только уплатой дани (причем не всегда) и поставкой воинских контингентов в армию шаха.

3. Области племен, населенные главным образом афганцами; подчинение их центральной власти было в значительной мереnominalным, так как эти племена почти полностью сохранили внутреннюю самостоятельность и управлялись собственными ханами.

К вилайетам первой группы относились: Кандагар, Герат, Фарах, Газни, Кабул, Бамиан и Горбенд, Джелалабад, Пешавар, Дера-Гази-хан, Дера-Исмаил-хан, Шикарпур, Кашмир, Мультан, Балх и Акча, а также потерянные к концу правления Ахмад-шаха Лахор и Сирхинд. Сюда же надо отнести некоторые крупные махалы, подчинявшиеся непосредственно центру, — Атток, Музофарафабад, Сиби, Индийскую Хазару, Калат-и Гильзай, Чарикар.

Во вторую группу входили вассальные княжества, формально считавшиеся вилайетами державы Дуррани: Хорасан (Мешхед, Тун и Тебес и др.), Сеистан, Белуджистан, Синд, Бахавалпур и некоторые мелкие владения.

К третьей группе причислялись: территории гильзаев, сафиев, земли племен Дамана, Бангшат, области, населенные аймаками и хазарейцами, и более мелкие районы.

Крупные вилайеты делились на махалы — округа (как сказано выше, существовали также отдельные крупные

махалы, не входившие в состав вилайетов). Низшей административно-территориальной единицей, были налоговые округа — «парганы» (как их называли в восточных вилайетах империи), или «туманы», состоявшие из нескольких сел и деревень³. В западной части афганских владений эти низшие административные единицы назывались также «булюк». Земли племен (в том случае, если они не составляли отдельных вилайетов, а как особые административно-территориальные единицы были включены в состав вилайетов, находившихся под управлением хакимов шаха) носили название «таппа» или «илака»⁴.

Правители вилайетов первой группы и крупнейших махалов назначались лично шахом. Они именовались обычно «хакимами», т. е. губернаторами, или «наиб-аль-хукуме» — наместниками, а в индийских провинциях державы Дуррани, как и при Моголах, — «субадарами»⁵.

Тимур-шах, который был поставлен Ахмад-шахом в 1757 г. наместником над целой группой провинций, собственно над всеми владениями Дуррани в Индии, получил титул «низама»⁶.

При назначении на должность хаким получал специальный фирман шаха. Особо оговаривалась сумма (или часть доходов провинции), которую хаким должен был

³ См. Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 40; *Hakikat...*, р. 10, 15, 23.

⁴ См., например: Irwin, *Memoir on the climate, soil, produce, and husbandry of Afghanistan and neighbouring countries* [«Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. VIII—IX, (Calcutta), 1839, 1840], p. 760, 761.

⁵ Утверждение Азиэуддин Попользая («Тимур-шах Дуррани», стр. 160), что звание «субадар» давалось в эпоху Тимур-шаха командующему войсками вилайета, неверно. Субадаром называли самого правителя провинции (см., например: «Hakikat...», р. 16, 18—20; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 17; G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia by the Caspian-Sea*, vol. II, London, 1798, р. 10).

⁶ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 3—4; по Фаиз Мухаммеду («Сирадж ат-таварих», т. I, стр. 19), под управлением Тимур-шаха находились Лахор, Мультан, Татта, Кашмир, Джамму; Махмуд аль-Хусейни [Oskar Mann, *Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Sah Durrani (1747—1773)* («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 52, Leipzig, 1898), S. 349], к этому перечню провинций, отданных под управление Тимур-шаха, прибавляет еще Сирхинд и Дераджат.

отсыпать в центральную казну. Хакиму выдавалось роскошное платье, иногда почетное оружие, литавры, часто ему даже присваивался особый почетный титул. Все это перечислялось в шахском фирмане. Например, Мухаммед Амин-хану, сыну Муин-аль-Мулька, когда он по смерти отца был назначен правителем — субадаром Лахора, был дарован отцовский титул «Муин-аль-Мульк» — «помощник царства»; Амар Сингху, поставленному правителем Сирхинда, пожаловали титул «раджа-и раджаган» — «раджа раджей» и наградили его почетным платьем, знаменем и литаврами.

Хаким — правитель провинции — обычно имел 1—2 помощников — «наибов», или «пешкаров». Иногда хаким был одновременно командующим войсками вилайета, но обычно эта должность вручалась особому военачальнику, назначенному центром. Хакимами провинций в эпоху шахов Дуррани были, как правило, знатнейшие ханы афганских племен. Во времена Ахмад-шаха Шикарпуром, например, правил Дост Мухаммед-хан Какар, Сирхиндом — Абдулла-хан Мухаммездай и Зеин-хан Моманд. При Тимур-шахе правителем Кашмира был Каримдад-хан Бамзай, Музаффарарабада — Фатх-хан Юсуфзай, Джелалабада — Мирдад-хан Исхакзай и т. д. При шахе Замане Музаффарарабадом управлял Музаффар-хан Юсуфзай, Дера-Исмаил-ханом — Мухаммед-хан Садозай. Исключений из этого правила было немного, можно назвать, например, Дервиш Али-хана Хазарейца, бывшего при Ахмад-шахе некоторое время хакимом Герата.

Правителями важнейших провинций часто назначались сыновья шаха. При Ахмад-шахе Лахором, а затем Гератом управлял Тимур-шах, Кабулом — Парвиз, а Кандагаром — Сулейман⁷. В эпоху Тимур-шаха Гератом правил его сын Махмуд⁸, Кандагаром — Хумаюн, Кабулом — Заман (в отсутствие отца), Пешаваром — Аббас, Газни — Шуджа⁹.

⁷ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 4, 6; Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 70.

⁸ С воцарением Тимур-шаха несколько лет наместником Герата до шах-заде Махмуда был Ислам-хан Попользай (Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 11).

⁹ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 71.

Шах-заде — сыновья шаха — пользовались в пределах вверенной им управлению территории теми же правами, что и сам шах, за исключением «хутба» и «сикке». Они имели свой двор, своего вазира и командующего войсками провинции. Обычно эти должности занимали знатные афганские ханы; например, при Кайсаре (сыне шаха Замана) в Герате вазиром был сначала некий Заман-хан Попользай, а затем Мир Афзаль-хан, сын могущественного «сардар-и сардара» Мадад-хана¹⁰. Как правило, двор наместника Герата состоял из младших братьев и сыновей дурранийских и кизылбашских вельмож, служивших при дворе шаха.

Связь провинций со столицей в основном заключалась в предоставлении годовой отчетности «высочайшему дивану» и в отсылке определенной суммы денег из доходов провинции в казну шаха. Кроме получения причитавшейся части налогов и поставки воинских контингентов, центральное правительство обычно ничем больше не интересовалось.

На местах зачастую царили произвол и насилия¹¹, так как местные правители больше всего заботились о собственной выгоде. Прежде чем получить назначение в «прибыльную» провинцию, каждый хаким должен был заплатить в казну значительную сумму денег. Так, Ала Сингх, который был назначен хакимом Сирхинда по ходатайству вазира Шах Вали-хана, уплатил в шахскую казну 400 тыс. рупий; после этого ему был выдан фирман на управление Сирхиндом¹². Естественно, что, прибыв в вилайет, хаким прежде всего стремился возместить свои затраты, обирая население.

На низшей ступени сельской администрации в завоеванных Ахмад-шахом областях Индии стоял деревенский староста — «патель», который вершил всеми делами об-

¹⁰ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 117; I. R. Ferrie, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 114.

¹¹ Дж. Форстер, посетивший в 1783 г. Кашмир, писал о наместнике этой провинции, что «если его дань регулярно отправляется в дворец, он имеет возможность безнаказанно совершать любые акты насилия» (G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 23).

¹² Syad Muhammad Latif, *History of the Panjab from the remotest antiquity to the present time*, London, 1891, p. 284.

щины с помощью «панчаята», состоявшего из наиболее зажиточных крестьян.

Деревенский староста отвечал за обработку земли и за своевременный сбор причитавшейся государству ренты-налога. Кроме того, он вместе с панчаятом решал мелкие тяжбы и споры своих односельчан, собирая с них в случае необходимости деньги на общинные нужды и, наконец, распределял среди крестьян общинные доходы. Должность деревенского старосты, которого выбирали из самой богатой и влиятельной семьи, во многих районах стала в эту эпоху уже наследственной. Афганская администрация, стремясь опереться на зажиточную верхушку деревенской общины, использовала ее, в частности, во время сбора налогов. Выступая в качестве агента государственной власти, патель пользовался этим обстоятельством для личного обогащения, перекладывая основную тяжесть феодальных поборов на плечи беднейшей части общинников.

Поскольку назначение на должность правителя зависело всецело от воли шаха, то ни один хаким не знал, как долго он останется на своем посту; шах же, чтобы правители провинций не укрепились на месте, обычно менял их очень часто (в Джелалабаде, например, за семь лет правления шаха Замана сменилось пять хакимов)¹³. Частая смена правителей, которые, прибыв в вилайет, думали прежде всего о собственном обогащении, самым пагубным образом оказывалась на положении населения.

Жестоким деспотом был хаким Кашмира — Хаджи Каримдад-хан, убивавший по своей прихоти людей и грабивший их собственность; его преемник — Азад-хан, по выражению кашмирских хронистов, «убивал людей, как птиц»¹⁴, жители провинции дали ему прозвище «Зулум-

¹³ G. H. Mac Gregor, *A geographical notice of the valley of Jullalabad* («Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. XIII, pt. II, 1844, p. 878). — М. Эльфинстон писал о Дера-Гази-хане, что этот вилайет «очень страдает от частой смены губернаторов» (M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Cabul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India, comprising a view of the Afghan nation and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815, p. 502).

¹⁴ D. J. F. Newall, *A sketch of the Mahomedan history of Cashmere* («Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. XXIII, 1854, p. 449).

хан»¹⁵. Боясь восстания или возмущения коренных жителей Кашмира, Азад-хан запретил им ношение оружия в пределах города.

Провинциальные учреждения в общем копировали центральные. В каждом вилайете отдельными отраслями управления ведали крупные чиновники, которые хотя и подчинялись хакиму, но назначались центром. Мелких чиновников назначал сам хаким.

Наиболее важными провинциальными чиновниками, стоявшими во главе основных отраслей управления, были следующие: «диван», или «мустауфи», — начальник финансового ведомства, являвшийся также помощником правителя по вопросам гражданского управления¹⁶;

«амир-лашкар» (или «фаудждар») — командующий регулярными войсками, находящимися в вилайете. Амир-лашкар был военной опорой власти хакима. Если хакимом вилайета был сардар-дуррани, то он часто являлся также амир-лашкаром. Иногда командующий войсками провинции именовался «сипах-саларом», но такие случаи были исключением;

«мамур-и халисе-джат» — управляющий землями «халисе»;

«мудир-и гумрук» — начальник таможен, расположенных на территории вилайета.

Помимо этого, в большинстве провинций имелись начальники крепостей («каладары»), начальники полиции («миршабы», или «мирбезены»), чиновники, наблюдавшие за оросительной системой («мирабы»), и другие. В каждой провинции был также «кази», ведавший гражданским судом.

В центральном аппарате управления, а в провинциях лежащих к западу от Инда, и на местах основную массу мелкого и среднего чиновничества составляли таджики «кизылбashi»; из последних немалое число служило также при дворах наместников провинций.

В мелких населенных пунктах западной части империи Дуррани, входивших в состав вилайетов и бывших

¹⁵ «Зулум» — тиран, угнетатель, деспот (см.: G. Foster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 7, 23, 27).

¹⁶ «Hakikat...» p. 17; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 7, стр. 17;

под властью хакима, там, где население было таджикским, жителями управляли выборные кедхуда, которых в должности утверждал хаким вилайета. Кедхуда собирали налоги с жителей своей деревни, а также созывал их по требованию властей для выполнения общественных работ или несения военной службы. Обычно он выбирался из одной и той же семьи¹⁷.

За свою службу высшие гражданские чиновники награждались джагиром, кроме того, один-два раза в год им выдавали из казны некоторую сумму денег. Жалование мелким чиновникам выплачивали деньгами и натурой. Деревенских старост, выполнявших низшие административные функции, за их помощь при сборе налогов и т. д. награждали небольшим участком земли («инам»). Жалование гражданских чиновников, даже занимавших высокие посты, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, было невелико, и в значительной мере они содержали себя «подарками» и взятками¹⁸.

В провинциях первой группы, административно включавших в себя районы, населенные племенами, функции блюстителей общественного порядка и сборщиков налогов на территории этих районов исполняли ханы племен, которым подчинялись стоявшие ниже их главы соответствующих подразделений племени. Если племена, жившие на территории провинции, были сильны, то хаким по всем вопросам управления обращался только к хану; если же племена были слабыми, то приказы правителя провинции посыпались прямо главам подразделений племени.

Сказанное относится не только к афганским племенам, но и к части хазарейцев, находившихся под властью хакимов Бамиана и Кандагара, а также аймаков, подчинявшихся наместнику Герата.

Вожди аймаков собирали налоги со своего племени, содержали за свой счет вооруженные дружины, творили суд над своими соплеменниками, с правом жизни и смерти; хотя они правили от имени шаха, их никто не кон-

¹⁷ M. Elphinstone, *An account...*, p. 312.

¹⁸ Как отмечал М. Эльфинстон, в Пешаваре миршаб вымогал взятки у содержателей винных лавок и игорных домов (M. Elphinstone, *An account...*, p. 528).

тролировал в вопросах управления собственным племенем¹⁹.

С хазарейцев налоги также собирались местными хазарейскими ханами, ревниво оберегавшими это свое право от всякого вмешательства со стороны хакимов и их чиновников²⁰.

В областях Индии, завоеванных Ахмад-шахом, остались в неприкосновенности прежние формы правления и прежнее чиновничество, опыт и знания которого афганские шахи постарались использовать в своих интересах. Феодальная верхушка завоеванных афганцами провинций Индии, капитулировав, пошла на службу к завоевателям. Поэтому не только мелкие и средние чиновники, но даже правители целых вилайетов часто оставались на своих местах. Иногда для контроля над ними и одновременно для поддержки их авторитета и власти в столицах вилайетов расквартировывались афганские воинские отряды. Афганские шахи стремились использовать религиозную, кастовую и племенную вражду населения северо-западной Индии, привлечь на свою сторону индийских купцов и ростовщиков, а иногда опереться даже на отдельных феодалов-индусов. Так, «диванами» при хакимах вилайетов часто назначали индусов (Секеджиун в Кашмире, Кабули-Мал в Пенджабе); иногда индусским феодалам и сикхским сардарам вручалось даже управление целыми провинциями (Ала Сингх и Амар Сингх в Сирхинде, Ранлжит Сингх в Лахоре).

На завоеванные провинции северо-западной Индии афганские феодалы смотрели прежде всего как на объект эксплуатации. Эксцессы в Сирхинде, разграбление Дели и т. д. показывают, что Ахмад-шах не стремился создать себе массовой опоры среди населения, а думал прежде всего о захвате максимальной добычи, необходимой ему для содержания регулярной армии (прежде всего гвар-

¹⁹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 480—482.

²⁰ Henry C. Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes dated 19th April 1841 [«Central Asia. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology resources and history of Afghanistan compiled (for political and military reference) by lieutenant-colonel C. M. Mac Gregor, assistant quarter-master-general»], pt. II, Calcutta, 18711, p. 827.*

²¹ Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 136.

дии), которая была единственной надежной опорой власти шаха Дуррани в Индостане.

Коренным жителям, как и иностранцам, был запрещен въезд и выезд из одного вилайета в другой или за пределы государства. Путешественники и купцы обязаны были иметь специальные подорожные, в которых записывался их маршрут, число слуг, вьючных животных и т. д.; эти подорожные выдавались в канцелярии хакимов или назимов махалов и менялись по достижении отмеченного в них пункта²².

Правители вилайетов второй группы — ханы и эмиры вассальных княжеств, при восшествии на престол получали шахский фирманс, которым они «утверждались» в звании правителя этого княжества. Обычно после смерти правителя ему наследовал один из его сыновей, лично приезжавший ко двору шаха, где ему выдавались шахская грамота, халат и золотая узда, иногда сабля и щит (все это перечислялось в фирманс) ²³, т. е. часть снаряжения и вооружения конного воина, что говорило о вассальной зависимости получившего эти дары и символизировало его обязанность быть готовым явиться по первому требованию снарядившего его на бой сузерена. К концу интересующей нас эпохи в связи с ослаблением власти шахов Дуррани вассальные князья уже не ездили в столицу за инвеститурой, а фирманс шаха вместе с почетным платьем и прочим доставлялся к ним кем-либо из придворных их сузерена²⁴. В своих внутренних делах вассальные князья были абсолютно самостоятельны; но они были обязаны выставлять воинские отряды в армию шаха и в некоторых случаях платить ему обусловленную особым договором дань. Для обеспечения верности вассальных ханов и эмиров у них брали в заложники близких родственников, чаще всего одного из сыновей.

²² G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 34, 37; M. Elphinstone, *An account...*, p. 507; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 305; Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 153.

²³ См. рассказ Н. В. Ханыкова о Кейани — правителях Сенгистана — в кн.: К. Риттер, *Иран*, СПб., 1874, стр. 357—358.

²⁴ В ноябре 1808 г. наваб Бахавал-хан заявил спутникам Эльфинстона, что никогда в жизни не видел шаха Шуджу. Напомним, что к этому времени Шуджа уже несколько лет сидел на троне Кабула (M. Elphinstone, *An account...*, p. 18).

В знак верности вассальные правители время от времени присыпали шаху богатые дары—«назар» или «назр». Так, Насир-хан, беглербек Белуджистана, ежегодно посыпал Ахмад-шаху верблюдов, лошадей и рабов²⁵. В 1220 г. хиджры (1805 г.) по случаю восшествия на престол шаха Шуджи Клыч Али-хан, правитель Хульма, прислал ему в дар верблюдов, лошадей в полном уборе, сколов и другие подношения, среди которых были также русские, китайские и туркестанские ткани и шкурки сорблей²⁶.

Подчинение вассальных княжеств (Хорасана, Белуджистана, Синда, Бахавалпур и др.) власти афганских шахов не отразилось на присущих им особенностях внутреннего административного устройства, организации государственного аппарата, органов управления и военной системе. Поэтому мы не будем останавливаться здесь на административном устройстве и внутреннем управлении вассальных княжеств.

Взаимоотношения между шахом и вассальными князьями регулировались специальными договорами. Эти договоры регламентировали формы и характер обязательств правителей вассальных ханств и эмирятов по отношению к их сузерену. Типичным в этом отношении является договор, заключенный в 1758 г. между Ахмад-шахом и Насир-ханом Белуджем.

По этому договору шах Дуррани и его преемники провозглашались сузеренами Белуджистана; юридически это выражалось в том, что в хутбе — официальном богослужении — упоминалось имя Ахмад-шаха и его же именем «украшались» монеты. Насир-хан должен был как вассал шаха поставлять в его армию 6 тыс. всадников (в том случае, если шах вел войны за пределами Афганистана). После того как этот контингент прибывал в лагерь шаха Насир-хану выдавалось военное снаряжение на этих воинов и выплачивалась половина той суммы денег, которая полагалась им как жалованье. Содержание воинов прибытия их в лагерь шаха производилось за счет самого Насир-хана. Специально оговаривалось, что в случае

²⁵ R. Leech, *Brief history of Kelat, brought down to the deposition and death of Mehrab Khan, Brahoee* («Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. XII, 1843), p. 491.

²⁶ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 69.

ждоусобных войн, которые могли вспыхнуть в Афганистане, Насир-хан и его преемники не были обязаны оказывать помощь шаху²⁷. Беглербек Белуджистана на основании этого договора был также освобожден от выплаты какой-либо дани.

Договор 1758 г. был скреплен брачным союзом. Насир-хан получил почетное платье и за ним был оставлен титул «беглербек», который он имел еще во времена Надир-шаха Афшара. В виде особой милости и как награда за его военные заслуги ему была дана привилегия носить на головном уборе два султана из перьев, украшенных алмазами, и пожалованы почетные литавры.

Пока был жив Ахмад-шах, Насир-хан строго выполнял все условия этого договора: в 1761—1762 и в 1764—1765 гг. он участвовал в походах Ахмад-шаха в Индостан, а в 1768—1769 г. — в Хорасанском походе. За доблесть, проявленную во время экспедиции в Хорасан, ему была дана в джагир богатая земледельческая долина Шол (Кветта), а за участие в индийских кампаниях — Харан и Даджел (около Дера-Гази-хана). За это Насир-хан со своей стороны обязался, помимо шеститысячного кавалерийского отряда, регулярно отправлять в армию шаха для службы в Кашмире тысячу пеших воинов²⁸.

Насир-хан, как сказано выше, ежегодно посыпал своему сузерену Ахмад-шаху богатые дары, состоящие из лошадей, верблюдов и рабов. Покровительствовавший Насир-хану при дворе шаха вазир Шах Вали-хан Бамизай также регулярно получал от него богатые подношения²⁹. Однако после смерти Ахмад-шаха влияние афган-

²⁷ Фаиз Мухаммед. *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 57; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 85; Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan and Sind*; accompanied by a geographical and historical account of those countries, London, 1816, p. 282—283.— В 1810 г. шах Махмуд потребовал, чтобы Махмуд-хан (сын Насир-хана) оказал ему помощь войсками против его соперника Шуджи. Махмуд-хан ответил, что он готов участвовать в изгнании внешних врагов из владений шаха или в заграничном походе, но во внутренние распри в Афганистане вмешиваться не будет и войск шаху Махмуду не даст, так как это специально оговорено договором Насир-хана с Ахмад-шахом.

²⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 496.

²⁹ R. Leech, *Brief history of Kelat...*, p. 490—491. Charles Masson, *Narrative of various journeys in Baloochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838*,

ских шахов в Белуджистане ослабло; Насир-хан, например, ни разу не являлся лично ко двору Тимур-шаха, и его особу в Кабуле при дворе шаха Дуррани постоянно представлял некий Султан Мухаммед Мурад-хан. Позднее при преемниках Тимур-шаха (хотя сын Насир-хана — Махмуд соблюдал условия договора, заключенного его отцом с Ахмад-шахом) фактические отношения между шахами Дуррани и беглербеком Белуджистана были скорее отношениями «неравного союзничества», чем подданства и вассалитета.

Эмиры Хорасана, вассалы афганских шахов, также были обязаны поставлять воинские контингенты, но делали это неохотно³⁰. Помимо этого, хорасанские эмиры должны были выплачивать небольшую дань: эмир Тебеса, например, ежегодно присыпал шаху продовольствия и разных товаров на 1 лакх³¹ рупий.

На тех же принципах строились взаимоотношения центра с правителями Сеистана, Бахавалпуря и Синда. Даже во внутренние распри и междоусобную борьбу за власть, которая временами вспыхивала в вассальных княжествах, шахи Дуррани обычно вмешивались лишь в тех случаях, когда возникала опасность для их сузеренитета над вассальными провинциями. Так было, например, во время восстаний в Хорасане против Шахруха или во время борьбы Кальхоров с Тальпурями в Синде.

К началу XIX в., в связи с ослаблением центральной власти, правители мелких владений, расположенных в горных районах восточной части Афганистана, также превратились в полунезависимых вассалов шаха. Кроме выплаты дани, которая часто носила символический характер, и поставки небольших воинских контингентов,

vol. I, London, 1842, p. 328—330; M. Elphinstone, *An account of the fall of the Mughal empire*, second edition, revised and corrected, vol. II, Calcutta, 1950, p. 362.

³⁰ Архив внешней политики России, ф. «Афганские дела», 1763—1766 гг., д. 1, л. 40 (далее — АВПР). — «Ахмед-шах прислал к нему Али-Мердан-хану» (правителю Тебеса) требуя присылки войск «но он от дачи его отозвался множеством около себя неприятелей туркмен и курдов»...

Ахмад-шах «присыпал из Кандагара к Шахруху Шаху курьеры о собрании около Мешеди войска, но он от того отказал по бывшему тогда згмешанику» (столкновению с курдами. — Ю. Г.).

³¹ 1 лакх = 100 тыс.

ничто не связывало их с центром, и все вопросы внутренней жизни своих владений они решали сами. О таджикских бекствах Кухистана (Ниджроу, Пяндшир, Горбенд) М. Эльфинстон писал, что «они почти независимы»; войска и налоги афганские шахи «получали от них с трудом»³².

Вилайетами третьей группы были области, населенные племенами. Хотя в каждую из этих областей шах назначал хакима (обычно кого-нибудь из сардаров-дуррани, причем, как правило, из одних и тех же ханских родов), но хаким этот в своем вилайете никогда не жил. «Управление» сводилось к тому, что раз в год он сам или его помощник, обычно с воинским отрядом, отправлялся в «свой вилайет» для сбора налога. Все остальное время этими провинциями управляли ханы проживавших там племен, лишь в экстраординарных случаях контролировавшиеся правителем вилайета.

В Хазараджате хакимом вилайета обычно становился влиятельный хазарейский сардар³³. Под властью этого сардара находились носившие титул «султанов» ханы хазарейских племен, проживавших на территории вилайета. Власть этих ханов над соплеменниками была абсолютной. Некоторые хазарейские ханы, как сказано выше, подчинялись хакимам Бамиана и Кандагара.

В областях, населенных афганскими племенами, вся полнота власти на местах находилась в руках ханов племен, которые, по выражению М. Губара, «были как бы барьером, отделявшим население от правительства»³⁴.

Родо-племенная организация афганцев представляла собой своеобразную, но совершенно определенную хозяйственную и административно-политическую систему, в рамках которой замыкалась деятельность основных масс афганского народа. Раздел земли и воды, разверстка и взимание налогов и различных единовременных сборов,

³² M. Elphinstone, *An account...*, p. 313—315. Сравни: Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских», кн. 1, 1861), стр. 10.

³³ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 97; Ша-Задэ Мухаммед Мустафа, *История Афганистана, рассказанная потомком шахов афганских* («Литературная газета», 1843, № 50), стр. 884.

³⁴ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 134—135.

вербовка и набор в армию и т. д. производились по племенам. Каждое из афганских племен занимало свою строго определенную территорию с пастищами, пашнями и укрепленными замками — «кала», служившими резиденцией главам племенных подразделений — ханам и маликам³⁵.

Своеобразной чертой развития афганского племенного общества является то, что классовые противоречия у афганцев во второй половине XVIII в. развивались главным образом «вне общины». Для афганской племенной верхушки возможности использовать военную силу общих представляли столь большой интерес, что она стремилась не к разрушению общины, а в известной мере к ее сохранению и консервации. Лишь к началу XIX в., когда были уже в значительной мере исчерпаны возможности развития и роста феодальной эксплуатации «вне общины», ханы начинают борьбу с общиной для ее подчинения.

Львиная доля военной добычи, достававшаяся ханам племен во время успешных завоевательных войн, увеличивала их власть и могущество и обостряла имущественное и социальное неравенство внутри общины. Росту этого неравенства способствовало и то обстоятельство, что среди рядовых общинников захваченная добыча делилась в соответствии с характером и качеством вооружения, т. е. лучше вооруженный, а значит и более богатый получал большую долю³⁶. Вместе с землей захватывались и водные источники, без которых невозможно сельское хозяйство, порабощалось оседлое (таджикское и индийское) население. Возникавшие при этом производственные отношения были совершенно иными, чем внутри племени: предста-

³⁵ До нас дошли многочисленные описания этих «кала». Например, замок Касим-хана в Дире (сардар юсуфзяев Пянджкора в эпоху Тимур-шаха) занимал площадь, превышающую 160 тыс. кв. ярдов (1 ярд=91 см), имел 6 стионы и башни; замок являлся резиденцией хана и его приближенных (H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical, ethnographical, and historical. Extracted from the writings of little known Afghan and Tajik historians, geographers, and genealogist*, London, 1880, p. 166—167). См. также: Charles Masson, *Narrative..*, p. 180—189). Такие кала обычно устраивались в местах соединения водных артерий или у начала каналов, что давало владельцу замка возможность держать в руках целую земледельческую округу.

³⁶ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 377.

вители верхушки племени становились феодалами-землевладельцами, а оседлое население покоренных районов обращалось в зависимых крестьян, платящих земельную ренту. Орудием господства ханов племен над этим зависимым населением являлись их дружины³⁷, насчитывавшие иногда несколько тысяч человек³⁸. Постепенно у афганцев, говоря словами Энгельса, «весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей...»³⁹. При этом власть хана узурпируется и сосредоточивается в «хан-хеле» племени.

Превращение ханов племен в крупных землевладельцев-феодалов вело к усилению классового неравенства внутри племен. Хотя в эпоху Дуррани это неравенство не зашло еще так далеко, чтобы хан начал прямо облагать налогом своих соплеменников, но «оно сильно укрепляло его власть»⁴⁰. Таким образом, власть хана приобретала двойственный характер: если в отношении своих соплеменников он часто не обладал иной властью, кроме власти морального порядка, то в отношении зависимых «хамсая» он выступал уже как неограниченный феодальный владыка, причем эксплуатация этих хамсая велась им как в интересах всего племени в целом, так и в своих собственных. Вместе с тем по мере обезземеливания части членов племени последние фактически также переходили на положение хамсая. Таким образом, афганские племена в ту эпоху являлись социально неоднородными.

Укреплению власти ханов племен способствовало несколько обстоятельств: их авторитет освещали и поддерживали традиции родо-племенного строя — это была власть родового вождя; они сосредоточивали в своих

³⁷ Воннов этих дружин обычно называли «яр» или «нукар», а у хаттаков — «мулазим» (там же, стр. 324).

³⁸ Дружина Фатх-хана, одного из юсуфзайских сардаров, насчитывала 1500 пеших и 200 конных воинов; дружина Панида-хана Торкланри — 2 тыс. пехотинцев и 500 конников. Газан-хан Мализай (хан Дир) в начале XIX в. держал при себе 2500 воинов. Подробнее о дружинах племенных ханов смотри ниже.

³⁹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, 1953, стр. 170.

⁴⁰ M. Elphinstone, *An account...*, p. 163.

руках военную власть, так как имели собственную дружину и, как правило, командовали племенными ополчениями; у многих племен ханы обладали также судебной властью⁴¹ (хотя в этих вопросах все еще очень велика была роль джирги). Кроме того, при полукочевом характере хозяйства большинства афганцев власть хана усиливалась тем, что он был организатором и руководителем перекочевок. И, наконец, укреплению власти и влияния племенных ханов в сильнейшей степени способствовало то, что они были вассалами шаха и представителями центрального правительства на территории своего племени, в результате чего происходило включение феодальной верхушки племени в административный аппарат державы Дуррани.

Известно, что пожалование вождей афганских племен землей и титулами и предоставление им административных функций имело место еще до образования самостоятельного афганского государства, в Сефевидскую эпоху и даже несколько ранее⁴². Но только после возникновения империи Дуррани, в которой афганские ханы стали господствующей прослойкой феодального класса, они получили полную возможность использовать всю мощь государственного аппарата молодой афганской державы для закабаления свободных рядовых членов племени⁴³. Отметим еще раз, что во второй половине XVIII в. процесс закабаления рядовых общинников еще только начался и эксплуатация ханами и маликами своих соплеменников носила не «прямой», а «косвенный» характер. Как главы племени или его подразделений ни один хан или малик своих соплеменников налогом не облагал, но различные сборы и налоги с хамсая, которые раньше шли всему племени, ханы начинали присваивать себе⁴⁴, они взимали с

⁴¹ У хаттаков судебная власть хана носила название «саркар» эдалет» (Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 325).

⁴² См.: Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 62, 63. — О пожаловании ханов восточноафганских племен землей и титулами во времена Великих Моголов см.: Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 321—323, 373.

⁴³ М. Эльфинстон писал, что «племена, находящиеся под властью короля, более послушны хану, хотя имеются и отдельные редкие исключения» (M. Elphinstone, *An account...*, p. 163, 359).

⁴⁴ «Я не знаю случая, чтобы хан облагал племя налогом в свою пользу», — говорит М. Эльфинстон (M. Elphinstone, *An*

хамсая также часть военной добычи (у юсуфзаев до одной четвертой), захваченной последними во время совместных походов. Точно так же ханы и малики постепенно обращали в свою пользу те сборы с членов племени, которые раньше шли на общественные нужды (например, на содержание дома для гостей — «михман-хана» и прочее). Кроме того, ханы взимали в свою пользу пошлину с купцов, проходивших через подвластную им территорию⁴⁵. По мере роста и развития феодальных отношений ханы племен все больше и больше из родовых вождей превращались в территориальных владык, чему в огромной степени способствовала практика отдачи на откуп ханам права взимания налогов с племени. У многих племен (банну, марватов, отчасти у юсуфзаев) ханы при этом получали в свою пользу до половины собранных налогов; на них же возлагалась ответственность за безопасность горных проходов и дорог, за вывод населения подвластных им территорий на бегар. Помимо того, ханам поручали набор воинов в армию шаха. Таким образом, в их руках сосредоточивалась и гражданская и военная власть. За выполнение этих функций ханам давали джагиры, и они становились вассалами шаха, обязанными ему несением службы. У наиболее развитых в социальном отношении племен с превращением хана в территориального владыку вместо делений по кланам и родам начинают постепенно возникать деления по территориальному признаку. У хаттаков, например, образовывались таким

account..., p. 165, 355); см. также: H. W. Bellew, A general report on the Yusufzais, in six chapters with a map, Lahore, 1864, p. 206). — Исключением в этом отношении были хаттаки, у которых еще во второй половине XVI в. возникло собственное феодальное княжество. Хан хаттаков собирал со своих соплеменников налог — «муамала» (от одной десятой до одной четвертой части урожая, помимо сбора в 2—3 рупии с каждого участка земли и 15 рупий с каждого колесца). В горных районах взамен этого налога взимался подымный сбор с каждого дома — «боха». Кроме того, хаттаки платили своему хану налог «тирни» — за выпас скота и определенный сбор за право разработки соляных приисков, находившихся в их стране, так как торговля солью была монополизирована ханом (см. Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 321—322).

⁴⁵ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 321; Н. Г. Равerty, *Notes on Afghanistan...*, p. 193—194. Подробнее об этом см.: И. М. Рейнер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 221—225.

образом чисто территориальные единицы, куда входили части разных хелей.

Хан племени назначался лично шахом, обычно по рекомендации хакима вилайета, на территории которого проживало это племя. Так, уже в 1747 г. Ахмад-шах утвердил Мухаммед Хашим-хана Африди главой всего племени африди в Пешаварском округе. Во главе хаттаков им были поставлены Хушхаль-хан и Саадатманд-хан Хаттак⁴⁶. Такие же назначения имели место и у других племен, признавших власть шаха. Ханами могли быть лишь члены хан-хеля данного племени, и смещались они только шахом. Хану племени выдавался шахский фирман и присваивался титул «султана» или «саркарда», а иногда «малика»⁴⁷. Назначению ханов племен, поскольку обладание этой должностью давало значительные материальные выгоды, сопутствовали интриги и борьба претендентов, подкуп ими вазиров и придворных шаха, которые старались воздействовать на главу государства в пользу своих протеже⁴⁸. Обычно все же хану наследовал его сын; так, например, главами какаров Зхоба последовательно были потомки Бекар-хана, получившего этот пост при Ахмад-шахе⁴⁹.

У некоторых племен шахом назначался не только хан племени, но и ханы входящих в него кланов. Так было, например, у дуррани. Вожди клана назначались из лиц принадлежавших к хан-хелю клана. Тимур-шах главой баракзаев сделал Паинда-хана, сына Хаджи Джемаль-хана⁵⁰; после того как Паинда-хан был казнен шахом Заманом, ханом клана баракзаев стал Фатх-хан; таким образом, во главе этого клана все время оставались представители одной и той же ханской семьи. Даже после того, как Фатх-хан был ослеплен по приказу шаха Махмуда,

⁴⁶ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 324.

⁴⁷ См. фирманы шахов Замгна и Шуджи в журнале «Кабул (کابل)», 1317 г. хиджры, № 13 (87); также: Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, 1949, p. 118.

⁴⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 159.

⁴⁹ «Baluchistan», Calcutta, 1908, p. 102.

⁵⁰ Вначале главой баракзаев был брат Паинда-хана Рахимда-хан, но Тимур-шах сместил его за жестокость по жалобе, принесенной некоторыми сардарами из Баракзаев (С. К. Риштия, *Афганистан*, стр. 3).

пост главы баракзаев — «мир-и баракзаиха» предложили занять не кому иному, как брату Фатх-хана Пурдиль-хану.

Подразделения клана управлялись ханами или маликами, которые или избирались членами племени, входившими в данное подразделение, из его старших семей с последующим утверждением ханом племени, или прямо назначались последним⁵¹.

Таким образом, хотя внутренняя жизнь племени все еще в значительной степени регламентировалась положениями обычного (родового) права афганцев, ханы племен все больше и больше забирали в свои руки действительную власть, маскируя ее пережитками уходившего в прошлое родового строя. С ослаблением власти шахов Дуррани крупнейшие из этих ханов племен превращались в фактически самостоятельных владетелей. Одним из них в конце правления Тимур-шаха был Мансур Али-хан, правитель Баджаура, населенного афганцами племени тор-кланри. Правитель этот, носивший титул «баз», во всех вопросах внутреннего управления был полностью независим — собирая в свою пользу налоги и пошлины, что давало ему до 1 лакха рупий в год, творил суд и расправу. Он обязан был лишь выставлять по требованию шаха воинский отряд, численность которого не была точно определена⁵². Известно, что шаху Шудже правитель Баджаура посыпал 500 воинов⁵³. К началу XIX в. этот племенной вождь превратился в фактически независимого князька, который был неограниченным владыкой над несколькими десятками тысяч подданных. Такими же независимыми князьками стали хан Дира и сеид Кунара.

* * *

Рассмотрение административного устройства и организации управления вилайетами, входившими в состав империи Дуррани, свидетельствует о том, что «лоскутный» характер этого государства проявлялся не только в сфере экономической, политической и культурной, но и в сфере административной. Ни Ахмад-шахом, ни его преемниками

⁵¹ См.: M. Elphinstone, *An account...*, p. 403.

⁵² H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 115.

⁵³ M. Elphinstone, *An account...*, p. 352.

не было создано централизованной, унифицированной системы управления вилайетами, которая действовала бы одинаково эффективно во всех частях их огромного государства. Не только в вассальных княжествах, правители которых были абсолютно независимы в вопросах внутреннего управления, но и в вилайетах первой группы (т.е. тех, куда шахом назначались хаким и важнейшие чиновники) контроль и влияние центральной власти были весьма слабы. Что же касается вилайетов и отдельных махалов, населенных афганскими племенами, то даже в тех из них, которые были больше других подчинены центральному правительству, реальная власть находилась в руках племенных ханов.

Отсутствие эффективного и единственного административного объединения завоеванных Ахмад-шахом территорий безусловно было одной из причин распада в начале XIX в. державы шахов Дуррани.

Г л а в а V

НАЛОГИ И НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА. ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ГОСУДАРСТВА

Основные поступления в казну шахов Дуррани шли по линии так называемых «налогов дивана» — «малиат-и дивани», которые состояли из различных прямых и косвенных налогов и сборов, взимавшихся преимущественно в натуральной форме. Денежные налоги вносились в казну наличных денег, а натуральные — на государственные склады.

Самым важным был земельный налог¹.

Анализ земельных отношений в Афганистане в эпоху шахов Дуррани не является нашей темой. Поэтому ограничимся кратким перечислением основных категорий зе-

¹ О том, что именно земельный налог был самым важным из налогов дивана, мы можем судить, между прочим, по данным Муркрофта, относящимся к 1824 г. (т. е. ко времени, непосредственно примыкающему к интересующей нас эпохе). По этим данным, с южной половины Джелалабадского вилайета собиралось в год 221 тыс. рупий налогов. Из них налог с города Джелалабада, центра вилайета, составлял всего 3 тыс. рупий, т. е. менее 2% всех налоговых поступлений (см.: W. Moorcroft—G. Trebeck, *Travels in the Himalayan provinces of Hindostan, and the Panjab... from 1819 to 1825*, vol. II, London, 1841, p. 357—358). — Даже принимая во внимание упадок торговли и, следовательно, снижение таможенных поступлений в ту эпоху, можно сделать вывод, что именно земельный налог давал основную массу поступлений в государственную казну (см. также: M. Flphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghoun nation and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815, p. 524).

мельных владений, существовавших в империи во второй половине XVIII в.:

государственные земли, находившиеся в полном распоряжении шаха, состояли из земель шахского домена — «халисе» и земель «дивана». Увеличение фонда государственных земель в первые годы существования империи Дуррани было связано с успешными завоеваниями Ахмад-шаха; к концу XVIII в. значительная часть этих земель была раздана в джагир знатным афганским ханам и приближенным шахов Дуррани;

«вакфы» — земли различных религиозных учреждений, пожертвованные им шахом или частными лицами²;

частновладельческие земли — «мильк», обладание которыми не было связано с несением обязательной гражданской или военной службы. Владельцы распоряжались ими по своему усмотрению (т. е. могли передавать их по наследству, продавать, дарить и т. д.). Феодал — собственник земель мильк уплачивал в государственную казну налог. С крестьян, сидевших на его земле, он получал ренту, виды и формы которой были различны в разных вилайетах;

земли сельских общин;

земли племен.

Этот перечень основных категорий земельных владений ни в коей мере не является исчерпывающим. В различных вилайетах империи Дуррани существовало множество (часто присущих только данному вилайету) форм землевладения и землепользования. Необходимо, однако, отметить, что, несмотря на все эти местные, областные отличия, юридически верховным владыкой и распорядителем всех земель являлся шах. Отсюда проистекало его право на взимание налогов с населения, которое пользовалось этими землями.

² Эта категория земель выросла к концу интересующей эпохи. Часто вакфы давались на содержание мечетей и могил различных «святых». Так, материю мирзы Камрана в 1221 г. хиджры (1806 г.) был дарован участок земли на содержание гробницы Шер-Сурх. Н. В. Ханыков во время своего путешествия в западную Афганистане видел возле зиарета Пира Мухаммеда Каравули мраморный столб с надписью, гласившей, что по фирмам Ахмад-шаха и Тимур-шаха близлежащая деревня Наристан пожалована в вакф этому зиарету (К. Риттер, *Иран*, СПб., 1874, стр. 306, см. также: M. Elphinstone, *An account...*, p. 218, 540).

Таким образом, экономической основой державы Дуррани была собственность феодального государства на землю, проявлявшаяся в том, что государство взимало ренту-налог со всех территорий, находившихся под его суверенитетом. Это не исключало, конечно, того, что существовало как частное, так и общинное владение и пользование землей. Изымавшийся у непосредственных производителей прибавочный продукт распределялся среди представителей класса феодалов³. Следует сказать, что налоги в государственную казну собирались все же не со всех земель, находившихся под верховным сюзеренитетом шаха; помимо многих племен, освобожденных от налогов за несение военной службы, не платили налогов и джагирдари, обладавшие полным налоговым иммунитетом. Не взимался налог также со многих земель, пожалованных в вакф различным религиозным учреждениям.

Величина земельного налога варьировалась в зависимости от местных условий и обычно составляла от одной десятой до одной трети урожая; налог собирался преимущественно в натуральной форме; при этом зерно, необходимое для будущего посева, как правило, вычиталось из урожая до уплаты налогов.

Основным видом земельного налога, который собирался как с земель дивана и халисе, так и с земель, не принадлежавших государству (т. е. частновладельческих — мильк, сельских общин и отчасти земель племен), был «салесат», или налог «одной трети». Ввиду важности налога за сбор его отвечал особый чиновник, называвшийся «мамур-и салесат». Налогом этим облагались только орошающие земли. С суходольных земель взимался «харадж», обычно равный одной десятой части урожая⁴.

³ Класс феодалов империи Дуррани состоял из следующих шести основных групп: знать афганских племен; высшее мусульманское духовенство; верхушка центрального и провинциального гражданского правительенного аппарата; неафганская военно-служилая верхушка армии; местные феодальные фамилии, сохранившиеся в ряде завоеванных Ахмад-шахом областей; мелкие феодалы, выделившиеся из общины в процессе ее разложения.

⁴ См., например: Henry C. Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes dated 19th April 1841* [«Central Asia. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources and history of Afghanistan compiled (for political and military reference) by lieutenant colonel C. M. Mac Gregor, assistant quarter-master — general», pt. II, Calcutta, 1871], p. 825.

Такой же величины налог собирался с земель «ноу-абад», если киризы и каналы для их орошения были проведены частными лицами или деревенскими общинами (но не государством).

Указанные ставки налогов были нормой, но в различных вилайетах обширной империи Дуррани и даже в разных махалах одного вилайета в зависимости от природных и других условий они часто значительно отклонялись от этой нормы. Так, если земли орошались проведенными из реки каналами только в весенние месяцы, то ставка налога с одной трети урожая понижалась до одной пятой. В конце правления Тимур-хана в Лагмане с орошаемых земель взимали от четверти до половины урожая, а в районе Пешавара — от четверти до одной трети (причем в денежной форме); округ Каман этого вилайета, населенный 10—12 тыс. семей таджиков, платил в год 60 тыс. рупий налогов, т. е. 5—6 рупий с семьи. При шахе Шудже в Баджауре с орошаемых земель брали от одной трети до половины урожая, а в районе Кабула — даже две трети урожая, т. е. намного выше «законной» нормы⁵. Суходольные земли облагались, как правило, натурой, ставка налога в одну десятую урожая иногда повышалась до одной пятой.

Налог натурой с земель, находившихся в собственности сельских общин, взимался после того, как урожай был собран в общую кучу — «харман». Правительственный чиновник определял количество обмолоченного зерна и забирал причитавшуюся государству долю. В том случае, если налог собирался деньгами, единицей обложения был «джериб» — участок земли площадью около 1900 кв. м⁶; величина взыскиваемой суммы менялась в зависимости от плодородия земли.

⁵ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical, ethnographical, and historical. Extracted from the writings of little known Afghan and Tajik historians, geographers, and genealogists*, London, 1880, p. 101, 121; M. Elphinstone, *An account...*, p. 299.— При Баракзаях, в первой половине XIX в. налог с земель «халисе» (или «халисе-и хукумат») Кабула, Газни и Джелалабада давал в год 159 179 рупий (С. К. Риштия, *Афганистан*, стр. 150).

⁶ B. Markowsky, *Die materiale Kultur des Kabulgebietes*, Leipzig, 1932, S. 152.

Налогом облагалась и вода; иногда он взимался в денежной форме с собственника каждого канала и определялся по средней урожайности земель⁷. Если канал принадлежал государству, то денежный налог взимался с каждого участка земли, получавшего из него воду.

Владельцы садов и виноградников платили денежный налог, величина которого определялась обычно по площади сада и виноградника; иногда облагалось каждое фруктовое дерево или каждая виноградная лоза в отдельности.

Помимо земельного налога, население было обязано вносить в государственную казну следующие основные сборы и подати:

подымный сбор («ханадуди»): известно, что в Кандагарском вилайете он был равен 2 рупиям с дома;

налог со скота («саргала»)⁸, который взимался деньгами или натурой с поголовья; иногда сверх этого уплачивался особый сбор за пользование пастбищами — «чоппули»⁹;

налог с мельниц, обычно натурой (половина харвара зерна в год);

«союрсат» — единовременные поборы натурой на содержание армии¹⁰;

налог зерном («мираби») на содержание мирабачиновника, ведавшего оросительной системой;

сбор на содержание старосты — кедхуда;

сбор на содержание кази.

Два последних сбора взимались с каждой семьи, проживающей на территории, находившейся в ведении этих лиц.

⁷ Henry C. Rawlinson, *Report...*, p. 825.

⁸ Как сообщает Г. Роулинсон, налог саргала во времена Ахмад-шаха в Кандагарском вилайете взимался только с переселенцев, поселявшихся на землях этого вилайета, и был равен в год 1 шахи (мелкая монета) с овцы, 4 шахи с коровы, 5 шахи с кобылы и 6 шахи с верблюда (Henry C. Rawlinson, *Report...*, p. 827).

⁹ У восточных афганцев, например у хаттаков, этот налог назывался «тирни» (Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 321).

¹⁰ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 520. Поборы эти взимались не только зерном и фуражом, но и изделиями ремесла (см., например: «Calendar of Persian correspondence. Being letters which passed between some of the Company's servants and Indian rulers and notables», vol. VII, Calcutta — Delhi, 1953, p. 365—366, № 894).

Кроме того, жители были обязаны по требованию властей являться для выполнения трудовой повинности («бегар») на строительство и ремонт дворцов и крепостей, дорог и мостов, расчистку и проведение каналов и т. д. На жителях лежала также гужевая повинность — «асп-и чапар» — обязанность поставлять лошадей и снабжать транспортными средствами «чапаров» — курьеров и чиновников шаха¹¹.

Бегар и асп-и чапар были особенно обременительны для крестьян и ремесленников, находившихся, как указывает М. Губар, «под постоянным давлением бесплатных повинностей, налагавшихся на них правителями, духовенством и ханами»; скотоводы-кочевники, поскольку «они не имели постоянного места жительства», страдали от этих повинностей значительно меньше¹².

Все немусульмане платили особый подушный налог — «джизия» (буквально — «выкуп за жизнь»)¹³.

Помимо перечисленных налогов, сборов и повинностей, существовала еще целая система поборов, называемых «абваб», число и размер которых определялись не шариатом и не указами шахов, а существовавшими на местах обычаями. Большой частью это были различные натуральные повинности и сборы, выплачиваемые крестьянами местным феодалам и чиновникам.

С ремесленников в городах налог собирался деньгами и натурой. Величина его варьировалась в зависимости от вида и качества произведенной ими продукции и в Кашмире, например, доходила до 20% ее стоимости¹⁴.

Р. Данибеков писал, что в Кашмире ремесленники «не смеют продать даже ни одного платка» без печати хакима, который собирал с них ежедневно 3 тыс. рупий¹⁵.

¹¹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 509.

¹² Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 102.

¹³ Г. Кин определяет джизия «как подушный налог, взимаемый по мусульманскому праву со всех неверных» (Henry George Keene, *The Turks in India*, London, 1879, p. 184). Подробнее об этом см.: В. Гиргас, *Права христиан на Востоке*: СПб., 1865, стр. 26—31.

¹⁴ M. Elphinstone, *An account...*, p. 509.

¹⁵ Рафаил Данибеков, *Путешествие в Индию грузинского дипломата Рафаила Данибекова*, М. 1815, стр. 41—42.

С горожан-купцами и ремесленниками взимался также целый ряд особых сборов в пользу миршаба и мухтасиба¹⁶. В Кабуле, Пешаваре, Кандагаре, Герате и некоторых других крупных городах на них лежала, помимо этого, особая, чрезвычайно обременявшая их повинность обслуживать «орду-базар» во время переездов шаха и его двора из одного города в другой; повинность эта обычно продолжалась около месяца в году. Хотя труд ремесленников при этом оплачивался, но не полностью и не регулярно, не говоря о том, что значительная часть оплаты «прилипала» к рукам придворных и «кедхуда» (глав ремесленных корпораций)¹⁷. Купцы от этой повинности страдали значительно меньше.

Разработка рудников, принадлежавших государству, а также добыча соли обычно отдавалась на откуп сроком на один год¹⁸ купцам и ремесленникам, которые платили в государственную казну налог — «хюмс», равный одной пятой их дохода.

Значительный доход давали государственной казне таможенные пошлины и дорожные сборы («гумрук» и «рахдари»). Обычный размер пошлины был равен 2,5% стоимости товара, однако хакимы вилайетов иногда произвольно повышали ее до 5% и выше¹⁹. Иногда при взи-

¹⁶ Дж. Форстер рассказывает, что в Кашмире начальник полиции отбирал большую часть заработка у танцовщиц, которые были обязаны отчитываться в каждом заработанном гроше (G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea*, vol. II, London, 1798, p. 28).

¹⁷ Мы не останавливаемся здесь на целом ряде сборов и повинностей, выплачивавшихся ремесленниками наряду с «хамсая» и «факирами», племенам и феодальной верхушке последних, в том случае если они жили на землях племен. Беллью пишет: «На практике было много насилиственных взиманий, производимых под любыми предлогами вождями, которые имели смелость и силу делать это» (H. W. Bellew, *A general report on the Yusufzais, in six chapters with a map*, Lahore, 1864, p. 206).

¹⁸ В 1799 г. шах Заман отдал на откуп за 52 тыс. рупий сроком на один год добычу соли в районе Лахора (см.: H. R. Gupta, *History of the Sikhs*, vol. III, Lahore, 1944, p. 171).

¹⁹ Как пишет Вайн, в Мультане пошлина с купцами во времена афганских шахов была равна 5% стоимости товара (G. T. Vigne, *A personal narrative of a visit to Ghurzi, Kabul and Afghanistan and of a residence at the court of Dost Mohammed*, London, 1840, p. 32).

мании пошлины исходили не из стоимости товаров, а из числа выючных животных независимо от рода поклажи.

Таможенные сборы были весьма обременительны для купцов, поскольку они взыскивались не только на месте продажи товаров, но и в пути при их перевозке, причем неоднократно. Дж. Форстер отмечал, что между Джаммом и Кашмиром таможни стояли на дороге через каждые 10—12 миль. Сборщики, которым таможни были отданы на откуп, вымогали с купцов и проезжавших максимум того, что могли взять²⁰.

Кроме того, с купцов и путешественников взимались различные мелкие поборы; например, всякий, въезжавший в Кабул, был обязан уплатить «чираги» (от «чираг» — лампа, светильник) на освещение таможни. Сбор до 1 рупии с человека взимался при переправе через реки²¹. Существовали и другие мелкие поборы.

Поступления в казну от таможенных сборов и рахдари были весьма значительны. В Кашмире с одних только тибетских товаров сборы составляли около 100 тыс. рупий в год²². В Кабуле в конце XVIII в. налог с купцов давал шаху от 6 до 7 лакхов рупий в год²³.

Сбор налогов обычно отдавался на откуп, чему отчасти способствовала отдаленность провинций от центра государства. Зачастую верховным откупщиком налогов вилайета являлся его правитель — хаким. Так, из фирмана Тимур-шаха от мухаррама 1202 года хиджры (октябрь 1787 г.), текст которого приведен у Азизуддина Попользая, видно, что куллерагаси Сарфараз-хан Баракзай был одновременно и хакимом и откупщиком налогов («мустаджир-и малиат») области племени гильзаев²⁴.

В свою очередь хаким (уже от себя) отдавал на откуп налоги подчиненных ему махалов. Откупщик, ответственный за сбор налогов в махале, мог любую часть своего района отдать на откуп другим лицам, оставаясь лично ответственным перед правителем вилайета за выплату всего налога, следуемого с этого махала. С откупщиком

²⁰ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. I, p. 301—302.

²¹ Ibid., p. 300.

²² Рафаил Данибегов, *Путешествие в Индию...* стр. 46.

²³ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 65.

²⁴ Азизуддин Попользай, Тимур-шах Дуррани, стр. 174.

заключался контракт, по которому определялись границы и размер передаваемого ему на откуп района, величина следуемого с него налога и срок выплаты²⁵.

Установленная для каждого района («тумана» или «парганы») сумма налога распределялась между входившими в этот район деревнями. Налог определялся для деревни в целом, а между отдельными дворами (если была необходимость) его распределял староста деревни, который в некоторых случаях собирал его и передавал откупщику (или назначенным им лицам), а иногда правительенному чиновнику. Круговая порука, связывавшая крестьян, обеспечивала регулярное поступление налога. Получив с крестьян налог, обычно натурой, откупщики затем с выгодой для себя продавали собранные продукты²⁶.

Из налоговых сумм, поступавших «назиму» махала, покрывались расходы подвластного ему района. Часть этих сумм отсыпалась хакиму вилайета. Хакимом ежегодно предоставлялся в «высочайший диван» отчет о собранных налогах и произведенных расходах (на управление вилайетом, содержание находящихся в нем войск и т. д.).

Вместе с отчетом в столицу посыпались следуемые с вилайета суммы, которые поступали в государственную казну. Отчет хакима после проверки в «высочайшем диване» представлялся на утверждение шаха. Если оказывалось, что в вилайете имелся неизрасходованный остаток собранных по налогам средств, «высочайшим дива-

²⁵ Поскольку даже в такой сравнительно экономически развитой провинции, как Синд, в конце XVIII в. преобладало взимание налогов натурой, можно предполагать, что в других частях государства Дуррани (кроме Кашмира) налоги также взимались главным образом натурой (см. S. P. Chabiani, *Economic conditions in Sind, 1592 to 1843*, Bombay, 1951, p. 184).

²⁶ Сдача налогов на откуп гибельно сказывалась на положении крестьян и ремесленников, подрывала экономическое благосостояние страны, а вместе с тем и экономический базис власти шахов Дуррани. Так как откупщики налогов обычно выступали и в качестве ростовщиков, не играя никакой позитивной роли в производстве, то здесь вполне применимы слова К. Маркса о ростовщичестве, которое присасывается к производству «как паразит и приводит его в жалкое состояние... не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции» (К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 610—611).

ном» выдавался берат тем или иным лицам (на сумму, равную этому остатку), по которому казначейство вилайета выплачивало эти деньги²⁷.

При сборе налогов, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, царил произвол. Чиновники и откупщики старались вымогать у подвластного им населения максимум возможного. Предписанные шариатом нормы взимания налогов на практике соблюдались очень редко. Все это порождало тяжелую эксплуатацию крестьян, ремесленников и низших слоев купечества. Налоговые суммы обычно произвольно определялись правителем вилайета или «назимом» махала. Часто хакими и чиновники финансового ведомства по своему усмотрению вводили добавочные налоги²⁸. Известно, что, став шахом, Шуджа отменил несколько таких налогов, взимавшихся при его предшественнике шахе Махмуде в Кабульском вилайете на сумму свыше 200 тыс. рупий в год. Сборщики налогов—«сазавалы» являлись в деревни во главе вооруженных отрядов и брали максимум того, что можно было взять; единственным сдерживающим и ограничивающим обстоятельством был отпор, который оказывало им население.

В Пенджабе во времена Ахмад-шаха «годовые налоги скорее грабились, чем собирались»²⁹. До наших дней здесь популярен куплет: «Что мы уже съели и выпили — наше, все остальное — Ахмад-шаха»³⁰. О народе Кашмира Хрисанф писал: «чернь же (здесь) вообще в самом бедном состоянии»³¹. В таком же тяжелом положении находилось коренное неафганское население западных вилайетов: таджики и аймаки были счастливы, если сборщик налогов брал только вдвое по сравнению с тем, что

²⁷ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 134—135, 162.

²⁸ Там же, стр. 161—163.

²⁹ «Gazetteer of the Punjab, 1888—1889» (Calcutta), p. 80.

³⁰ Syad Muhammad Latif, *History of the Panjab...*, p. 301.—Е. Юнг приводит поговорку, записанную им в дистрикте Монтгомери: «Что ты ешь и пьешь, можешь назвать своим, все остальное же принадлежит Ахмад-шаху» [Е. Юнг, *Пенджаб* («Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 46, СПб., 1891), стр. 127].

³¹ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских», кн. 1, 1861), стр. 13.

он должен был взять по закону³². Произвол, царивший во времена шахов Дуррани при взимании налогов с населения, отмечают и современные афганские историки³³. Этим злоупотреблениям способствовали как слабость центральной власти, так и отсутствие твердо фиксированной оплаты государственных чиновников, в частности ведавших сбором налогов, и точных ежегодных финансовых смет по государственным доходам и расходам.

Большие злоупотребления происходили и при расчетах с центральным казначейством, от ответственности за которые виновные чиновники и правители вилайетов избавлялись благодаря своим связям при дворе. Например, наваб Джабар-хан, во времена шаха Махмуда являвшийся хакимом Дера-Исмаил-хана, был уличен в хищении 3 лакхов рупий; ему грозило ослепление, но благодаря протекции брата наваба — могущественного сардара Мухаммед Азим-хана — шах простил его. Как пишет Вайн, сыграл роль также великолепный алый шатер, подаренный Джабар-ханом шаху. Проворовавшийся наваб вскоре даже получил «повышение», став хакимом Кабула³⁴.

В роли откупщиков налогов выступали и афганские ханы, но большей частью ими были индусские купцы и ростовщики.

Откупщики эти, как пишет М. Губар, получали огромные права и «распоряжались народом, как настоящие правители»³⁵. Особенную важную роль как откупщики налогов в империи Дуррани играли купцы и ростовщики из города Шикарпур. Известно, что они занимались также поставками для армии, скопкой и перепродажей захваченной в походах военной добычи и даже давали средства, шедшие на финансирование завоевательных походов Ахмад-шаха³⁶. Индусские купцы снабжали товарами, главным образом предметами роскоши, двор шаха и афганскую знать. Дурранийские сардари отдавали им на

³² J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 323.

³³ См., например: Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 161—163.

³⁴ G. T. Vigne, *A personal narrative...*, p. 146.

³⁵ Губар, *Афган-шах Баба-и Афган*, стр. 162; см. также: M. Elphinstone, *An account...*, p. 255, 318; Charles Masson, *Narrative of various journeys in Baloochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838*, vol. I, London, 1842, p. 354.

³⁶ Charles Masson, *Narrative...*, vol. I, p. 354.

хранение военную добычу и деньги, которые пускались затем в оборот. У этих же купцов афганские ханы получали в случае необходимости займы, выплачивая высокие проценты. Давались займы (впрочем, не всегда добровольно)³⁷ и афганскому правительству, и хакимам вилайетов, причем зачастую обеспечением этих займов служили налоги целых провинций. Занимаясь всеми этими финансовыми операциями, индусские купцы и ростовщики постепенно забрали в свои руки многие видные должности в финансовом ведомстве и налоговом аппарате государства как в центре, так и на местах. Дж. Форстер писал, что индусские купцы контролируют доходы Тимуршаха и пользуются в Афганистане «свободой и защитой афганского правительства»³⁸.

Принимая участие в феодальной эксплуатации крестьян, закабаляя ремесленников, участвуя в организации и финансировании завоевательных кампаний и т. д., представители индийского торгово-ростовщического капитала наживали огромные состояния. Хрисанф среди купцов-индусов Кабула знал таких, которые владели капиталом до 10 млн. рупий³⁹.

Кроме вышеперечисленных налогов и сборов, которые были главным источником доходов шахской казны, можно также указать некоторые другие, а именно: от продажи должностей; от штрафов и конфискаций⁴⁰; от выпуска монеты; от личных имений шаха; от денежных поступлений, выплачиваемых взамен поставки воинских контингентов, и, наконец, от различных государственных монополий. В Кашмире, например, такой государственной монополией была торговля водяными орехами, составлявшими «значительную часть пищи низших классов жителей».

³⁷ См., например: G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 36.

³⁸ Ibid., p. 73.

³⁹ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии...*, стр. 11.

⁴⁰ Конфискации обычно сопутствовали казни государственных преступников. Весной 1790 г. один из казн Тимур-шаха был уличен в секретной переписке с бухарским эмиром Шах Мурадом. Казн был приговорен к смертной казни, а его имущество конфисковано. Конфискации имущества производились особенно широко в правление шаха Замана, предавшего смерти многих непокорных ханов племен и сардаров.

Она давала в государственную казну свыше 1 лакха рупий. М. Эльфинстон писал, что государственные монополии в эпоху шахов Дуррани были весьма обременительны для населения подвластных им территорий⁴¹.

Важным источником доходов была дань, которую платили шахам Дуррани их вассалы в Индии, хотя эта дань играла меньшую роль, так как она вносила неполностью и крайне нерегулярно. Наиболее тяжелой данью был обложен Синд. Гулам Сарвар и Абдул Карим Бухари определяют ее равной 10, Потtinger — 13, а М. Эльфинстон — 15 лакхам рупий в год. Однако в начале XIX в. выплачивалось, по данным Потtingера, в среднем не больше 2 лакхов рупий в год. Скоплявшуюся «недоимку» (причем обычно не всю) правители Синда выплачивали лишь в случаях угрозы вторжения афганской армии: так, в 1788 г. они уплатили Тимур-шаху 60 лакхов рупий, а в 1794 г. шаху Заману — 24 лакха рупий. В 1805 г. 27 лакхов рупий удалось получить с них шаху Шудже⁴².

Наваб Бахавалпурा платил до 1,5 лакха рупий в год; примерно столько же посыпал шахам Дуррани хан Лейяха.

Государственная казна пополнялась также за счет огромной добычи, захватываемой во время завоевательных походов. В 1757 г. Ахмад-шах наложил на Дели контрибуцию в 1 крор рупий⁴³; когда афганская армия после

⁴¹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 503.

⁴² Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan and Sinde; accompanied by a geographical and historical account of those countries*, London, 1816, p. 399, 401; M. Elphinstone, *An account...*, p. 409; R. Leech, *Brief history of Kelat, brought down to the deposition and death of Mehrab Khan, Brahoee* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XII, 1843), p. 497; H. R. Gupta, *Studies in the later Mughal history of the Panjab (1707—1793)*, Lahore, 1944, p. 251.

⁴³ A. Dow, *The history of Hindustan*, vol. II, London, 1770, p. 364.— Самин рассказывает, что к делийским вельможам посыпалась насакчи Ахмад-шаха с приказом доставить к шаху этих вельмож со всем их богатством [см.: (Самин) «Ahmad Shah Abdali and the Indian warir Imad-ul-Mulk (1756—1757). Contributed by William Irvine» («Indian Antiquary», vol. 36, 1907), p. 47].— Махмуд аль-Хусейни пишет, что Ахмад-шах приказал взыскать с эмиров Дели 2 крора рупий (равных одному миллиону туман-и-тебризи), но, после того как в его казну было внесено 17 лакхов рупий, «великодушно прекратил взыскание оставшейся суммы» [Oskar Mann, *Quellenstudi-*

этого похода возвращалась из Индии, только личную добычу шаха везли на 28 тыс. верблюдов, буйволов и т. д. Артиллерийские орудия, отбитые у противника, были брошены, так как все животные, нужные для их перевозки, были навьючены награбленным добром⁴⁴. После битвы у Панипата Ахмад-шах получил с наваба Шуджа-ад-даула 90 лакхов рупий⁴⁵; шах Заман в 1797 г. взял с жителей Лахора 22 лакха и т. д. Захватывались также огромные стада домашних животных; например, после похода Тимур-шаха на Бахавалпур в Кабул было угнано из этого княжества «великое множество скота»⁴⁶.

Общий доход афганской казны в конце правления Ахмад-шаха достигал, по данным некоторых источников, 3 кроров, т. е. 30 млн. рупий в год⁴⁷.

Во времена Тимур-шаха доходы эти сильно уменьшились и в 80-х годах XVIII в. не превышали 1 крора рупий в год⁴⁸. По данным Гулам Сарвара, относящимся к 1793—1794 гг., в казну шаха Замана ежегодно поступало 67 лакхов рупий⁴⁹. Эльфинстон в 1809 г. определял сумму поступлений в казну шаха Шуджи равной в лучшем случае 90 лакхам рупий⁵⁰.

Основные доходы шахов Дуррани поступали из вилайетов Индии, завоеванных Ахмад-шахом. Налоги, собираемые с населенных неафганцами махалов Кабулистана, Кандагара и Герата, не говоря уже о налогах,

dien zur *Geschichte des Ahmed Sah Durrani (1747—1773)* («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 52, Leipzig, 1898), S. 349].

⁴⁴ Картину такого же грабежа, правда меньшего масштаба, наблюдались в хорасанских походах; после взятия Мешхеда в 1754 г. богатства, бывшие в этом городе, «у кого что ни было отобрал он Ахмед-шах на свое содержание» (АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1755 г., д. 7, л. 16).

⁴⁵ J. Heras, *Durrani influence in Northern India* («Islamic culture», vol. XI, 1937, № 4), p. 502.

⁴⁶ Irwin, *Memoir on the climate, soil, produce, and husbandry of Afghanistan and neighbouring countries* [«Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. VIII—IX, (Calcutta), 1839, 1840], p. 1010.

⁴⁷ A. Dow, *The history of Hindostan*, vol. II, p. 382.

⁴⁸ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 85.

⁴⁹ Донесение Гулам Сарвара, в кн.: H. R. Gupta, *Studies...* p. 268.

⁵⁰ M. Elphinstone, *An account...*, p. 524.

уплачиваемых племенами, играли меньшую роль. Если бы даже на этот счет у нас не было других свидетельств, это ясно видно из слов Ахмад-шаха о том, что запад дает ему воинов, а восток — деньги; что же касается узбекских ханств к югу от Аму-Дары, то о них Ахмад-шах говорил, что это улей, где много пчел и мало меда.

Самым богатым из индийских вилайетов был Кашмир, общая сумма налоговых поступлений с которого достигала 40 лакхов рупий в год. Из них правитель Кашмира посыпал шаху ежегодно до 22 лакхов рупий; часть налогов выплачивалась натурой — шалями⁵¹.

Во времена Ахмад-шаха велики были поступления из Пенджаба и Сирхинда. Общий доход Лахорской и Мультанской субы считался равным 50 лакхам в год; одни только четыре северо-западных махала Пенджаба давали ежегодно Ахмад-шаху не менее 14 лакхов рупий⁵². Но после того, как большую часть Пенджаба заняли сикхи, налоговые поступления отсюда резко сократились — Мультан давал в год всего два-три лакха рупий; около 50 тыс. рупий выплачивал в шахскую казну хаким Аттока⁵³.

Другие индийские махалы и вилайеты платили несколько больше: хаким Музгаффараабада посыпал шаху ежегодно 1 лакх рупий⁵⁴. От 3 до 4 лакхов рупий в год платил Шикарпур и около 1 лакха рупий — Суккур⁵⁵. Дера-

⁵¹ По Гулам Сарвару, общий доход Кашмира был равен 40,18 лакха рупий, из которых в казну шаха отсыпалось 22,5. М. Эльфинстон определяет общий доход Кашмира в 46,26 лакха рупий, наивысшее отчисление в казну шаха — 22 лакха. Дж. Форстер писал, что доходы Кашмира колебались в пределах от 20 до 30 лакхов рупий, из которых 7 отсыпалось шаху (см.: G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 29). — По данным Абдул Карима Бухари, Кашмир и Музгаффараабад вместе выплачивали в казну шаха 24 лакха рупий (Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 4).

⁵² J. Negas, *Durrani influence...*, p. 499; Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, second edition, revised and corrected, vol. I, Calcutta, 1949, p. 236.

⁵³ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 5; G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 46; Фаиз Мухаммед Сирадж ат-таварих, т. I, стр. 56; M. Elphinstone, *An account...*, p. 503.

⁵⁴ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 40.

⁵⁵ M. Elphinstone, *An account...*, p. 501; Charles Masson, *Narrative...*, vol. I, p. 357—359.

Гази-хан в среднем давал ежегодно около 7 лакхов, Дера-Исмаил-хан — 1,5—2 лакха рупий⁵⁶.

Таким образом, вилайеты Индии, даже после потери шахами Дуррани большей части Пенджаба и Сирхинда, выплачивали в казну преемников Ахмад-шаха около 40 лакхов рупий в год. Общая же сумма налогов, собираемых с них, превышала 70 лакхов рупий. При Ахмад-шахе все его индийские владения (включая потерянные позднее Пенджаб и Сирхинд) давали ежегодно свыше 1 крона рупий.

Из западных вилайетов империи Дуррани в казну шаха поступало гораздо меньше средств, чем из восточных. По данным Гулам Сарвара, правитель Пешавара из 11,91 лакха рупий, собираемых в этой провинции, отсыпал в казну всего 2,95 лакха⁵⁷. Джелалабад давал от 2 до 4 лакхов, Кабул — от 2,6 до 5. Газни — около 1, Горбенд — 0,4, Калат-и Гильзаи — 1, Чарикар и Пянджшир — 1, Кандагар — около 2, Фарах — 0,6. Герат (по свидетельству М. Эльфинстона) в казну не посыпал ничего⁵⁸; по Гулам Сарвару, из этого вилайета поступало в центральную казну 4 лакха. Бамиан и Хазараджат давали вместе 1 лакх рупий⁵⁹.

Таким образом, все западные вилайеты при общих доходах этих провинций в размере до 50 лакхов рупий отчисляли в казну шаха ежегодно не больше 17 лакхов рупий.

Несмотря на неполный и иногда противоречивый характер сведений, которые имеются в нашем распоряже-

⁵⁶ Данные о налогах, собираемых в вилайете Дера-Гази-хан в эпоху шахов Дуррани, имеют противоречивый характер. Различные источники указывают 16, 12, 11, 7 и 5 лакхов рупий в год. По нашему мнению, последние две цифры являются наиболее верными. Сказанное относится и к вилайету Дера-Исмаил-хан, налоговые поступления с которого различные источники определяют равными пяти, трем и двум лакхам рупий в год. Сообщение Абдул Карима Бухари («Афган ва Кабул», стр. 4), что Дера-Исмаил-хан давал в год 14 лакхов рупий, представляется нам сильно преувеличенным.

⁵⁷ По некоторым источникам, Пешавар выплачивал в казну шахов Дуррани 7 лакхов рупий; см., например: G. Forster. *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 50; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 57.

⁵⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 489.

⁵⁹ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 4. — Шефер в своем переводе (п. 7) почему-то пишет: «2 laks de rupies» (?) .

НИИ, о доходах отдельных вилайетов империи Дуррани, они все же неопровергимо доказывают, что именно с востока, из северо-западной Индии шли основные поступления в казну шахов Дуррани. Для наглядности представим эти данные в виде сводных таблиц, взяв за основу материалы, собранные Гулам Сарваром в 1793—1794 гг., как наиболее полные и достоверные (табл. 1).

Таблица 1

**Общий годовой доход и отчисления в казну шахов Дуррани
в восточных вилайетах империи***

Вилайеты	Общий доход, тыс. рупий	В казну шаха	
		тыс. рупий	%
Кашмир	4018	2250	56,1
Мультан	673	255	33,4
Дера-Исмаил-хан . .	299	120	40,0
Дера-Гази-хан . . .	1097	670	61,0
Шикарпур	593	391	65,9
Музafferабад	100	нет сведений	—
Атток	110	50	45,4
Индийская Хазара . .	230	нет сведений	—
Суккур	нет сведений	65	—
И т о г о	7120	3801	53,3

* Донесение Гулам Сарвара (см.: H. R. Gupta. *Studies...*, p. 272—275); G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 40, 46.

К этим 3801 тыс. рупий необходимо добавить также 1250 тыс. рупий, поступавших в виде дани от правителей Синда, Бахавалпуря и Лейяха, вассалов шахов Дуррани в Индии.

Таким образом, общая сумма поступлений из областей северо-западной Индии, находившихся под властью Дуррани, равнялась ежегодно 5051 тыс. рупий, не считая стоимости различных дорогих подношений, регулярно посыпавшихся шаху хакимами вилайетов и вассальными князьями, в том числе и теми, которые, как беглербек Белуджистана, были освобождены от выплаты обязательной ежегодной дани.

Западные вилайеты и районы племен отсылали в казну шахов гораздо меньше, как это видно из табл. 2.

Таблица 2

Общий годовой доход и отчисления в казну шахов Дуррани в западных вилайетах империи и районах племен*

Вилайеты	Общий доход, тыс. рупий	В казну шаха	
		тыс. рупий	%
Кабул	995	265	26,6
Пешавар	1191	295	24,7
Джелалабад	400	200	50,0
Горбенд	90	40	44,4
Бангашат	100	нет сведений	—
Газни	110	50	45,4
Калат-и Гильзай . .	нет сведений	102	—
Чарикар и Пянджшир	210	100	47,6
Кандагар	961	210	21,8
Фарах	нет сведений	65	—
Герат	1181	421	35,6
Бамиан и Хазараджат	100	нет сведений	—
Итого . . .	5338	1748	32,7

* Донесение Гулам Сарвара (см.: H. R. Gupta, *Studies...*, p. 274—278); Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 4.

Мы не включаем в эту таблицу Хорасан и Сеистая, общий доход которых был равен почти 40 лакхам, и Балх с доходом в 5 лакхов рупий. Несколько известно, эти провинции практически не давали в казну шахов ничего, если не считать традиционных ежегодных подарков, посыпляемых шаху Дуррани, и небольшой дани натурой; более того, правителью Балха и Акча давалась, как говорилось выше, ежегодная субсидия.

Данные, приведенные нами выше, свидетельствуют о том, что из общих ежегодных поступлений в казну шаха Дуррани (в начале 90-х годов XVIII в.) в размере 6799 тыс. рупий на долю западных вилайетов и районов племен приходилось всего 1748 тыс. рупий, или 25,8%.

Такое же соотношение между налоговыми поступлениями из западных и восточных вилайетов мы получим и в том случае, если за основу взять данные не Гулам Сарвара, а других источников. Так, по Абдул Кариму Бухари, восточные вилайеты (Кашмир, Шикарпур, Мультан, Дера-Гази-хан, Дера-Исмаил-хан, Атток, Синд, Хайрпур и др.) давали афганским шахам в год 8800 тыс. рупий, или 76,5% их доходов; из западных областей (Кабул, Джелалабад, Пешавар, Кандагар, Герат, Бамиан, Хазарджаат, Логар, Балх и Чарикар) поступало всего 2700 тыс. рупий, или 23,5%⁶⁰.

Эти таблицы показывают также, что из завоеванных провинций Индии в казну шаха отсылали свыше 53% собираемых в виде налогов сумм, тогда как из западных вилайетов и районов племен — всего 32%. Надо подчеркнуть, что последняя цифра является средней, так как в действительности районы, населенные афганскими племенами, в казну шахов давали значительно меньше, во-первых, «из-за неукротимости населения» (по выражению Дж. Форстера)⁶¹ и, во-вторых, вследствие того особого положения, которое афганские племена и афганская племенная знать занимали в государстве шахов Дуррани. М. Эльфинстон отмечал, что «таджики платят гораздо больше налогов, чем афганцы»⁶². Кристи, побывавший в 1810 г. в западном Афганистане, писал, что в районе Фараха афганцы не платили никаких земельных налогов, а взимаемые с них базарные сборы были ничтожны⁶³.

Как известно, став шахом, Ахмад-шах Дуррани снял с афганских племен многие налоги, установленные Надир-шахом. При этом в особо привилегированное положение было поставлено племя дуррани, к которому принадлежал сам шах. Оно было освобождено от поземельного налога, налога со скота, садов, виноградников, подымной по-

⁶⁰ Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 4—5.

⁶¹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 88.

⁶² M. Elphinstone, *An account...*, p. 312.

⁶³ «Abstract of captain Christie's journal» (Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan and Sind, accompanied by a geographical and historical account of those countries*, London, 1816), p. 411.— Даже в середине XIX в., как писал Беллью, афганцы были единственной частью населения, которая не платила почти никаких налогов (H. W. Bellew. *A general report...*, p. 181).

дати и, кроме незначительного сбора с мельниц и на содержание мирабов и кедхуда, не платило ничего. Сказанное в значительной мере относится и к другим афганским племенам: процесс закабаления свободного афганского общинника еще только начинался, и афганцы или не платили никаких налогов, или эти налоги были очень невелики.

В некоторых случаях отдельные афганские племена были обязаны выплачивать шахам Дуррани определенную дань, но, как правило, она имела чисто символический характер; например, восточные гадуны посыпали шаху ежегодно 1 лошадь, 1—2 соколов и маленькую сумму звонкой монетой⁶⁴. В конце XVIII в. афганцы Бакрхель, 6 тыс. семей которых населяли район Хоста, платили Тимур-шаху в год 3 тыс. рупий, т. е. по половине рупии с семьи⁶⁵. Сеид Кунара не посыпал шаху ничего, кроме ежегодного маленького «пешкаша» в знак своей верности⁶⁶. Племя даури платило шахам Дуррани 12 тыс. рупий в год⁶⁷. Столько же получал Ахмад-шах с банныней⁶⁸. Но даже в тех случаях, когда шахи собирали с племен в виде налога некоторые суммы денег, половину их удерживали в свою пользу ханы племен. Иногда же весь налог, собираемый с племени и всего того района, где это племя обитало, отдавался в джагир ханам племени за их службу в армии или при дворе шаха⁶⁹.

Основным государственным расходом был расход на армию. По подсчетам М. Губара, Ахмад-шах ежегодно тратил на свою армию 190 лакхов рупий⁷⁰. Эта цифра нам представляется завышенной. Во времена шаха Замана численность регулярных войск была немногим меньшей, чем в эпоху Ахмад-шаха, а по тем данным, которые у нас есть, расходы на эту армию были сравнительно невелики. На свою гвардию — «гулам-хана» шах Заман

⁶⁴ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 288.

⁶⁵ Ibid., p. 79.

⁶⁶ Ibid., p. 107.

⁶⁷ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 418.

⁶⁸ Там же, стр. 520.

⁶⁹ Племя мухаммедзаев в конце XVIII в. насчитывало около 20 тыс. семей; с района, где находились их поселения, в год взималось 3 лакха рупий; налог этот был отдан в джагир их хану — Гулам Мохиуддин-хану, приближенному Тимур-шаха.

⁷⁰ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 169—172.

тратил в год 11,9 лакха рупий, а на артиллерию—2,7 лакха. Даже если мы учтем все затраты, производившиеся по ведомству «мирахур-бashi» (на содержание конюшен, слоновников, верблюдов, мулов и т. д.) и достигавшие 3,9 лакха рупий, то получим всего-навсего 18,5 лакха рупий в год, т. е. сумму в 10 раз меньше той, которую называет М. Губар⁷¹. К этой сумме надо добавить часть доходов государства, разданную в джагир в виде платы командному составу армии. По данным Гулам Сарвара, она равнялась почти 42 лакхам рупий; даже если всю ее (как известно, джагиры давались не только за военную службу) приplusовать к военным расходам, то мы получим всего-навсего около 60,5 лакха рупий.

Думается, что действительные военные расходы шаха Замана были даже несколько меньше и вряд ли при его отце и деде на армию тратилось много больше.

Другой значительной статьей государственных расходов были расходы по управлению. Они достигали при шахе Замане около 50 лакхов рупий в год и в основном покрывались за счет доходов провинций. На содержание двора расходовалось 23,7 лакха, не считая поставок скотом, зерном и другими продуктами из провинций и дани натурой от вассалов шаха. Так, хан Туна и Тебеса ежегодно присыпал в казну шаха на 1 лакх рупий ковров, табака, шафрана и т. д. Из Балха и Акча каждый год посыпали 1700 лошадей и 22 тыс. овец; правитель Меймене посыпал в Кабул 200 лошадей и 15 тыс. овец, хан Кундуза—1 тыс. лошадей и 10 тыс. овец⁷². На так называемую «благотворительность» тратилось 2,85 лакха рупий (из которых большая часть перепадала мусульманскому духовенству); на строительство и ремонт государственных зданий — 2,1 лакха рупий. Некоторые суммы отчислялись в бюджеты Балха и Акча (около 1,8 лакха рупий в год). По утверждению М. Эльфинстона, определенные субсидии ежегодно посыпались при Ахмад-шахе и Тимур-шахе также в Герат⁷³.

⁷¹ При расчетах за основу взяты данные, приведенные Гулам Сарваром (см.: H. R. Gupta, *Studies...*, p. 268).

⁷² Донесение Гулам Сарвара (см.: H. R. Gupta, *Studies...*, p. 278—279).

⁷³ M. Elphinstone. *An account...*, p. 489.

Таким образом, в начале правления шаха Замана общая сумма государственных расходов достигала максимум 141 лакха рупий, но из них только 46,1 лакха рупий шли по линии столичного казначейства, остальные же расходы (составлявшие почти 67% бюджетных ассигнований) покрывались за счет доходов вилайетов.

Солидная часть средств, поступавших в казну шахов Дуррани, откладывалась на случай чрезвычайных обстоятельств⁷⁴ (в годы правления шаха Замана, по данным Гулам Сарвара, из 67 лакхов рупий в год—около 21). Общие расходы шаха Шуджи в спокойный год также не превышали 50 лакхов рупий (исключая оплаты джагирами и т. д.)⁷⁵. Таким образом, можно считать, что в последние годы существования империи Дуррани (по крайней мере в 1793—1809 гг.) расходы афганского столичного казначейства не превышали полкрона рупий в год, что наглядно видно из табл. 3.

* * *

Феодальные смуты, наступившие в Афганистане в последние годы существования династии шахов Дуррани, и сопровождавшие их бесконечные войны неблагоприятно сказались на благосостоянии страны. Поэтому, а также из-за отпадения многих провинций резко сократились поступления в центральную казну. С упадком торговли сбороны с купцов, взимавшиеся Кабульской таможней в конце XVIII в. в размере 6—7 лакхов рупий в год, снизились в начале XIX в. до 25 тыс. рупий в год, т. е. примерно в 25 раз!⁷⁶ Таможенные доходы Газни составляли в начале XIX в. ничтожную сумму в 7 тыс. рупий в год. Экономическую базу власти шахов Дуррани подрывало также расхищение афганскими феодалами государственного земельного фонда. К концу правления Ахмад-шаха 75% земель находились в Кандагарском вилайете уже находились в руках дурранийских ханов⁷⁷. По сведениям Гулам

⁷⁴ Ibid., p. 526.

⁷⁵ Как сказано выше, доходы этого шаха были равны почти 90 лакхам рупий в год.

⁷⁶ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 65; J. Burnes. *Narrative of a visit to the Court of Sinde and Hyderabad of the Indus*, Edinburgh—London, 1839, Appendix, p. 42.

⁷⁷ Henry C. Rawlinson, *Report...*, p. 828.

Таблица 3

Ежегодные расходы центрального казначейства империи Дуррани в конце XVIII в.*

Статьи расхода	Тыс. рупий	% от об- щей сум- мы расхо- дов
Военные расходы	1460	31,6
В том числе:		
отряды гвардейцев шаха „гу- лам-шахи“	1190	
артиллерия	270	
Ведомство „мирахур-бashi“ . . .	390	8,4
В том числе:		
конюшни шаха	150	
слоновники „фил-хана“	50	
мулы	80	
верблюды	110	
Другие дворцовые ведомства . . .	1170	25,3
В том числе:		
гарем	560	
кухня	220	
прочие	390	
Личные расходы шаха	1200	26,0
Строительство	210	4,5
Отчисления Балху и Акча . . .	185	4,2
Всего . . .	4615	100

* Донесение Гулам Сарвара (см.: H. R. Gupta, *Studies...*, p. 268).

Сарвара, джагирдарам в 1793—1794 гг. во всех вилайетах империи Дуррани были разданы земли, приносящие в год 42,39 лакха рупий дохода. В последующие годы за счет новых земельных пожалований их доходы резко возросли и в 1809 г., по словам Эльфинстона, превышали 1 крор рупий⁷⁸. Таким образом, за 16 лет их владения выросли в 2,5 раза.

Анализируя данные Гулам Сарвара, мы можем сделать вывод, что захват государственных земель джагир-

⁷⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 524.

дарами шел наиболее интенсивно в западных вилайетах империи Дуррани, т. е. там, где всего сильнее были власть и влияние ханов афганских племен, а в индийских вилайетах — там, где имела место значительная афганская колонизация.

Это видно из табл. 4:

Таблица 4

Доля государственных доходов, ежегодно поступавшая джагирдарам в различных вилайетах империи Дуррани в 1793—1794 гг.*

Вилайеты	Общий до-ход, тыс. рупий	В казну шаха	Джагирдарам	
			тыс. рупий	%
Кабул	995	265	255	26
Чарикар и Пянджшир . . .	210	100	65	34
Кандагар	961	210	420	43
Герат	1181	421	450	39,5
Мультан	673	255	323	48
Дера-Исмаил-хан	299	120	154	55
Кашмир	4018	2250	628	15,5
Дера-Гази-хан	1097	670	320	30
Шикарпур	593	391	145	24

* Донесение Гулам Сарвара (см.: H. R. Gupta, *Studies...*, p. 268—278).

Обращает на себя внимание тот факт, что в Кандагарском вилайете, где хозяйничали дурранийские сардари, ими уже в 1793 г. была захвачена почти половина всех налоговых поступлений (иными словами, почти половина всех облагаемых налогом земель), причем в казну шаха шло в 2 раза меньше средств, чем джагирдарам. Велики были владения джагирдаров также в Герате. В Кабульском вилайете, где власть шаха была сильнее, наоборот, доля джагирдаров была меньше, а процент поступлений в государственную казну — выше.

В индийских вилайетах наибольшие владения джагирдари имели в Мультане, т. е. в районе интенсивной афганской колонизации, а также в Дераджате (вилайеты

Дера-Исмаил-хан и Дера-Гази-хан), где, помимо афганских феодалов, значительные земельные пожалования получили знатные белуджские ханы.

Расхищение афганскими ханами государственных земель и земель шахского домена, усилившееся в начале XIX в., подрывало самые основы власти шахов Дурраний и безусловно ускорило падение этой династии.

Г л а в а VI

АРМИЯ И ВОЕННАЯ СИСТЕМА

В силу особенностей социально-экономического развития афганского общества в эпоху Дуррани держава, созданная Ахмад-шахом, была государством завоевательным.

Ханы афганских племен ввиду неразвитости феодальных отношений у афганцев даже после образования империи Дуррани не обладали еще достаточной экономической и военно-политической мощью, чтобы перейти к прямой и открытой эксплуатации и экспроприации рядовых членов племен. Они вынуждены были считаться с неизжитыми традициями родо-племенного строя. Чтобы ослабить и замаскировать растущие классовые противоречия и не допустить взрыва недовольства терявших былую самостоятельность рядовых общинников, они стремились вовлечь их в захватнические войны, сулящие богатую добычу. В проведении победоносных военных кампаний афганская феодальная знать видела средство, с одной стороны, для собственного быстрого обогащения, с другой — для ослабления растущих социальных противоречий в афганском обществе. Завоевания давали также афганским ханам возможность использовать в своих интересах военную силу племен.

Таким образом, завоевания шахов Дуррани, осуществлявшиеся в интересах ханов афганских племен, были прежде всего следствием становления и развития феодальных отношений в афганском обществе. Эти завоевания сопровождались захватом огромной добычи — золота, предметов роскоши, рабов — и угоном скота. Часть добычи перепадала и рядовым участникам походов. Поэтому в

военных кампаниях, особенно если они обещали быстрый и легкий успех, охотно участвовали тысячи свободных общинников. Тем более что в результате феодализации афганского общества все большее число рядовых членов племен (особенно в наиболее развитых в социально-экономическом отношении районах), лишаясь своих земельных наделов, стремилось найти новые источники существования.

Здесь необходимо отметить, что для афганских и не-афганских частей империи шахов Дуррани последствия этих завоеваний были различны. В афганских землях они ускорили складывание феодальных отношений, способствовали расширению и укреплению феодальной собственности на землю ханов афганских племен¹ и укреплению класса феодалов в целом. Переход от родо-племенных отношений к феодальным был несомненным прогрессом. Поэтому, несмотря на все противоречия, свойственные эпохе шахов Дуррани, она оставила глубокий след в истории афганского народа. Иными были последствия афганских завоеваний для соседних с Афганистаном государств, народы которых стояли на более высоком уровне социально-экономического развития, чем афганцы; эти завоевания принесли им только новый гнет и разорение.

¹ В западных вилайетах империи Дуррани завоевания Ахмад-шаха, сопровождавшиеся оседанием значительных масс афганцев на землю, имели своим следствием экспроприацию земель, принадлежавших таджикам, искони населявшим эти территории, причем последние превратились в арендаторов на различных условиях (M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Cabul, and its dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815, p. 311).

Захвату земель, принадлежавших коренным жителям, способствовала как раздача их в джатир, так и наделение ханов афганских племен административными функциями, в особенности назначение их сборщиками налогов. В кандагарском вилайете, например, ханы дуррани использовали предоставленную им власть и «путем систематических жестоких вымогательств» овладели большей половиной земель, принадлежавших таджикским крестьянам, вместе с садами и виноградниками [Henry C. Rawlinson, *Report on the Dooraunee tribes dated 19th April 1841* [«Central Asia. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology resources and history of Afghanistan compiled (for political and military reference) by lieutenant-colonel C. M. Mac Gregor, assistant quartermaster-general», pt. II, Calcutta, 1871], p. 828].

Афганские завоевания второй половины XVIII в. помешали объединению Ирана под властью династии Зендов, задержали консолидацию государства Мангытов в Средней Азии и сикхской державы в Пенджабе. В то же время долголетняя кровопролитная война афганцев с сикхами и разгром Ахмад-шахом маратхов — война всех «против всех», по выражению К. Маркса², ослабила народы Индии перед лицом надвигавшейся британской угрозы и в конечном счете облегчила завоевание Англией индийского полуконтинента³.

За первые пятьдесят лет существования империи Дуррани афганские шахи провели большое число завоевательных походов, из которых не менее восемнадцати были вторжениями в северную Индию⁴. Восточный Иран и южный Туркестан также неоднократно становились объектом афганских нашествий. В ходе этих войн была создана сильная армия и достаточно эффективная военная система. Европейцы, имевшие возможность сравнивать армию шахов Дуррани с войсками индийских и иранских правителей второй половины XVIII в., утверждали, что афганская армия превосходила их своими боевыми качествами⁵. Ее описание и характеристику мы попытаемся дать ниже.

Двойственность, присущая, как это показано выше, государственному строю и административной системе Афганистана в эпоху Дуррани, характерна и для армии,

² К. Маркс, *Будущие результаты британского владычества в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. 9, изд. 2), стр. 224.

³ Необходимо отметить, что некоторые современные афганские исследователи, оценивая результаты походов Ахмад-шаха в Индию, также пришли к выводу, что они облегчили англичанам завоевание этой страны (см., например: Abdul Hadi Kamal, *Das Agrarland Afghanistan und seine Zukunft*, Zürich, 1954, S. 17).

⁴ Общее число афганских походов в Индию даже превосходит эту цифру, так как, кроме тех военных кампаний, которые возглавлял сам шах, были менее значительные экспедиции, проводившиеся под руководством отдельных афганских полководцев. Так, в эпоху Тимур-шаха афганские армии неоднократно вторгались в Индию под командой военачальника этого шаха Мадад-хана.

⁵ См., например: G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea*, vol. II, London, 1798, p. 151.

созданной Ахмад-шахом. Армия эта не была единым, централизованным механизмом, а представляла сочетание регулярных воинских отрядов с дружинами ханов и ополчениями племен. Ядром регулярной армии «фаудж-и низам» являлся гвардейский кавалерийский корпус — «гулам-хана» или «гулам-шахи», первоначально состоявший из солдат, служивших в армии Надир-шаха Афшара и примкнувших к Ахмад-шаху. Приблизительно третья часть воинов этого корпуса состояла из кызылбашей, «каждый из которых был равен силой и доблестью Рустаму и Нариману»⁶. Позднее в гвардию были зачислены христиане, армяне и грузины, переселенные из Ирана, и арабы; Тимур-шах включил в свою гвардию таджиков и джунгаров-калмыков, приведенных им из Балха (куда последние бежали после завоевания Джунгарии цинским императором Цян-Луном). Были там также рабы-абиссинцы, купленные шахом или подаренные ему беглербеком Белуджистана. В начале XIX в. при шахе Шудже в шахской гвардии имелся отряд хазарейцев, насчитывающий 500 человек⁷.

И хотя при Тимур-шахе в гвардию было включено некоторое число афганцев-исхакзаев, к которым принадлежал его военачальник сардар-и сардара Мадад-хан,— основной силой там все же остались иранцы, таджики и представители других неафганских народов.

Оторванные от своей родины, эти гвардейцы-гуламы полностью зависели от шаха, которому они были обязаны сравнительно высоким и хорошо обеспеченным положением. Не связанные ни с афганскими племенами, ни с их ханами, они были послушным орудием в руках главы аф-

⁶ Salyid Ghulam Ali, *Nigar-nama-i Hind* (в кн.: H. M. Elliot — John Dowson, *The history of India as told by its own historians*, vol. VIII, London, 1877), p. 399.

⁷ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 86; M. Elphinstone, *An account...*, p. 322—323, 486, 559; J. P. Ferguson, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 98, 99; Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 471; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 56; Хрисант, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских», кн. I, 1861), стр. 11; [Габайдулла Амирэв] «Странствование Габайдулла Амирэва по Азии. Пребывание в Бухарии. Персии и Кабульском владении» («Азиатский вестник», СПб., 1825), стр. 149.

ганского государства, основной военной опорой его власти.

Корпус гулам-шахи составлял примерно одну треть регулярной армии. Часть гуламов, постоянно находившихся при особе шаха, называлась «рекаби» — «стремянные».

Существовал особый отряд регулярной армии, посаженный на верблюды; воины этого отряда помогали пехоте переправляться через реки⁸.

Гуламы носили расшитые золотом пояса и шапки, украшенные золотым галуном и кистями — «турра». Офицеры имели тюрбаны другого цвета, чем солдаты, с сultanами из перьев. Некоторым высшим военачальникам за проявленную ими доблесть разрешалось украшать султан алмазами⁹. В 1761 г. Ахмад-хан Бангаш получил такую награду за то, что отразил ночную атаку маратхского военачальника Ибрагим-хана Гарди, нанеся противнику большие потери¹⁰. Как уже упоминалось, Насир-хану, беглербегу Белуджистана, в виде особой милости было разрешено носить два украшенных алмазами султана; сам Ахмад-шах носил их четыре.

Воинов каждого из отрядов гвардии можно было отличить по фасону головных уборов и цвету флагов на копьях, которыми они были вооружены.

Части шахской гвардии — гулам-хана — носили название «даста»; каждая такая часть насчитывала 12 сотен кавалеристов¹¹.

Командиры гвардейской кавалерии именовались «куллераагаси» (от «кул» — раб).

Пехоты в афганской армии было немного, не более одной четвертой общей численности регулярных войск;

⁸ Губар, *Aхмад-шах Баба-и Афган*, стр. 145.

⁹ [Samin] «Ahmad Shah Abdali, and the Indian wazir Imad-ul-Mulk (1756—1757). Contributed by William Irvine («Indian antiquity», vol. 36, 1907), p. 17, 55—56.

¹⁰ William Irvine, *The Bangash nawabs of Farrukhabad* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. XLVIII, pt. I, 1879), p. 127.

¹¹ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput and of the events leading to it* [«Asiatic researches», vol. III (Calcutta), 1792], p. 104; «Akbar-ul-Muhabat» (в кн.: H. M. Elliot — John Dowson, *The history of India...*, vol. VIII), p. 398

как пишет Дж. Форстер, «она была не в почете и ею пренебрегали»¹². Важнейшим соединением пехоты был корпус персидских мушкетеров — «туфангчи» или «джазаирчи»¹³, формировавшийся из наемных солдат. Солдаты этого корпуса были, по-видимому, посажены на лошадей и являлись как бы «ездящей пехотой»; во всяком случае известно, что из 40 тыс. пехотинцев, сражавшихся в рядах афганской армии при Панипате, 30 тыс. имели лошадей¹⁴. Командиром корпуса мушкетеров во времена Ахмад-шаха был Наваб-хан Дуррани¹⁵. В отрядах регулярной пехоты служило много горцев-таджиков из районов, лежащих к северу и северо-востоку от Кабула; они считались лучшими пехотными солдатами в Афганистане. Немало таджиков служило не только у афганских шахов, но и в армиях различных среднеазиатских и индийских властителей¹⁶, которые охотно брали на службу славившихся своей воинственностью горцев.

Во времена Ахмад-шаха в составе афганской армии имелся также специальный отряд пехоты, носивший форму британских сипаев¹⁷.

¹² G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 85.

¹³ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput...*, p. 104, 108, 139.

¹⁴ По данным «Akhbar-ul-Muhabat», p. 398—399.

¹⁵ Махмуд-аль-Хусейни, в кн.: Oskar Mann, *Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Sah Durrani (1747—1773)* («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 52, Leipzig, 1898), S. 178.

¹⁶ Например, в армии Алим-хана Кокандского в конце XVIII в. было 3700 таджиков-артиллеристов, уроженцев нынешнего северного Афганистана [см.: П. П. Иванов, *Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX века)* («Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1939), стр. 118]. Қасим-хан, приближенный Мугалани-бегум, в 1754 г. завербовал к ней на службу 300 пехотинцев из Бадахшана (см.: Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, second edition, revised and corrected. vol. II, Calcutta, 1950, p. 38).

¹⁷ James Rennell, *Memoir of a map of Hindostan or the Mogul empire: with introduction*, second edition, London, 1792, p. CXXIII.— Для изготовления обмундирования солдат через Синд даже ввозили британские ткани. Британские торговые фактории в Синде были созданы в 1758 г. и просуществовали там до 1775 г. [см.: Mohammed Jasin, *The Talpurs of Sind* («The Indian historical quarterly», vol. XVII, 1941, № 1, March), p. 36—37].

Помимо этих основных соединений, имелись различные специальные отряды.

Одним из них был отряд шахских телохранителей — «кашикчи» — «часовых», который насчитывал несколько сот воинов; вербовкой их ведал начальник армейской прислуги — «орду-бashi». При преемниках Ахмад-шаха отряд этот состоял из уроженцев Индии и воины его были обмундированы на европейский лад¹⁸. Начальник телохранителей носил титул «кашикчи-бashi»¹⁹.

Телохранители-кашикчи в мирное время охраняли дворец шаха, а во время походов — его ставку. «Кашикхана» — помещение, в котором располагались телохранители, находилось перед входом в личные покой главы государства, куда не допускался никто из посторонних; исключений не делали даже для ближайших родственников шаха. Когда осенью 1788 г. шах-заде Хумаюн, бывший хакимом Кандагара, прибыл в Кабул и пожелал пройти к своему отцу Тимур-шаху, стража его не пропустила; произошлассора, во время которой Хумаюна схватили и обыскали. Так как при нем был найден нож, шах приказал заключить своего сына в тюрьму²⁰.

Ахмад-шахом были созданы части полевой жандармерии — «насакчи», несшие охранную и заградительную службу и приводившие в исполнение наложенные шахом наказания. Одной из обязанностей воинов этого отряда было находиться в тылу сражавшейся армии и убивать всякого, кто пытался бежать с поля боя.

¹⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 532.

¹⁹ Термин «кашикчи», видимо, монгольского происхождения. У Чингис-хана и его преемников были отборные гвардейские охраны части «кешикченов» («Сокровенное сказание». Монгольская хроника 1240 года, т. I, М.—Л., 1940, стр. 170, 171, 173, 191, 197). Гвардейцы золотоордынских ханов звались «кашик» (Б. Греков, А. Якубовский, *Золотая орда*, Л., 1937, стр. 97). У Сефевидов отряд кашикчи был впервые сформирован Аббасом II в 1654 г.; он состоял из 600 воинов, которых делили на три смены, дежурившие по три дня [*Tadhkirat al-muluk. A Manual of Safavid Administration* (сигца 1137/1725). Translated and explained by V. Minorsky], London, 1943, p. 34]. Отряд кашикчи имелся также в армии Надир-шаха, где им командовал Мухаммед Кули-хан (Фаиз Мухаммед, *Сарсдж ат-таварих*, т. I, стр. 10).

²⁰ «Calendar of Persian correspondence. Being letters which passed between some of the Company's servants and Indian rulers and notables», vol. VIII, Calcutta — Delhi, p. 331, № 798.

Во время битвы под Панипатом, когда мусульманские войска дрогнули и начали отступать, не выдержав яростной атаки маратхов, отряд насакчи в 1500 человек был послан в тыл боевых порядков афганской армии с приказом убивать всех, кто посмеет бежать; другой отряд в 500 человек был направлен в афганский лагерь; здесь насакчи нашли около 8 тыс. человек лагерной прислуги, не принимавших участия в сражении; всех их заставили взять оружие и пойти в бой.

Оружие насакчи состояло из боевого топора, сабли и кинжала²¹. В армии афганских шахов командир отряда насакчи назывался «насакчи-баши». Его непосредственным начальником был «харкара-баши», глава осведомительной службы, в ведении которого находились также все конные и пешие посыльные. Конных фельдъегерей называли обычно «савар-чапар» или «чапар», а также «касиды»²².

Помимо перечисленных отрядов, в афганской армии имелись особые квартирмейстерские и транспортные части и всевозможные вспомогательные команды, занимавшиеся обслуживанием ставки шаха, которые находились в ведении орду-бashi.

Важное место в армии принадлежало артиллерию, которая делилась на тяжелую и легкую.

Командующий всей артиллерией назывался «тупчи-бashi»; при Ахмад-шахе эту должность занимал сначала некий Осман-хан, а затем Рахман-хан Баракзай.

Основной силой артиллерии являлись легкие орудия — «замбурек», называемые также «штурнал» или «шахин».

Хрисанф, рассказывая об армии Тимур-шаха, писал о замбуреках: «сия часть воинства есть важнейшая у афганского государя»²³.

²¹ Гулам Хусейн Моктадер. *Тарих-и низами-и Иран*, стр. 146.—Отряды насакчи имелись также у Моголов и Сефевидов, где они исполняли аналогичные функции. В армии Великих Моголов отличительным знаком насакчи был особый жезл и треугольный бронзовый щлем — «табал».

²² [Samir] «Ahmad Shah Abdali...», p. 13; M. Elphinstone, *An account...*, p. 519; «Calendar of Persian correspondence», vol. IX, p. 108, № 431.

²³ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии...*, стр. 11.

Ввиду важности этого рода артиллерии части «замбу-рекчи» («шахинчи») формировались из отборных, наиболее мужественных и верных солдат; в армии Ахмад-шаха их отряды насчитывали 4 тыс. воинов. Командующий легкой артиллерией именовался «шахинчи-баши», должность эта была наследственно закреплена за ханами клана баракзаяев²⁴.

ЗамбуРЕКИ перевозились на верблюдах. Каждый верблюд, кроме орудия, вез 1—2 замбуРЕКЧИ и 40 зарядов, ядра которых весили по 600—800 г; огонь из замбуРЕКОВ мог вестись даже с хода²⁵.

Полковник Ф. Коломбари, посвятивший замбуРЕКАМ специальное военно-историческое исследование²⁶, утверждает, что гильзай из Кандагара первыми догадались установить замбуРЕК в седле на подвижном стержне (в 1722 г. при завоевании Ирана).

На поле боя замбуРЕКИ обычно располагались позади полевой артиллерии (при Панипате) или впереди нее (при Карнале)²⁷; иногда, чтобы обмануть противника, их прятали за рядами пехоты и конницы. Большая подвижность этих орудий давала возможность подпустить врага на расстояние картечного выстрела, не подвергая особому риску ни замбуРЕКЧИ, ни их пушки. Залповый огонь замбуРЕКОВ наносил тяжелый урон противнику; известна громадная роль, которую они сыграли в битве при Панипата, где Ахмад-шах имел их около 2 тыс.²⁸.

Большое количество этих пушек имелось также в армиях преемников Ахмад-шаха: известно, что при войске Мадад-хана, посланном Тимур-шахом в Индию в 1787 г., имелось почти 1700 замбуРЕКОВ; у шаха Замана в боевой

²⁴ M. Elphinstone, *An account...*, p. 535.

²⁵ Г. Друвиль, *Путешествие в Персию в 1812—1813 годах*, ч. II, М., 1824, стр. 93, 133—134. См. также: Sayid Ghulam Ali, *Nigar-pata-i Hind*, p. 398.—Легкие орудия типа замбуРЕК имелись и в других государствах Среднего Востока, в частности в Бухаре и Кашире.

²⁶ F. Colombari, *Les Zembureks*, Paris, 1853.

²⁷ Гулам Хусейн Моктадер, *Тарих-и низами-и Иран*, стр. 216—217.

²⁸ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput...*, p. 104; Н. Семенова, *Афгано-махратская борьба за преобладание в Индии и Панипатская битва 1761 года* («Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 95).

готовности их всегда было 2600 и 3270 в резерве; шах Шуджа имел 700 замбуреков²⁹.

Орудий полевой артиллерии у шахов Дуррани было меньше и, по-видимому, они были невысокого качества. В сражении при Панипате у афганцев было только 40 таких орудий; всего же армия Ахмад-шаха и его союзников имела около 70 полевых орудий³⁰. Артиллерия преемников Ахмад-шаха располагала полевыми орудиями также в значительно меньшей степени, чем легкими. Так, у шаха Замана во всех крепостях и гарнизонах его обширной империи имелось только 640 пушек, т. е. в несколько раз меньше того количества замбуреков, которым располагал этот шах.

На вооружении афганской армии времен шахов Дуррани находилось также некоторое количество тяжелых осадных орудий. Известна громадная пушка, изготовленная для Ахмад-шаха под Нишапуром в 1164 г. хиджры (1751 г.). Пушка эта бросала ядра весом в 20 тебризских менов³¹. Другое осадное орудие Ахмад-шаха, знаменитая лахорская «замзама», было изготовлено в 1757 г. по приказу вазира Шах Вали-хана мастером Шах-Назиром. Это бронзовое орудие, стоящее сейчас около Лахорского музея, имеет 14 футов 4,5 дюйма длины, при диаметре канала ствола около 9,5 дюйма³². Тяжелую полевую и осадную артиллерию перевозили при помощи лошадей, волов и даже слонов.

Помимо артиллерийских орудий, в армии Ахмад-шаха имелись особые ракетные станки «эраде-бан», применение которых, по-видимому, было заимствовано афганцами из Индии. По дошедшим до нас описаниям, ракета представляла собой железную трубку диаметром в 3—7 см и длиной около 30 см, которая привязывалась к бамбуковому

²⁹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 531—532; H. R. Gupta, *Studies in the later Mughal history of the Panjab (1707—1793)*, Lahore, 1944, p. 269 (по данным английского разведчика Гулам Сарвара, посетившего Афганистан в 1793—1794 гг.).

³⁰ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput...*, p. 104—105.

³¹ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 15; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 79; Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 119. Тебризский мей равен 2944 г.

³² S. A. Z. Nadvi, *The use of cannon in muslim India («Islamic culture»*, vol. XII, 1938, № 4), p. 417.

шесту длиной в 2—3 м. Иногда к корпусу ракеты прикреплялся стальной клинок. Поджигалась она с помощью фитиля и на цель направлялась рукой. Дальность действия достигала 1 тыс. м. С наибольшим успехом ракеты применялись против густых масс пехоты и кавалерии. Перевозились они обычно на верблюдах (причем каждый верблюд вез 10 ракет и солдата, стрелявшего ими) или на тележках, в которые впряженная пара буйволов. Как утверждает английский автор второй половины XVIII в. А. Доу, ракеты производили на противника главным образом моральный эффект, не нанося ему больших потерь³³.

При стрельбе ракетами надо было обладать умением и споровкой. Наибольшей ловкостью в обращении с ними славились афганцы-рохилы³⁴.

Солдат, обслуживавших ракетные станки, называли «бандар» или «банандаз».

Низшим подразделением регулярной армии было отделение из 10 солдат, находившихся под командой «дахбashi». Пять отделений образовывали взвод, которым командовал «пинджах-бashi». Два взвода составляли роту во главе с сотником — «юз-бashi», а несколько рот — батальон под начальством «минг-бashi»³⁵. Отдельные части («рисала» или «кита»), как правило, насчитывали 3—5 тыс. человек и состояли из нескольких батальонов; известно, что в армии шаха Замана отряд регулярных войск под командой Илтифат-хана Ходжа-сара насчитывал 4900 человек, а отряд Юсуф Али-хана Ходжа-сара — 3 тыс. человек. Командиры этих отдельных частей обычно

³³ A. Dow, *The history of Hindostan*, vol. II, London, 1770, p. 386.

³⁴ Рохилы («горцы») — жители Рохимкханда (местности в северной Индии); в основном потомки юсуфзаев, переселившихся сюда из восточного Афганистана.

³⁵ Азизуддин Попользай, описывая армию Тимур-шаха, дает следующую градацию военных чинов. Высшим чином в армии был чин «сипах-салара», за которым в исходящем порядке следовали: «амир-лашкар», «орду-бashi», «куллераагаси», «субадар», «спидхар», «беглербеги», «сарханг», «сартип», «пинджах-бани», «бист-бashi», «дах-бashi» (Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 160). Однако, как описано выше, субадаром в ту эпоху называли правителей индийских вилайетов империи Дуррани, что же касается чинов «сарханг» и «сартип», то существование их в армии Тимур-шаха представляется сомнительным.

носили чин «камир-лашкар». Во время войны из этих частей формировались корпуса по 12—18 тыс. солдат, командование которыми вручалось знатным сардарам.

Офицерский состав регулярной армии состоял из придворных, приближенных и даже евнухов шаха и назначался лично главой государства. Офицерам при вступлении в должность выдавался фирманс, в котором указывался присвоенный чин и жалованье, перечислялось даруемое почетное оружие и т. д.

Руководящие посты в армии были наследственно закреплены за сардарами племени дуррани. В походе каждого сардара сопровождало несколько личных слуг. При преемниках Ахмад-шаха этих слуг в армии зачастую было больше, чем воинов, непосредственно принимавших участие в сражении.

Имеются сведения, что на службе у афганских шахов были отдельные солдаты и офицеры — европейцы. Дж. Форстер, находясь летом 1783 г. в Кабуле, скрывал свое английское происхождение, главным образом потому, что боялся «оказаться бомбардиром в артиллерии Тимур-шаха»³⁶. Махмуд-аль-Хусейни рассказывает о европейцах-артиллеристах («тупчиян-и ференги»)³⁷, принимавших участие в хорасанском походе Ахмад-шаха 1754—1755 гг. (о том же говорит и Султан Мухаммед-хан Дуррани). М. Эльфинстон упоминает о каком-то немецком офицере, служившем в афганской армии во времена Тимур-шаха³⁸. Однако эти немногие европейцы не оказали никакого влияния на стратегию и тактику афганской армии и на организацию афганских вооруженных сил того времени.

Основные силы регулярной армии — «фаудж-и низам» и гвардии шаха обычно были расквартированы в столице государства. Отдельные регулярные части, усиленные нерегулярными формированиями, были расквартированы в центрах вилайетов. В западных вилайетах империи Дуррани наиболее сильные гарнизоны обычно располагались в Герате; при Ахмад-шахе в распоряжении правителя этого города находилось около 20 тыс. «исправно-воору-

³⁶ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, Vol. II, p. 68.

³⁷ Oskar Mann, *Quellenstudien...*, S. 311.

³⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 289.

женного войска»³⁹. Шах Заман в начале своего правления держал здесь 15 тыс. воинов, а шах Шуджа — 8 тыс. гуламов и отряды дуррани и аймаков.

В индийских вилайетах во времена Ахмад-шаха гарнизоны наибольшей численности стояли в Лахоре, а при его преемниках — в Мультане и Кашмире.

Так, в Мультане, после того как этот город был отбит Тимур-шахом у сикхов, были оставлены отряды под командованием Музаффар-хана Садозая общей численностью 20 тыс. человек⁴⁰.

При Тимур-шахе гарнизон Кашмира состоял из 3 тыс. человек кавалерии и пехоты⁴¹. При шахе Замане (по данным Гулам Сарвара) войска, находившиеся в Кашмире, были усилены путем переброски сюда кавалерийского корпуса в 11 тыс. человек с 416 замбуреками, и общая численность этих войск составляла около 16 тыс. человек. Таким образом, шах Заман держал в Кашмире почти 60% тех вооруженных сил, которые он имел в своих индийских вилайетах. В начале XIX в. гарнизон Кашмира уменьшился и, по данным М. Эльфинстона, в 1809 г. состоял из 8600 человек. В других вилайетах войск, как правило, было меньше, и обычно в распоряжении хакима находилось от 1,5 до 2 тыс. воинов.

Иногда отряды афганских войск располагались также на территории вассальных княжеств, как для защиты их от нападений извне, так и для того, чтобы предупредить возможную измену правителя. Известно, например, что в 1755 г., уходя из Хорасана, Ахмад-шах оставил в Мешхеде при Шахрухе «знатный корпус» своих воинов⁴².

В случае опасности войска, расквартированные в вилайетах, могли быть усилены за счет мобилизации местных жителей. В 1757 г., когда Тимур-шах был назначен низамом Лахора, вооруженные силы, оставленные при нем, были пополнены контингентами дуррани, гвардей-

³⁹ Архив внешней политики России, ф. «Сношения России с Персией», 1770 г., д. 111, л. 25 (далее — АВПР).

⁴⁰ «Calendar of Persian correspondence», vol. V, p. 438, № 1843.

⁴¹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 29.

⁴² АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1755 г., д. 5, л. 253.

цев-кызылбашей, а также отрядами, набранными из местных жителей-мусульман⁴³.

Регулярные части составляли по численности обычно не более 30% афганской армии. Остальные 70% приходились на долю различных нерегулярных отрядов, основными из которых были: отряды ханской кавалерии — «ханан-и саваре», или «хаванин-и саваре» («конные ханы»), сформированные вождями афганских племен;

контингенты родо-племенных ополчений;

вспомогательные отряды, формируемые военными колонистами и жителями особых военных зон;

отряды, выставляемые по требованию шаха его вассалами, правителями зависимых ханств и эмирата восточного Ирана и северной Индии.

Отряды ханской кавалерии, так же как и регулярные части, находились и в мирное время в полной боевой готовности. Они носили название «знамя» — «байраг» и формировались из соплеменников, слуг или рабов их командиров⁴⁴. Специальным фирмансом шаха определялась численность отдельных отрядов (пропорционально количеству земли, пожалованному их вождям, или получаемому ими от казны жалованью)⁴⁵ и утверждалось воинское звание их командиров.

В зависимости от численности отряда хану присваивался чин «саркарда-и савари» или «хан-и савари». Младших офицеров своей части хан назначал сам. Всякий командир «байрага» имел особый флаг, литавры или барабан и флейтиста — «зурначи».

Ханан-и саваре использовались для охраны границ, дорог, государственных складов, а также для сбора налогов и взыскания недоимок.

⁴³ Sadr Muhammad Latif, *History of the Panjab from the remotest antiquity to the present time*, London, 1881, p. 229.

⁴⁴ У юсуфзаяев «большинство ханов и маликов владеют рабами... некоторые из них имеют больше сотни рабов». Мужчины-рабы (мрайш) использовались как телохранители: «они верны и храбры, защищая своих господ» (H. W. Bellew, *A general report on the Yusufrails, in six chapters with a map*, Lahore, 1864, p. 184).

⁴⁵ Хан верхних монандов, например, за полученный им джагир и ежегодную денежную субсидию был обязан выступать в армию шаха воинский контингент из нескольких сот всадников (M. Elphinstone, *An account...*, p. 355).

Значительные отряды воинов имели не только светские, но и крупнейшие духовные феодалы.

Особое место занимали в афганской армии контингенты, выставлявшиеся племенем дуррани, «газиян-и дуррани», как их называет Хусейн Али⁴⁶, которые являлись основой создаваемых в военное время формирований. Численность отрядов дуррани была равна почти 12 тыс. человек. Как правило, отдельные части, состоявшие из дуррани, включались в каждый иррегулярный кавалерийский корпус.

Остальные иррегулярные кавалерийские части — «саварха-и чарики», — формируемые из ополченцев других афганских племен, призывались под знамена только в случае особой необходимости. В осуществление известного принципа Ахмад-шаха — «брать воинов с запада, а деньги с востока» — многие районы, населенные афганцами, были освобождены от уплаты налогов. За это в случае войны они выставляли отряд воинов определенной численности и в полном вооружении. Такие отряды были обязаны посыпать в армию шаха гагиани, оракзай, юсуфзай, баннучи, племена Хоста и другие⁴⁷. Некоторые племена в мирное время платили налоги, но во время войны эти налоги заменялись поставкой отряда воинов; например, племя марват во время войны взамен обычного налога верблюдами отправляло в армию шаха 200 всадников.

Иногда прибегали к созыву рода-племенных ополчений — «улусов» или «лашкар-и кауми», которые создавались либо из добровольцев, либо путем принудительной мобилизации мужского населения; у юсуфзаяв в этих случаях выставлялся один пеший воин с каждого плуга или один конник с двух плугов. Для сбора ополчения вождю племени обычно посыпался указ шаха; иногда созыв племенных ополчений возлагался на мулл, которые призывали добровольцев принять участие в священной войне. Ядром ополчений являлись дружины племенных ханов.

⁴⁶ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 4—6.

⁴⁷ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan: geographical and historical. Extracted from the writings of little known Afghan and Tajik historians, geographers, and genealogists*, London, 1880, p. 79, 80, 95, 107, 217.— Раверти указывает, что гагиани, помимо поставки воинов в армию шаха, выплачивали также ежегодный налог.

Части племенных ополчений строились по родовому принципу: воины каждого клана образовывали отдельный отряд, находившийся под командой его хана или малика. Обычно над соединением, состоявшим из нескольких таких племенных отрядов, ставился в качестве высшего командира какой-либо знатный дурранийский сардар.

Уклонившихся от явки на сбор племенного ополчения подвергали штрафу или другому наказанию, обычно по решению хана или малика племени. Племенные ополчения, формируемые в основном из представителей беднейших слоев населения, почти целиком состояли из пехоты. Иногда эти ополчения использовались и для общественных работ.

Несмотря на свою многочисленность, племенные ополчения не имели большой боевой ценности. В дальних завоевательных походах использование их было затруднено тем, что ополченцы не могли на длительный срок оставлять свое хозяйство. С большим успехом можно было использовать их для отражения неприятельских вторжений. Необходимо также учитывать, что воины лашкар-и кауми были плохо вооружены. По свидетельству Каширадж Пандита, 200 или 300 тыс. бойцов афганских нерегулярных войск, принявших участие в сражении под Панипатом, имели меньше лошадей и оружия, чем 29 тыс. кавалеристов Ахмад-шаха. Из отрядов нерегулярной пехоты лучшими считались контингенты ополченцев восточно-афганских племен—момандов, юсуфзаяев, афридиев, хатаков, мухаммедзаяев и других, которые славились как храбрые, хладнокровные и меткие стрелки. Во время одного из вторжений в Пенджаб шаха Замина племена Хайбера поставили в армию этого шаха 10 тыс. воинов, из которых 2 тыс. были пехотинцы-афридии⁴⁸. В сражениях иррегулярные части играли вспомогательную роль: «было обычным, что после того, как регулярные войска нападали и разбивали врага, эти нерегулярные части нахидывались на противника с саблями в руках и заканчивали уничтожение»⁴⁹. Их использовали также для грабительских набегов и блокады неприятеля. Иногда неболь-

⁴⁸ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 44.

⁴⁹ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput...*, p. 105, 139.

шие отряды иррегулярной пехоты располагались в крепостях для несения гарнизонной службы.

В некоторых завоеванных провинциях (Балх, Шикарпур, Пенджаб) Ахмад-шахом были основаны афганские военные колонии, жители которых обязаны были в случае необходимости нести службу при отрядах регулярной армии, дислоцированных в этих вилайетах. Под знамена этих колонистов призывали только в случае непосредственной военной угрозы тому району, где они были поселены. Иногда в их отряды включали также местных жителей — мусульман (в Пенджабе).

В военное, а иногда и в мирное время определенные контингенты в армию афганских шахов выставлялись правителями вассальных ханств и эмирата. В случае необходимости Ахмад-шах собирал под свои знамена войска из Сирхинда, Пенджаба, Синда, Белуджистана, Дераджата и южного Туркестана⁵⁰. Известно, что пехотинцы из Белуджистана в мирное время служили в Кашмире, а кавалерийские отряды под командой Насир-хана Белуджа участвовали в походах шаха Дуррани в Индию и Хорасан; в 1768 г. эти отряды отличились при подавлении восстания Насруллы-мирзы, сына Шахруха, и Али Марданхана, правителя Тебеса. В походах на Мешхед Ахмад-шах использовал также отряды туркмен. В индийских кампаниях этого завоевателя принимали участие сильные контингенты узбеков и хорасанцев⁵¹. В некоторых войнах Тимур-шаха на стороне афганцев сражались войска наемника Бахавалпур. Небольшой отряд в армию афганских шахов выставлял правитель Сеистана.

О вооружении воинов афганской армии во времена Ахмад-шаха и его преемников мы располагаем следующими сведениями.

Вооружение солдат регулярных отрядов следовало иранским и могольским образцам. Кавалеристы имели мушкет или карабин, копье и саблю. Многие из них, а гвардейцы поголовно, носили кольчуги⁵². Кавалеристы —

⁵⁰ Хусейн Али, *Зинет-и тарихха*, л. 6.

⁵¹ «Hakikat...», р. 18; Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 26.

⁵² Каширадж Пандит пишет, что афганская конница под Панипатом насчитывала 29 тыс. воинов, «одетых в броню»; см. также: Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 144—145; Henry George

гулами авангарда имели пики с серебряными и позолоченными наконечниками⁵³, а часть офицеров — пистолеты.

Современные индийские историки считают, что кавалерия Ахмад-шаха была лучше вооружена и располагала большим количеством огнестрельного оружия, чем сильнейшая из индийских армий того времени — армия маратхов⁵⁴. Солдаты-пехотинцы имели мушкет с сошкой, меч или саблю.

Конные ополченцы племени дуррани были вооружены иранской саблей и мушкетом, а некоторые также копьями, кинжалами и боевыми топорами. Во времена Ахмад-шаха многие воины имели щит, но к началу XIX в. он почти вышел из употребления. Ружья обычно были укороченные, большого калибра и иногда со штыком. Полное вооружение одного конного воина стоило около трех туманов⁵⁵.

Гильзай были вооружены так же, как и дуррани. Восточные афганцы (юсуфзай, хаттаки, марваты и др.) имели индийские сабли, щиты, кожаные панцири, мушкеты и копья, а также луки и стрелы⁵⁶. Афридии и воины некоторых племен, живших близ Кабула, вместо сабель пользовались особыми ножами около 90 см длиной⁵⁷.

Ополченцы-таджики из Кухистана были вооружены ружьями, пистолетами — «шер-бача» и короткими кинжалами.

Так как большую часть армии составляла кавалерия, то вопросам ремонта конского состава уделяли большое внимание. Лошади, главным образом туркменской и узбекской породы, отличались выносливостью и быстротой и были способны совершать длительные переходы; они ходили под легким деревянным седлом, сиденье которого

Кеппе, *Turks in India*, London, 1879, p. 236—237; П. Г. Бутков, *Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*, т. I, СПб., 1869, стр. 343—344.

⁵³ [Samin] «Ahmad Shah Abdali...», p. 56.

⁵⁴ См. например, Tryambak Shankar Shejwalkar, *Panipat: 1761, Poona*, 1946, p. 89.

⁵⁵ M. Elphinstone, *An account...*, p. 530.

⁵⁶ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 573.

⁵⁷ M. Elphinstone, *An account...*, p. 537; Б. Марковский называет эти ножи «типичным афганским оружием» (см.: B. Markowsky, *Die materiale Kultur des Kabulgebietes*, Leipzig, 1932, Tafel XX).

подбивалось хлопком и покрывалось кожей, а у командиников регулярной и нерегулярной армии бархатом или парчой; под седло клалась подушка из войлока или шерсти; употреблялась уздечка; мундштуков не знали. В 80-х годах XVIII в. хорошая кавалерийская лошадь стоила в Афганистане 50—60 рупий⁵⁸.

Гуламы — гвардейцы шаха обычно ездили на лошадях, принадлежавших им повелителю. Все остальные воины обязаны были иметь собственных коней; если же лошадь выдавалась им из казны, то стоимость ее постепенно удерживалась из получаемого жалованья (так же как и стоимость полученного от государства снаряжения и оружия)⁵⁹.

Перед началом кампании, иногда накануне сражения, устраивались военные смотры, обычно в присутствии шаха.

Во время похода впереди главных сил двигался сильный авангард, состоявший обычно из кавалерийского корпуса, в который включалось до одной четверти всей армии⁶⁰. Авантурд собирал сведения о противнике, захватывал продовольствие и фураж и в случае необходимости завязывал бой с врагом в ожидании подхода остальной армии. С тыла главные силы прикрывались небольшим арьергардом. На марше каждый отряд двигался отдельно. Воинам было строго запрещено покидать свое место и следовать в рядах другого отряда; виновных в нарушении этого правила подвергали суворому телесному наказанию⁶¹. Обычно перед началом очередного дневного перехода гуламы шаха выстраивались четырьмя колоннами в конном строю вокруг палатки шаха; в тот момент, когда шах садился в седло, тысячи гвардейцев хором приветствовали своего повелителя, крича: «Благословленно имя Бога! Милость Бога Его Величеству Шаху!». По

⁵⁸ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 85. — Для сравнения укажем, что годовое жалованье воина-дуррани было равно 277 рупиям.

⁵⁹ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 152.

⁶⁰ Так, например, в 1779—1780 гг. авангард армии Тимур-шаха, вступившей в Пенджаб, насчитывал 18 тыс. человек и состоял из дуррани, юсуфзаем и кизылбашей. Командовал им Зенги-хан (см.: Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Tarikh-i Султани*, стр. 154—155).

⁶¹ [Samin] «*Ahmad Shah Abdali...*», р. 55.

этому крику вся армия узнавала, что шах сел в седло, и трогалась в путь⁶². Шах ехал, окруженный своими гула-мами. Средний дневной переход составлял около 25 км, причем за днем марша следовал день отдыха. Но в случае необходимости афганская армия могла совершать длительные форсированные марши и покрывать большие расстояния за очень короткий срок. В феврале 1762 г., чтобы неожиданно напасть на сикхов, Ахмад-шах прошел со своей армией за два дня свыше 100 миль от Лахора до северной части Сирхинда⁶³. В 1764 г. армия Ахмад-шаха прошла за две ночи и один день 80 косов⁶⁴. Впереди армии в этих случаях высыпались небольшие кавалерийские разъезды, которые собирали сведения о противнике и вырезали всех встречных, чтобы никто из них не предупредил врага о приближении афганских сил и чтобы ни один шпион, посланный противником, не вернулся живым⁶⁵.

В походе каждый воин вез с собой запас провизии, состоявший из хлеба, сухого овечьего сыра — «крута» и большой кожаной фляги с водой. «Все нужное каждый имеет навьюченное на лошади»⁶⁶, — писал Хрисанф. Когда продовольствие кончалось, отряды кавалеристов по 1,5—2 тыс. человек угнали скот у мирных жителей. Припасы, добываясь таким образом, распределяли среди воинов специальные чиновники. Армию обычно сопровождали торговцы хлебом и мясом, фруктами, зеленью, тканями, а также ремесленники различных специальностей — плотники, шорники, кузнецы, портные. Вместе с армией обязательно следовали купцы, скупщики военной добычи и даже монетный двор⁶⁷.

Когда армия располагалась на привал, каждый отряд образовывал круг, центром которого была палатка вождя

⁶² Ibid.

⁶³ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. I, p. 277—278; «Hakikat...», p. 15, 20, 21.

⁶⁴ «Tarikh-i Najib-ud-daulah» («Islamic Culture», vol. VII, 1933, № 4), p. 615.— Кос равен приблизительно 3 км.

⁶⁵ См. описание похода Ахмад-шаха в северо-западную Индию в 1748 г. (Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*, стр. 101).

⁶⁶ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии...*, стр. 11.

⁶⁷ Ch. J. Rodgers, *The coins of Ahmad Shah Abdali* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. 54, 1885), p. 67.

племени или командача части и его багаж⁶⁸. Если армия останавливалась на долгое время, то лагерь окапывали рвом и обносили засекой или земляным бруствером. Так, под Панипатом Ахмад-шах окружил свой лагерь траншевой протяжением в 4 коса и засекой из деревьев⁶⁹. Связь во время походов поддерживалась специальными курьерами и посыльными, а также посредством сигнальных костров, зажигавшихся на горных вершинах.

При переправах через реки часто устраивались понточные мости на лодках.

Служба охранения в первых походах Ахмад-шаха была организована недостаточно хорошо, и афганская армия терпела от этого большой урон⁷⁰. Ахмад-шах учел это, и в последующих кампаниях его разведка и охранение действовали достаточно хорошо, что принесло свои плоды⁷¹.

В походах транспортировкой шахского багажа ведал «пешханачи» или «фарраш-бashi»; багаж этот состоял из сухарей и зерна, навьюченных на 300 верблюдов, которые следовали на левом фланге армии; на правом фланге две сотни других верблюдов везли посуду, одежду и т. п. В тылу армии на мулах и дромадерах перевозились сокровища шаха⁷².

В сражении боевые силы армии делились на центр, правое и левое крыло и резерв. В центре боевых порядков располагался командный пункт шаха, впереди которого обычно выстраивался корпус мушкетеров, усиленный орудиями полевой артиллерии и замбуреками. Гвардейцы-гуламы держались в резерве и бросались в бой, когда наступал критический момент сражения.

Численность армии шахов Дуррани была более или менее постоянной только в ее регулярной части. Что же касается нерегулярных воинских формирований, то число воинов в них изменялось в зависимости от обстоятельств.

⁶⁸ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 311.

⁶⁹ Saiyid Ghulam Ali, *Nigar-nama-i Hind*, p. 410.

⁷⁰ Под Мешхедом в 1750 г. противники Ахмад-шаха Надир-мирза и Насрулла-хан каждую ночь совершали нападения на лагерь афганцев, нанося войскам шаха большой урон, так как они не имели ни охранения, ни часовых (см.: Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 13—14; J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 76).

⁷¹ Henry George Keene, *Turks in India*, p. 238—239.

⁷² [Samin] «Ahmad Shah Abdali...», p. 56..

Утверждение современного афганского историка М. Губара, что армия Ахмад-шаха насчитывала 120 тыс. человек, из которых одну треть составляли регулярные войска, представляется нам произвольным; вряд ли сейчас, пока не найдены афганские архивные материалы той эпохи, можно определить численность войск Ахмад-шаха с точностью.

Известно, что численность вооруженных сил, которыми располагал этот шах, не была одной и той же на разных этапах его военной деятельности.

Так, в 1748 г. в поход на Лахор Ахмад-шах повел с собой тридцатитысячную армию⁷³, а в хорасанских кампаниях он имел от 50 до 70 тыс. воинов⁷⁴.

В 1757 г. в его войске, вступившем в Индию, кроме гвардии и отрядов дуррани (насчитывающих 12 тыс. человек), было 12 тыс. узбеков из Балха, 2 тыс. конных белуджей, 8 тыс. кизылбашей, 10 тыс. воинов Самад-хана Моманды и 5 тыс. Бадж Чанг-хана Бангаша. Таким образом, в этом походе участвовало около 50 тыс. воинов⁷⁵.

В битве под Панипатом в 1761 г. афганская армия насчитывала примерно 29 тыс. кавалеристов (одну четвертую часть которых составляли гвардейцы-гуламы) при 40 полевых орудиях и 2 тыс. замбуреков с 4 тыс. замбурукчи, и, кроме того, имелось несколько отрядов регулярной пехоты. Вместе с войсками союзников армия Ахмад-шаха состояла из 41 800 человек кавалерии и 38 тыс. че-

⁷³ Фаиэ Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 11. Мухаммед Амин дает 40 тыс. Современные индийские историки считают эти цифры завышенными и утверждают, что Ахмад-шах в этом походе имел с собой только 18 тыс. воинов и совсем не имел артиллерии. См. Jadunath Sarkar, *Fall of Mughal empire*, vol. I, 1949, p. 115; H. R. Gupta, *Adina Beg Khan, the last mughal viceroy of the Panjab* (*Islamic culture*), vol. XIII, 1939, № 3), p. 329.

⁷⁴ В 1750 г. армия Ахмад-шаха насчитывала 50—60 тыс. человек; в конце 1754 г. Ахмад-шах имел в Хорасане 50 тыс. человек (см. АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1750 г., д. 8, л. III; 1751 г., д. 5, л. 106; 1755 г., д. 5, л. 78). — Афганцы, взятые в плен под Сабзеваром в 1755 г., показали, что армия шаха Дуррани состояла из 60 тыс. человек, большей частью афганцев (см. П. Г. Бутков, *Материалы...*, т. I, стр. 415). Феррье утверждает, что Ахмад-шах имел с собой в этом походе 70 тыс. воинов (J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 74).

⁷⁵ «Hakikat...», p. 18—19; [Samin] «Ahmad Shah Abdali...», p. 55

ловек пехоты при 2 тыс. замбуреков и 70—80 орудиях⁷⁶. Нерегулярных войск было в 4 раза больше, но они были очень плохо вооружены и значительной роли в сражении не сыграли.

Каширадж, у которого мы берем приведенные выше сведения, пишет: «Я знаю наверное, что такова была мусульманская армия, так как прежде, чем записать это, я делал неоднократные запросы как в дафтаре (канцелярии. — Ю. Г.), так и у тех, кто ежедневно распределял провизию»⁷⁷.

Таким образом, в сражении у Панипата Ахмад-шах имел под своим командованием около 80 тыс. регулярных войск и, может быть, 200—300 тыс. нерегулярных; если даже число последних источники преувеличивают, все же несомненно, что это была самая большая армия, собиравшаяся под знаменами Ахмад-шаха. Однако отряды афганской регулярной армии составляли в ней по численности всего около 10%.

По данным генерал-губернатора английской Ост-Индской компании Ванситарта, в 1767 г. во время очередного вторжения Ахмад-шаха в Индию афганское войско насчитывало 100 тыс. конных воинов. Цифра эта представляется нам преувеличенной; несомненно, ближе к истине А. Доу, который говорит, что в армии Дуррани в этом походе было всего 50 тыс. всадников⁷⁸.

О численности армии Тимур-шаха мы имеем сравнительно немного сведений. Дж. Форстер пишет, что армия Тимур-шаха была значительно меньше армии его отца и состояла всего из 30 тыс. человек, главным образом кавалеристов. В постоянной боевой готовности находилась только гвардия, вокруг которой во время войны группировались дружины ханов и ополчения племен⁷⁹. Митрополит

⁷⁶ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput...*, p. 105; Мухаммед Амин («Муджмил ат-таварих», стр. 127) дает аналогично: 41 тыс. всадников, 28 тыс. пехоты, 2 тыс. замбуреков. См. также: Saiyid Ghulam Ali, *Nugar-nama-i Hind* p. 398.

⁷⁷ Casi Raja Pundit, *An account of the battle of Paniput...*, p. 195. См. также: «Akhbar-ul-Muhabat», p. 399.

⁷⁸ J. Heras, *Durrani influence in Northern India (Islamic culture)*, vol. XI; 1937, № 4), p. 507; A. Dow, *The history of Hindostan*, vol. II, p. 382—383.

⁷⁹ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 85

Хрисанф определяет силу войск Тимур-шаха, находившихся в постоянной боевой готовности, в 20 тыс. человек⁸⁰. Основным ядром его гвардии был отряд из 12 тыс. конных кизылбашей под командой сардара Мухаммед-хана Беята. Можно полагать, что Тимур-шах собирал под свои знамена одновременно не больше 60—70 тыс. человек. Армию такой численности он повел в 1789 г. на Бахавалпур⁸¹. Что же касается утверждения Абдул Карима Бухари, что в поход против Шах Мурада Бухарского, после завоевания последним Мерва, Тимур-шах якобы вывел 150 тыс. человек⁸², то оно ничем не обосновано и приведенная им цифра является безусловно преувеличенной. Донесение английского разведчика из Кабула осенью 1788 г. о том, что против Шах Мурада был послан Абдул Латиф-хан с 40 тыс. кавалерии, ближе к истине⁸³. Вооруженные силы Ахмад-шаха несомненно превосходили армии его преемников. Рафаил Данибегов, например, считает, что афганская армия на рубеже XVIII—XIX вв. насчитывала 50 тыс. человек⁸⁴. По данным Гулам Сарвара, в регулярной армии шаха Замана в начале его правления имелось 68 830 воинов; из них 35 750 человек было размещено по вилайетам, а остальные были дислоцированы в центре государства. Столичный гарнизон состоял из 7 отрядов — «рисала» (всего 23 300 воинов), которыми командовали приближенные шаха и «даста» его гуламов численностью в 9780 человек. Фаиз Мухаммед пишет, что армия шаха Замана состояла из 12 тыс. гуламов и 12 тыс. конных стражников, охранявших дворец и гарем шаха. Кроме того, в армии шаха имелись отряды конных воинов белуджей и контингенты афганцев из племен тарин, хотак, андари и других, которые

⁸⁰ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии...*, стр. 11.

⁸¹ «Calendar of Persian correspondence», vol. VIII, p. 637—638, № 1548; Mohan Lal, *A brief account of the origin of the Daudputras, and the power and birth of Bahawal Khan, their chief on the bank of the Ghara and Indus* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. VII, pt. I, 1838, p. 32).

⁸² Абдул Карим Бухари, *Афган ва Кабул*, стр. 11, 21.

⁸³ «Calendar of Persian correspondence», vol. VIII, p. 331, № 798.

⁸⁴ Рафаил Данибегов, *Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова*, М., 1815, стр. 54.

«постоянно находились у стремени шаха» (численность этих отрядов не приводится), а также 30 тыс. всадников, набранных из дуррани и других племен Кандагарского вилайета, которыми командовали их ханы⁸⁵.

Во время вторжения в Пенджаб в 1797 г. шах Заман имел с собой 80 тыс. кавалерии и пехоты при 700 замбуруков и 63 орудиях⁸⁶, однако его собственные регулярные отряды составляли только часть этих сил.

Об относительно небольшой численности войск шаха Замана можно судить также по дошедшим до нас описаниям его походов в Индию.

Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами империи Дуррани был шах. Непосредственное руководство армией он осуществлял через командующего — «сипах-салара», в ведении которого находились военная канцелярия «дафтар-и низам», интендантство и арсенал. Во времена Ахмад-шаха сипах-саларом был Джехан-хан Попользай⁸⁷.

Важнейшим из военных учреждений империи являлась военная канцелярия. Она ведала учетом личного состава регулярной армии, армейским казначейством и запасами; занималась выдачей воинам продовольствия из государственных складов и снабжением их всем необходимым. Начальником этой канцелярии был чиновник, который при преемниках Ахмад-шаха назывался «лашкар-невис»⁸⁸.

Именные списки всех воинских отрядов хранились в специальной канцелярии, называемой «сан-чахра».

⁸⁵ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 56.— О том, что корпус гуламов насчитывал у преемников Ахмад-шаха 12 тыс. воинов, говорят и другие источники, например: M. Elphinstone, *An account...*, p. 530—531; Ша-Задэ Мохаммед Мустафа, *История Афганистана, рассказанная потомком шахов афганских* («Литературная газета», 1843, № 50), стр. 884; см. также, Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 153.

⁸⁶ H. R. Gupta, *History of the Sikhs*, vol. III, Lahore, 1944, p. 62—Дж. Кенингхем утверждает, что в этом походе шах Заман имел только 30 тыс. воинов (Joseph Davey Cunningham, *History of the Sikhs from the origin of the nation to the battles of the Sutlej*, vol. XXXII, Calcutta, 1903, p. 149).

⁸⁷ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 628.

⁸⁸ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 139; Азибуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 131.

Снабжение войск провиантом и фуражом находилось в руках особого чиновника—«союрсатчи-бashi» (от «союрсат»—контрибуция, реквизиция натурой), который собирал также налоги натурой, шедшие на содержание армии с некоторых, специально выделенных районов.

В первые годы правления Ахмад-шаха в его армии отсутствовала хорошо организованная интендантская служба, из-за чего солдаты во время походов часто страдали от голода и холода. Известно, что войско Ахмад-шаха понесло огромный урон из-за морозов во время отступления в Герат после неудачной осады Нишапура. Только на ночевке в Кафир-кале от холода погибло 8 тыс. человек⁸⁹. Голод — следствие плохой организации снабжения — был одной из причин, заставившей в 1750 г. афганские войска отказаться от похода на Астрabad и отступить к Кандагару⁹⁰.

Ахмад-шах учел эти неудачи и в последующих походах уделял значительно больше внимания вопросам снабжения своей армии всем необходимым: историки свидетельствуют, что во время кампании, закончившейся битвой у Панипата, Ахмад-шах следил за тем, чтобы хлеб был «обильным и дешевым на лагерных базарах»⁹¹.

Арсенал — «кур-хана» — находился в ведении «курчи-бashi», отвечавшего за изготовление и снабжение армии холодным и огнестрельным оружием и боеприпасами, а также за их хранение и ремонт. В Кандагаре имелись (уцелевшие до наших дней) «барут-хана» — мастерские, изготавлившие порох.

Военный суд находился в руках «казиаскаров», военных судей, выполнявших примерно те же функции, что и гражданские судьи. В некоторых случаях военная дисциплина поддерживалась самыми суровыми мерами. Провинившимся солдатам отрезали носы и водили их в таком виде по лагерю в назидание другим. Телесным наказаниям подвергали не только солдат, но и военачальников, вплоть до самых высших. В армии имелись также муҳтасибы,

⁸⁹ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 15.

⁹⁰ АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1752 г., д. 5, л. 126.

⁹¹ Muhammad Jafar Shamli, *Tarikh-i Manazilu-l Futuh* (в кн.: H. M. Elliot — John Dowson, *The history of India...*, vol. VIII, p. 149—150).

наблюдавшие за выполнением военнослужащими установлений шариата.

Отсутствие строгого разделения функций между отдельными ведомствами государственного управления вело к тому, что на военные должности часто назначались гражданские чиновники и чины двора. Так, например, Шах Пасанд-хан, являвшийся «даругой» конюшен Ахмад-шаха, в битве под Панипатом командовал двенадцатицентным кавалерийским корпусом, состоявшим из афганцев, кизылбашей, узбеков и аймаков⁹².

Вследствие того, что большую часть армии составляли нерегулярные части, важную роль в военном управлении играл вазират финансов, осуществлявший учет всех этих частей. Производились периодические смотры состояния оружия и лошадей; от результатов этих смотров зависело жалование командиров нерегулярных отрядов, которые были, таким образом, подотчетны вазирату финансов. Этому же ведомству частично подчинялся союрсатчи-бashi⁹³.

Во время походов командиры отдельных частей выполняли приказы шаха или поставленного им во главе армии военачальника. В мирное время войска, стоявшие гарнизоном в столице, подчинялись шаху или силах-салару. Во главе войск, расположенных в вилайетах, обычно стоял назначенный шахом командующий—«амирлашкар», который подчинялся как центру, так и приказам хакимов и их наибов.

Гарнизонами крупных крепостей командовали «каладары».

По дошедшим до нас описаниям, большая часть афганских крепостей того времени имела форму квадрата или прямоугольника. Их обычно окружала толстая глино-битная стена с бойницами и зубцами. В стене с внутренней стороны устраивался банкет — выступ для стрелков, ширина которого позволяла пройти рядом двум человечкам. На стене через определенные расстояния сооружались небольшие полые башни. Угловые башни делались большего размера и приспособливались для установки артиллерийских орудий. Часто крепость окружал ров,

⁹² Ibid., p. 146—151.

⁹³ Губар, Ахмад-шах Баба-и Афган, стр. 141.

который мог наполняться водой. Крепостные ворота с бойницами, устроенными над ними, обивались огромными гвоздями. Некоторые ворота крепости были постоянно заперты, а открытые усиленно охранялись специальными стражниками.

В конце XVIII в., по данным Гулам Сарвара, в империи Дуррани имелось 195 крепостей, не считая множества фортов и мелких укрепленных пунктов («скотла» или «кот»). Помимо крепостей, построенных во времена Моголов и Сефевидов, в афганских владениях были крепости, возведенные шахами Дуррани. Известно, что Ахмад-шах, например, выстроил крепости в Таш-Кургане (Хульм) и около Мешхеда⁹⁴.

Для несения гарнизонной службы назначались части регулярной армии вместе с вспомогательными контингентами нерегулярной пехоты; в больших крепостях обязательно размещался отряд артиллеристов с несколькими орудиями.

Сведений о жалованье, которое выплачивалось офицерам и солдатам регулярной армии шахов Дуррани, у нас немного. Командиры регулярной армии, имевшие «мансаб»—чин от «дах-бashi» и выше, полагавшееся им жалованье получали наполовину наличными деньгами, а взамен другой половины им давался джагир⁹⁵. Наличные деньги выплачивались им один-два раза в год. Размеры жалованья и величина джагиров увеличивались по мере продвижения военачальника по службе и колебались в денежном выражении в пределах от 100 до 1 тыс. туманов в год⁹⁶. Из фирмана шаха Замана от 1212 г. хиджры (1797 г.), данного на имя куллерагаси Мухаммед Амирхана, мы знаем, что военачальники этого ранга, т. е. командиры «даста» шахской гвардии, получали в конце

⁹⁴ АВПР. ф. «Сношения России с Персией», 1755 г., д. 5, л. 78; В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*. СПб., 1903, стр. 14; J. R. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 314—315; П. Г. Бутков, *Материалы...*, т. 1, стр. 409.

⁹⁵ Такой же порядок существовал в ту эпоху в Бухаре, см. Ф. С. Ефремов, *Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии...*, СПб., 1794, стр. 39—41; Н. В. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843, стр. 113; «Неверное описание великой Бухарии» (*Азиатский вестник*, СПб., 1825), стр. 375.

⁹⁶ Henry C. Rawlinson, *Report...*, p. 825.

XVIII в. 200 туманов в год⁹⁷—примерно в 20 раз больше, чем рядовые гвардейцы. Во времена Ахмад-шаха командиры получали, видимо, меньше, так как имеются сведения, что жалованье офицерскому составу армии было увеличено в годы правления Тимур-шаха⁹⁸. (Надо, впрочем, учитывать падение стоимости денег к концу XVIII в.)

Величина джагиров и условия, на которых они давались военачальникам шахов Дуррани (а равно гражданским чиновникам, придворным⁹⁹ и иногда рядовым воинам), были различны. В джагир жаловались как небольшие участки земли, так и целые махалы с населением в десятки тысяч человек.

Самые крупные земельные и иные пожалования давались в завоеванных провинциях Индии: весь махал Хасан-Абдала, например, был отдан в джагир Музafferхану Юсуфзаю, правителью Музafferабада¹⁰⁰. Значительные джагиры получили афганские сардари в долине Кашмира. Известно, что многим сардарам-дуррани были также даны джагиры в Кандагарском вилайете¹⁰¹. Шах Пасанд-хан, миракур шаха Махмуда, получил в джагир от этого государя весь округ Лаш. Шах Вали-хану, визирю Ахмад-шаха, были пожалованы в джагир значительные участки орошаемых земель в Гульбахаре и т. д.

Давались джагиры и могольским вельможам, перешедшим на службу к шахам Дуррани¹⁰².

На основании данных, почертнутых из доступных нам источников, можно выделить следующие основные виды джагиров, жалуемых в эпоху шахов Дуррани¹⁰³:

⁹⁷ Азизуддин Попользай, *Тимур-шах Дуррани*, стр. 161.

⁹⁸ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 99.

⁹⁹ Так небольшие джагиры давались даже придворным поэтам. Поэт Низамуддин Ишрат Сиалкоти Куреши, написавший поэму, в которой рассказывается о жизни и войнах Ахмад-шаха Дуррани, горько жалуется ему в своих стихах на бедность и скучность своего джагира и лишения, которые он из-за этого терпит (Charles Rieu, *Catalogue*, vol. III, London, 1883, p. 717—718, add. 26 285).

¹⁰⁰ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 217, 269, 270.

¹⁰¹ Фаиз Мухаммель, *Сипадж ат-тасрих*, т. I, стр. 57; H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 217; Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, раздел 28-й.

¹⁰² Известно, что Ахмад-шахом был пожалован джагир даже вдове Муин-аль-Мулька, Мугалани-бегум [(Samin) «Ahmad Shah Abdali...», p. 43].

¹⁰³ Необходимо иметь в виду, что никакой разницы в условиях,

наследственное земельное пожалование, связанное с полным или частичным налоговым иммунитетом;

пожалование (наследственное и ненаследственное), связанное с получением налоговых и податных сумм, следуемых в государственную казну с той или иной территории, участка земли или оросительного канала; взыскав эти суммы, джагирдар в зависимости от условий пожалования мог оставить их себе целиком или обязан был часть собранных денег отдать в казну. Так, Ахмад-шах некоторым из своих военачальников даровал налоговые поступления, которые причитались в Кандагарском вилайете с земель «ноу-абад» (вновь орошенных) и с каналов, проведенных частными лицами¹⁰⁴. Таким образом, теоретически джагирдарам этой категории принадлежало лишь «уступленное» им государством право собирать и обращать в свою пользу налог или часть налога с некоторых земель;

пожалование (обычно на определенный срок) части налогов с тех или иных махалов или вилайетов, которая выплачивалась джагирдару правителем этих областей по специальным бератам, выписанным «высочайшим диваном». Известно, что в 1791 г. Тимур-шах пожаловал монгольскому принцу Мирзе Ахсан Бахшу 200 тыс. рупий ежегодно из налоговых поступлений Мултана и Дера-Гази-хана¹⁰⁵. Шах Заман 200 тыс. рупий из доходов Дера-Исмаил-хана пожаловал Абдурахим-хану Хотаку, на дочери которого он был женат¹⁰⁶. Другому афганскому сардара была отдана в джагир часть налогов с Аттока¹⁰⁷. Налоги с некоторых районов на сумму, равную трем лакхам рупий в год, были отданы в джагир сардарам племени мухаммедзаем;

пожалование, даваемое не отдельным лицам, а целому племени; обычно оно выражалось в наделении племен

на которых жаловались джагиры военачальникам шахов Дуррани и гражданским чиновникам, не существовало, тем более что одни и те же лица часто занимали одновременно как военные, так и гражданские должности.

¹⁰⁴ Henry C. Rawlinson, *Report...*, p. 825.

¹⁰⁵ Syed Hasan Askari, *Taimur Shah and an Indian prince* («The Journal of the Bihar research society», vol. 33, pt. I-II, Patna, 1947), p. 90, 92.

¹⁰⁶ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 57.

¹⁰⁷ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 217, 269—270.

землей. В некоторых случаях в распоряжение племени предоставлялись налоги (или часть налогов), собираемые с районов, населенных неафганцами. Внутри племени дарованный шахом джагир делился между родами и семьями в соответствии с принципами афганского родового права.

Как уже говорилось выше, в джагир давалась не только земля; налоги, следуемые с различных территорий, но и вода, т. е. водоотводные каналы и киризы. Все восемнадцать каналов, снабжавших водой Балх, были разданы шахами Дуррани в джагир разным лицам. Известно, что один из этих каналов, пожалованных Ахмад-беку, старшему сыну мира Клыч Али-хана, приносил доход в 70 тыс. рупий в год; одновременно с джагиром Ахмад-бек получил титул «вали»¹⁰⁸.

До сих пор известен только один случай пожалования в джагир с полным налоговым иммунитетом земель, населенных афганцами.

Речь идет о долине Шол (Кветта), находившейся на территории племени какар. Эта плодородная долина, занимавшая площадь приблизительно в 40 кв. миль, была вместе с лежащим южнее Мастунгом и расположенным на западном берегу Инда районом Харан-Даджель дана в джагир знаменитому беглербегу Белуджистана — Насир-хану Белуджу¹⁰⁹. Все эти земли были полностью изъяты из ведения налоговой администрации афганских шахов, а доходы с них шли в казну Насир-хана, за что он был обязан ежегодно посыпать в Кашмир 1 тыс. пеших воинов.

Что касается жалованья рядовых воинов регулярной армии, то, насколько нам известно, в военной канцелярии — «дафтар-и низам» имелся их поименный список, по которому каждый из них получал деньги на свое содержание. Самую высокую плату получали гвардейцы — гулам-шахи. М. Гурбар считает, что во времена Ахмад-шаха им выплачивалось ежемесячно наличными деньгами двенадцать рупий. Пехотинцы получали в 2 раза меньше — шесть рупий¹¹⁰, вероятно, среди них существовали

¹⁰⁸ M. Elphinstone, *An account...*, p. 464, 475, 476.

¹⁰⁹ Henry Pottinger, *Travels in Beloochistan...*, p. 284.

¹¹⁰ Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 156—160.

какие-то градации; гвардейцы туфангчи, по-видимому, оплачивались лучше других солдат-пехотинцев¹¹¹. На особом положении в отношении оплаты находились также замбурекчи (шахинчи).

При преемниках Ахмад-шаха жалованье гвардейцам также выплачивалось из военной канцелярии наличными деньгами («нагдине»). Для кизылбашей — гуламов шаха Замана оно было равно 10—11 туманам в год¹¹². Пехотинцам в конце XVIII в., по данным Хрисанфа, платили около 4 рублей (на русские деньги того времени) в месяц¹¹³. Полагавшееся жалованье солдаты получали нерегулярно и неполностью, это заставляло их часто «продавать свою лошадь, оружие и одежду, чтобы прожить»; по этой же причине они были вынуждены заниматься ремеслами, торговлей и т. д.¹¹⁴.

В отдельных случаях во время походов воинам выдавались деньги для покупки продовольствия. Так, в 1796 г. шах Заман, чтобы не допустить грабежей, которые могли озлобить местных жителей, выдал каждому солдату по 3 рупии на расходы в пути от Кабула до Аттока¹¹⁵. Однако такие выдачи были исключением, и поэтому солдаты все нужное им отирали у жителей бесплатно. Дж. Форстер так описывает сцены, наблюдавшиеся им в окрестностях Акоры (близ Пешавара) в июле 1793 г.: афганские кавалеристы «наводнили страну, как туча саранчи... они врывались в каждую деревню, лежавшую на их

¹¹¹ У моголов туфангчи, особенно имевшие лошадей, получали жалованье в 7—8 раз выше, чем другие пехотинцы, см.: Irwine, *The army of the Indian Moghuls: its organisation and administration*, London, 1903, p. 167.

¹¹² Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 56.

¹¹³ Хрисанф, митрополит Новопатрасский, *О странах Средней Азии...*, стр. 12.

¹¹⁴ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 49, 29, 86, 88.—Феррье писал, что в его время сардари, командовавшие войсками, отдавали солдатам не более половины положенных им денег, остальное же компенсировали небольшими участками земли, пр. вом на выпас скота, разрешением заниматься ремеслом и т. д. (J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, p. 318).

¹¹⁵ H. R. Gupta, *History of the Sikhs*, vol. III, p. 66.—По свидетельству Дж. Форстера, за 1—2 рупии всадник со слугой могли прокормить себя в течение 12—14 ч.ней (G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 83).

пути, если сами и кормили своих лошадей за счет жителей»¹¹⁶.

Из частей нерегулярной армии на особо привилегированном положении в отношении оплаты находились воинские контингенты, выставляемые племенем дуррани. На основании данных, извлеченных Г. Роулинсоном из кандагарских архивов, условия военной службы ополченцев этого племени представляются в следующем виде:

с каждой из 6 тыс. джагир-кульба, пожалованных племени дуррани, выставлялось два всадника, которые несли службу поочередно;

во время пребывания в шахских войсках всадник дуррани получал 25 туманов, выплачивавшихся ему поквартально; из них 19 туманов выдавались наличными или бератом казначейства, а 6 туманов засчитывались при взимании правительского поземельного налога;

в год, когда воин не призывался на службу или служил менее трех месяцев, он все же получал четвертую часть этого жалованья¹¹⁷.

Кроме того, дуррани получали ряд льгот и преимуществ, в частности, за пожалованные им земли они были

¹¹⁶ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 49.

¹¹⁷ Henry C. Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes dated 19th April 1841* [«Central Asia. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology resources and history of Afghanistan compiled (for political and military reference) by lieutenant-colonel C. M. Mac Gregor, assistant quarter-master-general», pt. II, Calcutta, 1871)], pp. 824—827.—По словам Роулинсона, 25 туманов равны 277 рупиям английской Ост-Индской компании. Кульба — участок земли, для обработки которого требовалась одна упряжка быков; на нем можно было высевать шесть харваров зерна; [1 харвар = 80 сирнов = 565 кг. (B. Markowsky. *Die materiale Kultur*, S. 152); Богданов считает, что 1 хар-ар равен 559 кг. (L. Bogdanov, *The Afghan weights and measures* («Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. 24, 1928, N.—S., № 4), p. 421].

В современном Афганистане кульба — около 33 гектаров.

От могольского джагира и иранского тиуля дурранийский джагир-кульба отличался небольшими размерами, тем, что он был, как правило, наследственным вл. деинем, а его держатель был обязан личной вл. службой, и, наконец, тем, что условием наделения джагир-кульбы была обязательная принадлежность получавшего этот участок земли к определенному племени (И. М. Рейнер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 319).

обязаны посыпать в армию шаха (по сравнению с количеством земли) меньшее число воинов, чем другие племена¹¹⁸, и были освобождены от уплаты большей части налогов (земельного, со скота, «подымного» — ханадури и др.).

Ополченцам других афганских племен обычно никакого жалованья государством не выплачивалось; тем не менее они охотно участвовали в военных походах, если походы эти обещали богатую добычу. Английский агент в Кабуле шейх Рахим-Али писал в конце XVIII в., что афганские «воины готовы идти в Индию без всякой оплаты, просто ради возможности грабежа»¹¹⁹. Автор «Нигар-нама-и Хинд», упоминая о воинах нерегулярных отрядов армии Дуррани, говорит, что им разрешалось оставлять себе всю добычу, которая попадала в их руки, так как «никакого содержания от правительства они не получали»¹²⁰. Иногда, впрочем, если ополченцев призывали на срок более трех месяцев, государство выплачивало им небольшое вознаграждение.

В отдельных случаях ополченцы получали также небольшую сумму, около 5 рупий, которая собиралась по разверстке как чрезвычайный налог со всех жителей их деревни, не исключая ни мулл, ни хамсая¹²¹. Существовал обычай снабжать зерном семьи ушедших в поход воинов, что лежало на обязанности их рода. У некоторых племен восточного Афганистана, если воин терял во время похода свою лошадь, ему возмещали ее стоимость из специального фонда, созданного штрафами или путем специальных сборов.

Стражники, выставляемые ханами племен (которые были ответственны за безопасность дорог, горных проходов и переправ через реки), вознаграждались освобождением от уплаты поземельного налога; иногда им давались участки земли или жаловалась часть налогов, собираемых

¹¹⁸ За 5198,5 джагир-кульба, пожалованных им в вилайете Кандагара, дуррани выставляли 5710 воинов. Недуррани (хотаки, какары, таринцы и др.) получили там же всего 110 джагир-кульба, но воинов давали в армию шаха 2890 человек (см.: Henry C. Rawlinson, *Report...*, p. 826).

¹¹⁹ H. R. Gupta, *History of the Sikhs*, vol. III, p. 61.

¹²⁰ Saijid Ghulam Ali, *Nigar-nama-i Hind*, p. 399.

¹²¹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 533, 534.

в данной провинции, большая доля которых обычно присваивалась ханом племени¹²².

Гильзай за охрану дорог между Кандагаром и Газни получали за счет налогов около 40 тыс. рупий в год. Племена, жившие в районе Хайберского прохода, оракзай, афридии и шинвари в виде компенсации за охрану этого важнейшего пути в Индию были освобождены от выплаты налогов государству. Кроме того, эти племена получили джагиры в районе Пешавара, доход с которых равнялся 12 тыс. рупий в год. Известно, что шах Шуджа платил ханам хайберских племен 60 тыс. рупий в год¹²³. Общий доход, получаемый этими племенами от пожалованных им привилегий и джагиров, был равен к концу правления династии шахов Дуррани 132 тыс. рупий в год¹²⁴. Эти привилегии и денежное вознаграждение давались племенам не только как плата за охрану безопасности дорог, но и в качестве «отступного», чтобы удержать их от грабежа караванов. Если на дорогах все же происходили грабежи, ханы племен были обязаны возмещать потерпевшим понесенные ими убытки; стоимость похищенного имущества они взыскивали с людей, находившихся под их властью. Получая вознаграждение от правительства, горцы в то же время взимали деньги с купцов и путешественников, проходивших через их страну¹²⁵. Не платили ничего только солдаты охраны, сопровождавшей некоторые караваны. Для отдельных путников и мелких групп дорога была все же небезопасна¹²⁶.

¹²² Ibid., p. 529; H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 269—270; Губар, *Ахмад-шах Баба-и Афган*, стр. 112.

¹²³ H. G. Raverty, *Notes on Afghanistan...*, p. 44, 94—95; M. Elphinstone, *An account...*, p. 356; Charles Masson, *Narrative of various journeys in Baloochistan, Afghanistan and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838*, vol. I, London, 1842, p. 164; Mohan Lal, *Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan to Balk, Bouhara and Herat*, London, 1846, p. 77.

¹²⁴ А. Борис, *Кабул. Путевые записки в 1836, 37 и 38 гг.*, т. I, М., 1847 стр. 181.

¹²⁵ См., например: G. Fosster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 54, 55—57.

¹²⁶ Так как племена Хайбера никогда не были подчинены действенному контролю центрального правительства и власть шаха в этих районах была очень слаба, горцы осмеливались совершасть нападения даже на отряды войск самого шаха, надеясь поживиться богатой добычей. Дж. Форстер писал, что «Тимур-шах никогда не

Отряды иррегулярной пехоты, несшие гарнизонную службу в фортах, оплачивались из налогов того вилайета, где они располагались.

Дружины ханов племен содержались и снаряжались в бой за счет их командиров.

Военные колонисты, поселяемые шахами Дуррани на завоеванных территориях и обязанные нести военную службу при дислоцированных там войсках, получали в вознаграждение небольшой участок земли. В западных частях Дурранийской империи эти участки, в зависимости от их величины, назывались «заудж» («зоудже») или «фард». На первом из них можно было высеять 6 харвардов хлеба. Он давался конному воину. Фард равнялся половине зоудже; его получал пеший воин¹²⁷. Колонист свой надел обычно сдавал в аренду. Наделы были наследственными, т. е. переходили от отца к сыну. Подобные же земельные пожалования давались афганским колонистам, поселяемым в районах Балха и в северо-западной Индии. Число таких военных поселенцев было значительным: только в окрестностях Балха по приказу Ахмад-шаха было поселено 5 тыс. афганцев — «нукаров». В вилайете Шикарпуре шахами Дуррани было поселено около 3 тыс. человек, получивших за свою службу наделы, называемые «патта». Большое число афганцев из клана садозаев после 1752 г. было поселено Ахмад-шахом в субе Мультана. Многочисленная афганская колония возникла также в Касуре, к югу от Лахора. Многих своих воинов Ахмад-шах поселил в Индии после победы над маратхами в битве под Панипатом, пожаловав их значительными земельными наделами¹²⁸.

В индийских вилайетах империи Дуррани, где знатные афганские сардари получали иногда от шаха в джагир

проходил через территорию хайберцев без того, чтобы они не нападали на его авангардные или арьергардные части» (*ibid.*, vol. II, p. 58).

¹²⁷ См.: Н. В. Ханыков — по записке Сенда Мир Абдуллы Хасан-шаха (в кн.: К. Риттер, *Иран*, СПб., 1874, стр. 340).

¹²⁸ Фаиз Мухаммед, *Сирадж ат-таварих*, т. I, стр. 56; M. Elphinstone, *An account...*, p. 474—475; J. Burnes, *Narrative of a visit to the court of Sinde and Hyderabad of Indus*, Edinburgh — London, 1839, Appendix, p. 22; Muhammad Aslam, *Farhatu-n Nazirin* — в кн. H. M. Elliot — John Dowson, *The history of India...*, vol. VIII p. 171); Jadunath Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, p. 246.

территории целых махалов, они обычно собственного хозяйства не вели, довольствуясь лишь сбором налогов и не вмешиваясь в дела крестьянских общин, сидевших на земле; поэтому земля здесь, как правило, оставалась в руках индийских общинников. Однако надо иметь в виду, что хотя джагирдари имели право взимать с территорий, отдаенных им в джагир, только те налоги и сборы, которые причитались с них в казну, на практике они брали с крестьян максимум возможного. Именно поэтому в Пенджабе, например, ненависть сикхов, значительную часть которых составляли крестьяне, была в первую очередь направлена против многочисленных джагирдаров¹²⁹.

* * *

«Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно состав, организация, вооружение, стратегия и тактика армии», — писал Ф. Энгельс¹³⁰. Армия Ахмад-шаха и его преемников не была и не могла быть единой централизованной армией. На ней, так же как и на административном устройстве империи Дуррани, лежит отпечаток двойственности, причина которой кроется в том, что у афганцев после образования державы Дуррани продолжали сохраняться в виде весьма сильных и живучих пережитков производственные отношения и формы общественного устройства, присущие родо-племенному строю. Афганская армия времен шахов Дуррани представляла собой сочетание личной гвардии шаха, являвшейся костяком вооруженных сил, с отрядами ханской кавалерии и ополчениями племен. Причем гулам-хана — гвардия шаха являлась основной силой, с помощью которой обеспечивались слаженные и согласованные действия всей армии как единого боевого механизма и смирялось своеование племенных ханов.

Дружины ханов и ополчения племен, составлявшие по численности большую часть вооруженных сил империи, никогда полностью не подчинялись власти шаха и были весьма слабо связаны между собой. Родо-племенные связи определяли как сильные, так и слабые сторо-

¹²⁹ Malcolm, *Sketch of the Sikhs* («Asiatic researches», vol. XI, 1812), p. 246.

¹³⁰ Фридрих Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1957, стр. 336—337.

ны нерегулярных частей афганской армии. Придавая отдельным афганским отрядам большую внутреннюю сплоченность, они в то же время разъединяли их в масштабе всей армии. Последнее обстоятельство таило в себе огромную опасность, так как в тех случаях, когда афганское войско начинало терпеть поражения, отдельные отряды выходили из-под власти шаха и армия разваливалась.

На армии афганских шахов и военной системе, существовавшей в Афганистане в ту эпоху, отразился также «лоскутный» характер этой империи. Вооруженные силы вассальных княжеств не были включены в армию шахов Дуррани как ее органическая составная часть. В вопросах комплектования, организации, вооружения, снаряжения и оплаты своих воинских отрядов вассальные князья были совершенно самостоятельны. Даже многочисленные воинские контингенты, которые выставлялись в армию шаха вассальными правителями, сохраняли в период пребывания на службе у шаха полную автономию. Командовали ими их собственные военачальники, а афганские шахи осуществляли только общее руководство боевыми операциями.

Поскольку только небольшая часть войска шахов Дуррани состояла из профессиональных солдат, а основная масса афганских воинов — земледельцев и скотоводов — не могла надолго отрываться от своего хозяйства, рассматривая свою службу под знаменами как своеобразный «отхожий промысел», то афганская армия не была способна ни к продолжительным военным кампаниям, ни к борьбе с достаточно стойким и сильным противником, способным выдержать первые, обычно самые мощные удары афганских войск. Были и другие причины, которые обусловливали непродолжительный, скоротечный характер боевых операций армии афганских шахов, в частности отсутствие хорошо организованной интендантской службы. Надо также иметь в виду, что шахи Дуррани никогда не были уверены в прочности своего афганского тыла и боялись надолго отрываться от своей основной базы — Афганистана¹³¹.

¹³¹ Непрочность афганского тыла шахов Дуррани особенно ярко проявилась во время индийских походов шаха Замана. Как только шах удалялся за пределы страны, в Афганистане тут же вспыхи-

Изучая ход военных предприятий Ахмад-шаха, мы не можем не заметить их быстроту, стремление разгромить и рассеять противника в первых же сражениях. Третий поход Ахмад-шаха в Индию продолжался всего четыре месяца (декабрь 1751 — апрель 1752 г.), четвертый — пять месяцев (ноябрь 1756 — апрель 1757 г.), все остальные походы были немногим продолжительнее. Исключение составляет только знаменитая кампания против маратхов, закончившаяся Панипатом, когда Ахмад-шах прошел в Индии с октября 1759 по март 1761 г. (т. е. почти полтора года). Длительность походов преемников Ахмад-шаха — Тимур-шаха и шаха Замана редко превышала три-четыре месяца. В результате этого победы, одержанные на поле боя, не закреплялись и поражение противника никогда не завершалось его полным уничтожением.

Таким образом, армия шахов Дуррани была отлично действующим механизмом в случае непродолжительной военной кампании, обещавшей богатую добычу; но этот механизм начинал давать перебои, когда поход затягивался, а противник оказывал упорное сопротивление.

Так произошло в последние годы правления Ахмад-шаха, когда афганской армии пришлось столкнуться с выросшими и закалившимися в непрерывных боях отрядами сикхов. Имеются сведения, что собранное Ахмад-шахом в начале 1766 г. войско отказалось идти в Индию, так как афганская армия была уже ранее «до основания» разбита сикхами, и потребовало, чтобы Ахмад-шах повел его на Иран¹³². Имело значение также и то, что афганские сардары были в значительной мере удовлетворены огромной добычей, захваченной в предыдущих победоносных походах. Дж. Форстер писал, что воины Ахмад-шаха целыми отрядами покидали своего повелителя и уходили в Афганистан, так как они уже обогатились грабежом в Индии¹³³.

вали восстания, заставлявшие Замана прерывать успешно начатую кампанию и возвращаться назад.

¹³² АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1766 г., д. 137, л. 30, 43.

¹³³ G. Forster, *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 151. Хрисанф писал об ополченцах дуррани, что так как «они довольно обогатились, то, дорожа жизнью своей, держатся всегда арьергарда» (Хрисанф, митрополит Новопатасский, *О странах Средней Азии...*, стр. 11).

Во время девятого похода Ахмад-шаха в Пенджаб (декабрь 1768—январь 1769 г.) трудности борьбы с сикхами вызвали раздоры среди афганских сардаров. Двенадцатысячный афганский отряд ушел от Ахмад-шаха и повернулся к Кабулу, что заставило шаха отказаться от продолжения похода. При отступлении в афганском войске вспыхнул бунт: лагерь шаха был разграблен и многие из его приближенных убиты¹³⁴.

Потеря большей части богатого Пенджаба, которой овладели сикхи, пагубно сказалась на состоянии вооруженных сил шахов Дуррани, так как они лишились значительной доли своих доходов. Дж. Форстер писал, что «сккупость», т. е. недостаток средств у Тимур-шаха, больше всего сказывалась на его регулярной армии¹³⁵. Вместе с тем вследствие процесса непрерывной феодальной децентрализации, в основе которой лежал рост крупного феодального землевладения ханов афганских племен, ценные провинции начинают постепенно выходить из-под контроля центральной власти. Одновременно происходит неуклонное «размывание» находившегося в распоряжении шаха фонда государственных земель, за счет налогов с которого содержалась шахская гвардия. Это не могло не ослабить всей военной системы империи Дуррани в целом. Источники отмечают относительную (по сравнению с эпохой Ахмад-шаха) военную слабость державы Дуррани в правление Тимур-шаха и шаха Замана¹³⁶. В этих условиях попытки преемников Ахмад-шаха укрепить центральную власть, сломить своеование ханов афганских племен и положить конец феодальной децентрализации не могли увенчаться успехом.

В начале XIX в. в результате дальнейшего развития феодальных отношений в афганском обществе продолжался рост крупного феодального землевладения ханов племен, прежде всего племени дуррани. Это усилило не-

¹³⁴ J. Heras. *Durrani influence...*, p. 508 (по донесению английского агента, помещенному в «Calendar of Persian Correspondence», vol. II, p. 396, № 1499).

¹³⁵ G. Forster. *A journey from Bengal to England...*, vol. II, p. 88.

¹³⁶ При оценке военной силы преемников Ахмад-шаха надо учитывать, что они действовали в несравненно более сложной обстановке, чем основатель империи Дуррани, и имели дело с относительно более сильными противниками.

равенство среди дуррани; значительная часть прежде свободных общинников, потеряв свои земельные наделы, попала в зависимость от феодальной верхушки. Племенное ополчение дуррани, являвшееся костяком нерегулярной части афганской армии, все более теряло свое значение как боевая сила, и, наоборот, резко возрастила военная роль личных дружин крупнейших дурранийских ханов. Таким образом, военная система империи Дуррани, основанная на сохранении и использовании элементов родового строя, все более приходила в противоречие с изменившимися условиями.

К началу XIX в. изменилось и международное положение империи Дуррани. На севере в годы правления Шах Мурада Мангыта (1785—1800) усилилось бухарское ханство; на западе Каджары после многих лет феодальных смут объединили под своей властью большую часть Ирана; на востоке сложилось сильное сикхское государство в Пенджабе. Подрываемая изнутри восстаниями покоренных народов и непрерывной феодальной децентрализацией, империя Дуррани не имела сил отражать удары своих окрепших соседей, теряла одну провинцию за другой и наконец прекратила свое существование. Вместе с ней погибла и военная система, созданная в годы правления Ахмад-шаха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Империя Дуррани не была первым государственным образованием у афганцев. Еще в XVI в. в восточном Афганистане, в районах, населенных племенем хаттаков, отличавшихся более высоким уровнем социально-экономического развития, так как процесс разложения первобытнообщинного строя и становления феодальных отношений у нихшел дальше, чем у других афганских племен¹, было образовано два феодальных княжества—Акора и Тери. В XVII в. небольшое феодальное княжество возникло в стране афридиев².

Однако эти первые афганские феодальные княжества занимали очень небольшую территорию и не стали ядром государства, которое объединило бы в своих границах все афганские земли. Не стали таким ядром и два других афганских феодальных княжества, возникших в начале XVIII в. в западном Афганистане, в Кандагаре и Герате, хотя они занимали значительно большую территорию, чем их предшественники в восточном Афганистане, и сыграли важную роль в истории афганского народа. Соперничество и вражда правителей Кандагара, происходивших из племени гильзаев, и правителей Герата, принадлежавших к племени абдали (дуррани)³, способствовали тому, что они были разбиты и покорены Надир-шахом Афшаром. Таким образом, только держава, созданная Ахмад-шахом

¹ О причинах сравнительно быстрого разложения первобытно-общинного строя у хаттаков см.: И. М. Рейнер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954, стр. 307.

² W. C. Smith, *Lower-class uprisings in the Mughal empire (Islamic culture)*, vol. XX, 1946, № 1), p. 38.

³ Султан Мухаммед-хан Дуррани, *Тарих-и Султани*, стр. 99. Гулам Хусейн Моктадер, *Тарих-и низами-и Иран*, стр. 174—175.

Дуррани, объединила в своих границах все земли, населенные афганцами, заложив тем самым основы афганского национального государства.

Идея объединения всех афганцев в едином независимом государстве зародилась в огне войн с иноземными поработителями еще в XVI—XVII в. Известно, что уже сыновья БаязидаAnsari (1525—1581), долгие годы боровшиеся с Великими Моголами, именовали себя «падишахами афганцев»⁴. Вождь антимогольского восстания афганцев в 70-х годах XVII в., выдающийся афганский поэт-патриот Хушхал-хан Хаттак (1613—1691) в своих стихах призывал афганцев забыть племенные распри и объединиться в борьбе против общего врага. Но необходимые условия для образования независимой афганской державы возникли только к середине XVIII в., когда, с одной стороны, вследствие развития феодальных отношений у основных афганских племен создались внутренние предпосылки для их государственного объединения, а с другой стороны, изменилась внешнеполитическая обстановка, что дало Ахмад-шаху возможность осуществить сбиение афганских земель.

Создание независимого государства отвечало интересам верхов афганского общества — племенных ханов и мусульманского духовенства, так как давало в их распоряжение силу для подавления эксплуатируемых низов (т. е. неполноправных хамсая и факиров, в число которых по мере развития феодальных отношений попадало все больше свободных общинников). В то же время оно избавляло их от необходимости делиться значительной частью извлекаемого прибавочного продукта с могольскими и иранскими феодалами, под властью которых ранее находились афганские земли. Более того, с образованием собственного государства эта феодальная верхушка получила в свое распоряжение аппарат для организации и проведения завоевательных походов против соседних стран и народов.

* J. Leyden, *On the Rosheniah sect, and its founder Bayezid Ansari* [«Asiatic researches», vol. XI (London), 1812], p. 396.—Некоторые современные индийские историки считают, что попытки объявить себя падишахом Афганистана предпринимал и сам БаязидAnsari [см.: Dharma Bhanu, *The Raushania movements and the Mughals* («Islamic culture», vol. XXVI, 1952, № 11), p. 59].

Создание независимого афганского государства под властью Ахмад-шаха, особенно на первых порах, встретило также поддержку свободных афганских общинников — земледельцев и скотоводов, долгие годы боровшихся за свою свободу с иноземными поработителями. Афганские племенные ханы и духовенство были вынуждены считаться с неизжитыми в афганском обществе традициями и пережитками рода-племенного строя и не могли, особенно в первые десятилетия существования империи Дуррани, даже получив в свое распоряжение такой аппарат насилия, каким является государство, перейти к прямой, открытой эксплуатации и экспроприации своих со-племенников. Поэтому образование независимого афганского государства благоприятно сказалось на положении рядовых общинников, тем более что им перепадала часть той огромной военной добычи, которая захватывалась Ахмад-шахом в его победоносных военных кампаниях. Отрицательные последствия этих военных предприятий для свободных полноправных членов афганских племен, как нам думается, проявились не сразу.

В результате возникновения державы Дуррани на территориях, являвшихся восточной частью империи Надир-шаха и ставших ядром нового государства, был положен предел той феодальной анархии и межплеменным столкновениям, которые в последние годы правления Надира, как язва, разъедали его огромную монархию и самым пагубным образом отражались на положении широких народных масс. Установление относительной безопасности и порядка в провинциях, ставших ядром государства Дуррани, отвечало интересам населения этих провинций — крестьян, ремесленников, мелких торговцев и рядовых кочевников, — в особенности столичного Кандагарского вилайета. За годы правления Ахмад-шаха значительно выросла площадь орошаемых земель в этом вилайете и увеличилось его население, отчасти за счет переселенцев — земледельцев и кочевников⁵.

⁵ Г. Роуллинсон пишет, что число этих переселенцев «быстро возрастило по мере того, как страна становилась спокойной» (Henry C. Rawlinson, *Report on the Dooranee tribes dated 19th April 1841* («Central Asia. A contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology resources and history of Afghanistan compiled (for political and military reference) by lieutenant-colonel

Таким образом, образование независимого афганского государства под властью Ахмад-шаха (созданного в интересах феодальной верхушки афганского общества — племенных ханов и мусульманского духовенства), в силу того что афганские земли в течение длительного времени находились под властью иранских и могольских феодалов, встретило поддержку афганских общинников и даже части неафганского населения центральных вилайетов, жаждавшего прекращения феодальной анархии. Нам представляется, что это является одной из причин сравнительной прочности дурранийской державы и объясняет, почему это государство не распалось сразу же после смерти его основателя, а продолжало существовать до тех пор, пока в результате внутренних процессов, происходивших в афганском обществе, оно не превратилось в тормоз для дальнейшего развития феодальных отношений и не было уничтожено.

Империя Дуррани была раннефеодальным государством. Поэтому на ее государственном строе, а также и на военной системе лежит печать двойственности, проявляющейся в совмещении порядков и установлений развитого феодального общества с неизжитыми институтами родоплеменного строя. Эта двойственность объясняется тем, что если в завоеванных Ахмад-шахом вилайетах Индии и Ирана на службу вновь созданному государству была поставлена существовавшая там в течение многих веков государственная феодально-бюрократическая машина, то в афганских землях империи Дуррани такой феодально-бюрократический аппарат сразу создан быть не мог и имело место постепенное преобразование и приспособление для нужд молодой феодальной державы сохранившихся у афганцев органов родового строя, поскольку афганская племенная знать не располагала еще достаточной силой, чтобы уничтожить освещенные вековыми традициями социально-экономические порядки. Наоборот, известная консервация этих порядков была даже выгодна эксплуататорской верхушке афганского общества, так как сохранявшаяся племенная организация маскировала растущие классовые противоречия и давала возможность

C. M. Mac Gregor, *assistant quarter — master — general*, pt. II, Calcutta, 1871), p. 827.

использовать боевую силу племен в широких завоевательных кампаниях.

Вместе с тем, получив после образования империи Дуррани в свое распоряжение «государственную машину», афганская племенная знать и мусульманское духовенство использовали ее для укрепления феодального базиса афганского общества, что значительно ускорило развитие и становление феодальных отношений у афганцев. Передача ханам функций сборщиков налогов и наделение их административной, военной и судебной властью на тех территориях, где проживало их племя, увеличили авторитет и влияние племенной знати и способствовали постепенному превращению ее в сословие крупных феодальных землевладельцев. Рост феодального землевладения афганских племенных ханов происходил как путем экспроприации ими неафганского крестьянства (а частично и своих соплеменников), так и за счет щедрых земельных пожалований, которые давались им шахами Дуррани в афганских и неафганских вилайетах империи. Этому росту способствовала вся земельная и налоговая политика афганских шахов, подавлявших сопротивление афганского и неафганского крестьянства⁶.

Поэтому между шахом — главой государства и знатью афганских племен в первые годы существования империи Дуррани на основе общности их интересов сложились отношения лояльного сотрудничества.

Однако ханы племен ревниво оберегали свою независимость от покушений со стороны центральной власти, усиление которой они склонны были терпеть, пока это отвечало их интересам. Попытки шахов подчинить ханов действенному правительльному контролю неминуемо должны были вызвать острый конфликт.

Таким образом, феодализация знати афганских племен, сохранившей в своем распоряжении значительные вооруженные силы, состоявшие из личных дружины ханов и ополчений племен, и располагавшей почти бесконтрольной властью на тех территориях, которые эти племена занимали, таила в себе зародыш неизбежных сепаратист-

⁶ И. М. Рейнер. *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, стр. 352.

ских тенденций и представляла значительную угрозу для целостности и единства империи Дуррани.

До той поры, пока Ахмад-шах вел успешные завоевательные войны, в ходе которых афганская знать обогащалась за счет богатой военной добычи и щедрых земельных пожалований на завоеванных территориях, ханы племен охотно оказывали шаху Дуррани поддержку во всех его начинаниях и даже в некоторой степени мирились с его вмешательством в свои внутренние дела и с тем, что центральное правительство изымало у них часть получаемой ими ренты. Положение изменилось, когда афганские армии начали терпеть поражения.

Афганские сардари стремились возместить свои потери в Индии путем захвата государственных земель в собственно афганских областях, а также увеличить свои доходы за счет сокращения доли ренты, передаваемой государству, тем более что абсолютное увеличение ренты наталкивалось на сопротивление как свободных афганских общинников, так и закабаленных крестьян (о чем свидетельствуют восстания таджиков Кабулистана и гильзаев Зурмата). Говоря о причинах недовольства афганских ханов шахом Заманом, Феррье прямо указывает, что «сардари домогались земель и снижения следуемых с них налогов», но им в этом часто отказывали⁷. Вместе с тем усиливались сепаратистские тенденции правителей отдельных вилайетов и местных феодалов, которые по мере снижения доходов провинций (из-за разорения непосредственных производителей в результате бесконечных войн⁸ и вследствие этого сокращения общей массы прибавочного продукта) обнаруживали все меньше желания делиться ими с центральным правительством и стремились увеличить свою долю в совокупной феодальной ренте сокращением той ее части, которая передавалась в шахскую казну.

⁷ J. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 120.

⁸ М. Эльфинстон отмечает, что в районе Мультана большая часть деревень лежала в развалинах и возделывалось не больше половины годных для обработки земель (M. Elphinstone, *An account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies in Persia Tartary and India; comprising a view of the Afghan nation and a history of the Dooraunee monarchy*, London, 1815, p. 21).

В борьбе за укрепление власти и обуздание сепаратистских тенденций афганской феодальной знати шахи Дуррани могли опереться на гвардию, на разноплеменную (преимущественно ирано-таджикскую) служилую бюрократию и мусульманское духовенство, которые зависели от их милостей, и, наконец, на верхушку индийских купцов и ростовщиков восточных вилайетов империи, наживавшихся на откупе налогов и финансировании завоевательных предприятий афганских шахов. Однако всех этих сил было явно недостаточно, чтобы противостоять ханам афганских племен. Это обстоятельство вынуждало шахов Дуррани искать обходных путей к упрочению своего положения и власти.

Ахмад-шах, желая ослабить ханов могущественного клана баракзаев, выделил из него в отдельный клан ачакзаев. Гильзаям, одному из крупнейших афганских племен, Ахмад-шах запретил иметь вождя племени, а над отдельными кланами этого племениставил правителями преданных ему сардаров — дуррани⁹. Чтобы не допустить усиления власти правителя хаттаков, Ахмад-шах главе (раису) этого племени хакиму Акоры противопоставил хана Тери, дав ему также звание хакима; тем самым оба эти правителя были поставлены в одинаковое положение. До этого хаким Акоры считался старшим и хан Тери находился у него в подчинении¹⁰.

Ахмад-шах сделал также попытку противопоставить могущественным сардарам дуррани ханов восточноафганских племен. С этой целью на афганской почве было создано искусственное образование, известное под именем «бар-дуррани», в которое вошли юсуфзай, торкланри, моманды, хаттаки и некоторые другие племена.

Однако эта попытка не могла, конечно, решить вопроса подчинения ханов афганских племен центральной власти.

То обстоятельство, что афганские племена и их ханы почти полностью сохранили свою самостоятельность и не были поставлены под действенный контроль центрального

⁹ M. Elphinstone, *An account...*, p. 398, 546.

¹⁰ Мухаммед Хаят-хан, *Хаят-и афгани*, стр. 324. Тери — теперь Банда Дауд Шах в дистрикте Кохат бывшей Северо-западной граничной провинции Пакистана.

правительства, было основной причиной слабости власти шахов Дуррани. Как сказано выше, ханы племен были заинтересованы в укреплении власти шаха лишь до определенного предела, пока это отвечало их интересам. Они поддерживали шаха и его власть, когда шах помогал им экспроприировать земли неафганского крестьянства и свободных афганских общинников, тем более что с санкции главы государства эти захваты приобретали юридически законный характер. Ханы племен были заинтересованы в ведении широкой завоевательной политики, и они поддерживали шаха, его авторитет и власть как организатора и руководителя этих завоевательных войн. Но все действия шахов, направленные на ограничение самостоятельности и своеволия племенных ханов, встречали со стороны последних прямое и открытое противодействие. Даже против власти Ахмад-шаха неоднократно вспыхивали восстания, организованные афганскими ханами¹¹. И хотя основателю династии шахов Дуррани благодаря его огромному личному авторитету и значительным вооруженным силам, которые он имел в своем распоряжении, удалось подавить эти восстания и беспощадно расправиться с заговорщиками, однако корни, из которых вырастали заговоры и восстания, уничтожены не были. Поэтому империя, созданная Ахмад-шахом, не имела достаточно прочного фундамента, а афганские земли зачастую внушили этому шаху и его преемникам не меньше тревог и опасений, чем вилайеты Индии и Ирана, покоренные огнем и мечом.

После смерти Ахмад-шаха в Афганистане продолжался рост крупного феодального землевладения ханов афганских племен и расхищение ими государственных земель. В то же время усилилось сопротивление покоренных Ахмад-шахом народов игу афганских завоевателей; не только в Пенджабе, но и на севере, в южном Туркестане, шли восстания против власти Дуррани. Все это лишало центральную казну значительной части налоговых поступлений (и без того сократившихся из-за потери большей части Пенджаба, захваченной сикхами) и ставило шахов Дуррани в зависимость от племенной знати, так

¹¹ Мухаммед Амин, *Муджмил ат-таварих*, стр. 10, 112.

как у них не было теперь достаточных средств, чтобы сдержать сильную, боеспособную гвардию. И хотя Тимур-шаху удавалось подавлять открытые восстания ханов племен, вассальных князей и хакимов вилайетов, влияние центральной власти, особенно в отдаленных провинциях, постепенно слабело. О хакиме Мултана Дж. Форстер писал, что он обращал внимание только на те приказы правительства, которые соответствовали его собственным интересам¹². Пользуясь ослаблением власти шаха, некоторые хакими вели себя в провинциях, отданных под их управление, так, как если бы это были их собственные владения: хаким Музаффараабада Султан Махмуд-хан разделил находившиеся в его управлении земли между членами своей семьи, оставив себе «на прокормление» город Музаффараабад с округой¹³.

Шах Заман сделал попытку положить конец растущей феодальной децентрализации и остановить распад империи. «Он хотел уничтожить влияние знати племен, которое способствовало феодальной раздробленности в стране, и укрепить центральную власть»¹⁴, — пишет С. К. Риштия. Были произведены многочисленные казни и конфискации. Многие наследственно закрепленные должности были отобраны у знатных сардаров и розданы людям неродовитым, но лично преданным шаху. Шах Заман задумал даже перенести свою столицу из Кабула в Лахор¹⁵, что было связано также с завоеваниями, которые он пытался возобновить в Индии. Но этому замыслу воспротивились знатные афганские вельможи, и шаху пришлось от него отказаться. Политика шаха Замана вызвала резкое недовольство ханов дуррани, и, как сказано выше, был организован заговор, душой которого стал могущественный глава клана баракзаев — Паинда-хан. Хотя заговор был раскрыт и заговорщики казнены, однако укрепить свое положение шах Заман не сумел. Не по-

¹² G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea*, vol. II, London, 1798, p. 83.

¹³ Ibid., p. 40.

¹⁴ С. К. Риштия, Афганистан, стр. 5.

¹⁵ Charles Masson, *Narrative of various journeys in Baloochistun, Afghanistan, and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838*, vol. I, London, 1842, p. 427.

могли даже щедрые земельные пожалования и широкая раздача денег, пышных званий и титулов. Сын Паиндахана Фатх-хан и другие недовольные шахом Заманом сардари поддержали скрывавшегося в Иране брата и соперника Замана — шах-заде Махмуда. Заман был свергнут и ослеплен. Шах Махмуд, посаженный на престол кликой знатных дурранийских сардаров, был игрушкой в их руках. Через некоторое время он был свергнут и шахом стал родной брат Замана — Шуджа.

Каждый из этих дворцовых переворотов сопровождался раздачей знатным сардарам остатков громадных сокровищ, некогда захваченных Ахмад-шахом во время его победоносных походов, и новыми земельными пожалованиями. Не имея ни средств, ни сил, шахи попадали во все большую зависимость «от доброй воли вождей дурраний»¹⁶.

Правители провинций превратились по сути дела в самостоятельных князей. В 1810 г. Музaffer-хан, хаким Мультана, не получая от центрального правительства помощи против наседавших на него сикхов, вступил в переговоры с генерал-губернатором английской Ост-Индской компании, предлагая признать себя вассалом англичан¹⁷. Джехандад-хан Нурзай, правитель Аттока, продал этот важнейший стратегический пункт махарадже Пенджаба — Ранджит Сингху.

В империи Дуррани воцарилась полная феодальная анархия. Усилились межплеменные войны и столкновения. Пришла в упадок транзитная международная торговля через Афганистан. В этой обстановке реальная власть окончательно перешла в руки представителей нескольких наиболее сильных афганских феодальных кланов, самым могущественным из которых был клан баракзаев, возглавляемый Фатх-ханом. В народе он получил прозвище «тадж-бахш» — «раздатчик короны»¹⁸, так как вручал венец шаха Афганистана то одному, то другому принцу — потомку Ахмад-шаха.

¹⁶ M. Elphinstone, *An account...*, p. 402.

¹⁷ Joseph Davey Cunningham, *History of the Sikhs, from the origin of the nation to the battles of the Sutlej*, vol. 32, Calcutta, 1903, p. 186.

¹⁸ С. К. Риштия, *Афганистан*, стр. «Ба».

Провинции, завоеванные Ахмад-шахом, одна за другой или становились самостоятельными, или попадали под власть усилившимся соседей. Синд, Белуджистан, Бахавалпур, Хорасан, ханства и бекства южного Туркестана вышли из-под власти афганских шахов. Земли, расположенные на правобережье Инда, стали добычей махараджи Ранджит Сингха, подчинившего себе незадолго до этого весь Пенджаб.

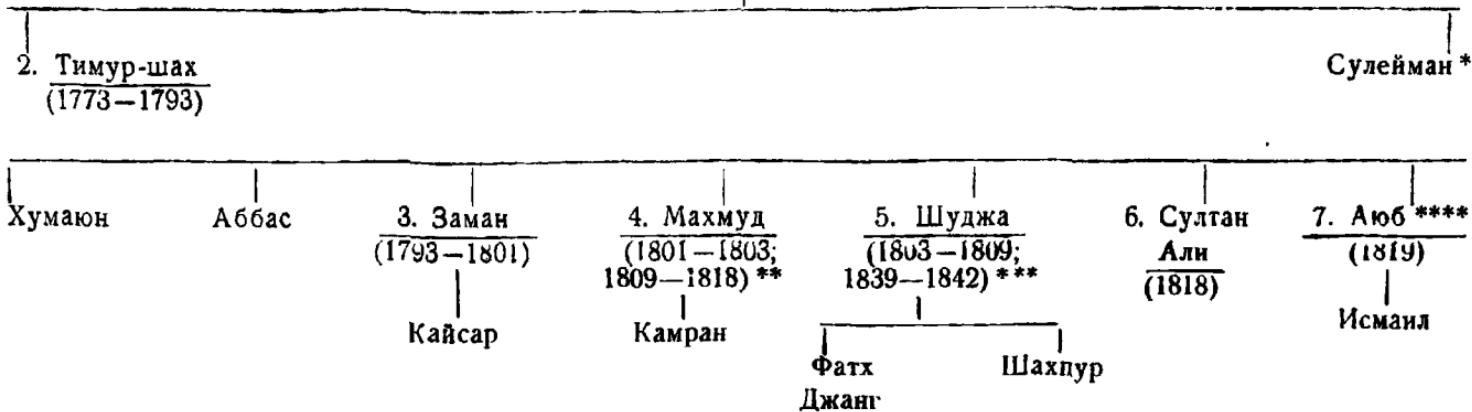
В собственно афганских областях система управления, созданная Ахмад-шахом, все больше приходила в противоречие с изменившимися социально-экономическими условиями. Процесс феодализации афганского общества привел в наиболее развитых в социально-экономическом отношении районах (Кандагар, Кабул, Пешавар, Джеллалабад) к образованию крупного афганского феодального землевладения. Органы управления, созданные на основе родо-племенной организации, не отвечали больше требованиям времени.

Империя Дуррани отжила свой век. На ее обломках возникло несколько самостоятельных афганских феодальных княжеств, объединение которых в единое государство произошло уже в новых исторических условиях. Но время Дуррани оставило огромный след во всей последующей истории афганского народа. Под властью основателя этой империи все афганские земли впервые были объединены в едином, независимом государстве. Память об этом и сегодня живет в Афганистане.

ГЕНЕАЛОГИЯ ДИНАСТИИ ДУРРАНИ

I. Ахмад-шах (1747—1773)

* Кроме Тимура и Сулеймана, Ахмад-шах имел еще нескольких сыновей (Секендера, Парвиза, Шихаба и др.), но они большей роли в истории Афганистана не сыграли.

** Потеряв в 1818 г. трон, Махмуд сохранил, однако, под своей властью Герат, где и правил до 1829 г. Ему наследовал как правителью Герата Камран (1829—1842).

*** В 1839—1842 гг. Шуджа „правил“ в Кабуле при поддержке английских оккупационных войск; после его убийства в апреле 1842 г. несколько месяцев кабульский трон занимал Фатх Джанг, а затем Шахпур.

**** Номинально „правил“ в Кабуле до 1823 г.; фактическая власть находилась в руках сардара Мухаммед Азим-хана Баракзая.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	5
Глава I. Территория и границы империи Дуррани	19
Глава II. Центральный государственный аппарат и органы управления	34
Глава III. Двор, столица и крупнейшие города	52
Глава IV. Административное деление и власть на местах	74
Глава V. Налоги и налоговая система. Доходы и расходы государства	95
Глава VI. Армия и военная система	120
Заключение	161
Приложение: Генеалогия династии Дуррани.	172

Юрий Владимирович Ганковский

**Империя Дуррани
Очерки административной
и военной системы**

*
*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*
Редактор издательства *М. Д. Панасьянц*
Художник *Э. М. Погасян*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Н. Д. Новичкова*
Корректоры *М. Н. Гарбер и Л. М. Манелли*

*
Сдано в набор 29/IX 1958 г.
Подписано к печати 19/XII 1958 г.
Т-13211. Формат 84×108¹/32. Печ. л. 5,375
Усл. п. л. 8,81 Уч.-изд. л. 9,60.
Тираж 1200. Зак. 2137
Цена 5 р. 75 к.

*
Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы

Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
8	6 сн.	تاریخنا	تاریخها
16	11 сн.	وقلازائی	فوفلزارئی
16	6 сн.	٩٢٣١	١٣٢٩
55	3 сн.	مقتدر	غلام حسین مقتدر
142	6 сн.	p. 195.	p. 105.
144	4 сн.	vol. XXXII, Calcutta,	Calcutta,
170	3 сн.	vol. 32, Calcutta,	Calcutta,
175	8 сн.	XVII	XVIII

Зак. 35

вых и республиканской
книга» по адресу: Москва, ул. Куйбышева, дом № 8.

Книга посвящена внутреннему устройству империи Дуррани — первого афганского независимого государства (1747—1819 гг.). В ней освещается государственный строй этой державы, рассказывается об организации центрального государственного аппарата и административного управления, описывается двор и столица шахов Дуррани. Даётся характеристика крупных городов. Отдельные главы посвящены исследованию финансовой и всенной системы империи Дуррани. Книга написана на основе изучения восточных хроник, записок европейских путешественников, а также материалов русских архивов.

Предназначена для историков, экономистов и юристов, занимающихся эпохой феодализма.